

**КАРАГАНДИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИМЕНИ БАРИМБЕКА БЕЙСЕНОВА**

Ж.Б. Жолжаксынов

**НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ**

МОНОГРАФИЯ

Караганда 2019

УДК 343 (035.3)

ББК 67.408

Ж 79

Рекомендовано к печати решением Ученого совета
Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова

Рецензенты:

Онгарбаев Е.А. – доктор юридических наук, профессор, независимый директор НАО «Фонд «Отандастар».

Интыкбаев М.К. – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Центрально-Казахстанской академии.

Пенчуков Е.В. – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра по проблемам исследования и мониторинга нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел, Научно-исследовательского института **Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова.**

Жолжаксынов Ж.Б.

Ж 79 Насильственные преступления: системный анализ уголовно-правовых и криминологических аспектов: монография / Ж.Б. Жолжаксынов. - Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2019. – 234 с.

ISBN 978-601-7589-30-1

*Исследование посвящено уголовно-правовой и криминологической **оценкам** насильственной преступности, которые относятся к одним из наиболее востребованных вопросов в теории и практике.*

Монография содержит в себе удачное сочетание как практического решения текущих задач повышения эффективности уголовно-правовой регламентации и криминологического сопровождения насильственных преступления, так и глубокого, социально обусловленного, динамического анализа насильственной преступности с выработкой новых методологических основ ее оценки и прогнозирования.

Издание представляет интерес для сотрудников правоохранительных органов, а также для научных работников, преподавателей уголовного права и криминологии, магистрантов, докторантов и студентов высших учебных юридических заведений.

УДК 343 (035.3)

ББК 67.408

ISBN 978-601-7589-30-1

© Жолжаксынов Ж.Б., 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
1 Уголовно-правовые аспекты определения понятия и признаков насильственных преступлений	8
1.1. Эволюция теоретических взглядов на понятие «насилие» и его современная трактовка в определении насильственных преступлений	8
1.2 Классификация насилия в уголовном праве и уголовном законодательстве Республики Казахстан.....	44
1.3 Критерии установления уголовно-правового запрета в отношении насильственных преступлений и особенности текстуального оформления понятия «насилие» в УК РК	78
2 Общие и специальные вопросы криминологической характеристики современной насильственной преступности	99
2.1 Анализ современного состояния и тенденций насильственной преступности	99
2.2 Некоторые специальные вопросы криминологической характеристики насильственной преступности.....	123
2.3 Виктимологический аспект насильственной преступности.....	148
3 Предупредительное воздействие на насильственную преступность в Республике Казахстан: традиционные и новые подходы	161
3.1 Общепредупредительное воздействие на насильственную преступность в Республике Казахстан: оценка современных социально- экономических, политических и нравственно-идеологических факторов	161
3.2 Совершенствование современных форм специально- криминологического и индивидуально-профилактического воздействия на насильственную преступность	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219
БИБЛИОГРАФИЯ.....	221
ПРИЛОЖЕНИЯ	232

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Всякая насильственная мера чревата новым злом»

Фрэнсис Бэкон

«Насилие нельзя регулировать и употреблять только до известного предела. Если только допустить насилие - оно всегда перейдет границы, которые мы хотели бы установить для него»

Л.Н. Толстой

«Насилие и угроза насилием, ввиду неизбежной прагматичности всякого действия порождают новое насилие»

Макс Вебер

«Там, где часты насильственные поступки, они терпимы»

Эмиль Дюркгейм

Это лишь несколько цитат известных всему человечеству деятелей относительно природы и социальной опасности насилия. Исследуя насилие в специальном уголовно-правовом и криминологическом аспекте, не следует забывать, что ни одна наука не может обладать своеобразной монополией на определение того или иного понятия, если оно имеет более широкий социальный смысл. Именно таким социальным феноменом является понятие «насилие». Причем оно не всегда может быть оценено исключительно со знаком «минус», поскольку иногда насилие не просто неизбежно, но и необходимо как единственный способ достижения справедливости.

Криминальное насилие, определяемое законодателем любого государства как особый вид поведения, требующий правового реагирования, не есть продукт уголовного права и криминологии, а лишь его отражение, фиксация, регламентация тех форм насильственного человеческого поведения, которые фактически имеют место в обществе, сохраняются либо видоизменяются, приобретают новые формы и соответствующие общественному сознанию оценки. Таким образом, задача законодателя заключается в том, чтобы вовремя отреагировать на соответствующие изменения, учитывать не только очевидные, явно выраженные процессы, но и скрытые явления, которые можно оценить только посредством глубокого анализа ближайших и отдаленных последствий актов насилия в отношении конкретных потерпевших, а также нюансов эмоционально-психологической, нравственной оценки насилия со стороны общества в целом. Ни одна, казалось бы, идеальная с точки зрения формальных критериев правовая конструкция не может стать действенным инструментом в регулировании тех или иных общественных процессов, если она не отвечает общественным тенденциям, является абстрактной, не наполненной социально значимым смыслом, находится в отрыве от тех закономерностей человеческого поведения, постоянных и динамичных мотивационных и причинных факторов, которые в своей совокупности и генерируют отдельно взятый акт

насильственного поведения и насильственную преступность в целом.

Автор настоящей монографии при изложении материала придерживается антропоцентрической позиции, которую пытается обосновать как в отношении отдельно взятого потерпевшего, так и в отношении всего общества в целом. Исследование вопроса привело нас к убеждению, что феномен насилия в уголовно-правовой и криминологической сфере не может и не должен сводиться исключительно к формальной констатации тех или иных форм насильственного воздействия и установлении границ уголовной ответственности за него. Абсолютизация исключительно практического вектора в применении тех или иных форм правового воздействия на лиц, совершающих общественно опасные формы насильственных посягательств, по нашему глубокому убеждению, приводит только к дискретным, сиюминутным результатам, не способным заметно повлиять на реальную картину насильственной преступности и отразить обоснованную тревогу общества относительно постоянно случающихся актов физической или психической агрессии.

Причем, как это ни парадоксально, но социальный прогресс в его традиционном понимании до настоящего времени практически не отразился на объективных параметрах насилия. Современный человек, ощутивший на себе блага цивилизации, живущий в новом технологическом, информационно-насыщенном пространстве, по-прежнему подвержен вспышкам первобытной агрессии, выливающейся в примитивные формы физического и психического насилия. Очевидно, что меняются и будут продолжать меняться только формы и методы воздействия, но остается безусловная деструктивная константа: человек по-прежнему склонен причинять физическую и психическую боль и страдания другому человеку, вплоть до его физического уничтожения.

При этом следует также учитывать, что тенденции мирового сообщества, цивилизационной ментальности современных людей во многом связаны с резким возрастанием чувствительности к насилию, значительно более заметному неприятию тех или иных форм принуждения, вмешательства, притеснения. Этот процесс происходит на фоне четко обозначившихся и, на наш взгляд, совершенно закономерных тенденций восприятия человечеством гуманистических начал, абсолютизации ценности личности отдельно взятого человека, которые проходят «красной нитью» во всех значимых международных актах универсального характера. В рамках уголовно-правовых и криминологических исследований именно насильственная преступность является тем индикативным сектором воздействия, который в максимальной степени отражает и отношение государства к защите физического и психического благополучия своих граждан, и отношения самих граждан к собственной физической и психической безопасности. Действительно, именно собственное физическое и психическое благополучие, а также физическое и психическое благополучие близких, можно сказать без преувеличения, являются для каждого человека наиболее значимыми благами. И посягательства на эти блага воспринимаются наиболее болезненно, порождают максимальные негативные реакции и процессы, причем многие из них могут

быть пролонгированы на достаточно длительный период времени.

Именно по этой причине, как можно будет убедиться при прочтении данной монографии, вопросы насильственных преступлений ставят перед исследователями целый ряд принципиальных вопросов, благополучное решение которых невозможно без их оценки через восприятие насилия самим человеком и обществом в целом. Так, например, следует отметить дискуссионный вопрос о насильственном характере неосторожных преступлений, приводящих к значительным человеческим жертвам, по поводу которых нередко возникает серьезный общественный резонанс. Возможно, назрела необходимость произвести ревизию по данному вопросу. Сюда же следует отнести и весьма остро обсуждаемый на страницах научной печати и практическими работниками правоохранительных органов вопрос о целесообразности (нецелесообразности) уголовной ответственности за менее тяжкие формы физического воздействия на человека. Эти и многие другие вопросы мы подвергли исследованию в рамках настоящей монографии, используя наиболее подходящий, с нашей точки зрения, методологический инструментарий.

Можно выделить целый ряд значимых катализаторов научных исследований, которые приводят к необходимости не только производства новой аналитической работы в рамках вновь возникающих общественных отношений, но также и возобновления, воспроизводства тех направлений, которые, казалось бы, являются уже давно исследованными. Вопросы насильственных преступлений относятся именно ко второй группе направлений научных исследований. Так, например, такой значимый фактор, как изменение действующего казахстанского уголовного законодательства, который нередко является решающим (и даже провоцирующим) для начала тех или иных теоретических разработок, в контексте насильственных преступлений не имеет столь существенного значения. Объясняется это тем обстоятельством, что насильственные преступления являются одной из наиболее статичных сфер уголовно-правового регулирования, не слишком подверженной изменениям как в плане криминализации, так и в контексте пенализации. Исключение составляют разве что уже упомянутые нами минимальные формы физического воздействия в виде побоев и причинения легкого вреда здоровью, по которым социальный консенсус, как нам представляется, до сих пор не найден. Аналогичное утверждение справедливо и в отношении статистических показателей насильственной преступности, которая на протяжении длительного времени не подвергается более или менее существенным колебаниям. Иными словами, сфера насильственных преступлений является не столь динамичной, как целый ряд других значимых направлений реализации уголовной политики государства.

И, тем не менее, насильственные преступления, как мы постараемся продемонстрировать в нашем исследовании, нуждаются в обновлении исследовательской базы, в пересмотре целого ряда теоретических положений, которые до сих пор казались традиционными. Данное утверждение справедливо как в отношении исключительно теоретического анализа данной группы

преступлений в традиционном понимании данного процесса, так и в поиске новых способов исследования, анализа, классификации и предупреждения насильственных преступлений.

В ходе нашего исследования, как мы полагаем, поднимается целый ряд вопросов дискуссионного характера, которые могут получить дальнейшее развитие в рамках специальных исследований. В частности, автор монографии производит попытку выделения оптимальной группы преступлений, которую следует причислять именно к понятию «насильственные преступления», аргументирует позицию относительно необходимости и практической значимости определения перечня «индексных» насильственных преступлений, а также обособления статистического учета в отношении данных посягательств. В монографии затрагивается целый ряд вопросов, имеющих исключительно теоретический характер, но, тем не менее, значимых с точки зрения дальнейшего развития уголовно-правовой теории в направлении исследования составов насильственных преступлений. Таковой, в частности, является предложенная нами абстрактная конструкция комбинированного (интегрированного) объекта насильственных преступлений. Мы попытались привлечь внимание и к целому ряду текущих проблемных вопросов, имеющих место в рамках действующего уголовного законодательства, сформулировав собственные предложения по его совершенствованию.

Анонсируем также для тех, кого заинтересует данное исследование, целый ряд новых аспектов в контексте криминологического исследования насильственной преступности. В частности, нами обоснованы некоторые ранее не выделявшиеся в криминологической теории типы насильственных преступников, предложены отдельные новые формы осуществления профилактического воздействия. Так, например, сформулированы возможные варианты развития отечественной прикладной виктимологии именно в контексте насильственных преступлений. Многие другие вопросы, в том числе и весьма специфического, частного характера, мы попытались затронуть в настоящей монографии, чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что в вопросах исследования насильственной преступности точка еще долго не будет поставлена. В частности, мы также обосновали и обозначили целый ряд перспективных направлений теоретического исследования насильственных преступлений и вопросов их предупреждения.

Не претендуя на завершенность и полную безошибочность высказанных нами суждений и выводов, надеемся на то, что затронутые нами в **научной работе** аспекты исследования насильственных преступлений получат развитие в дискуссионном ключе в специальных исследованиях по данному вопросу, равно как и не исключаем перспективы практической реализации сформулированных нами предложений по совершенствованию действующего законодательства и практических мер профилактического воздействия в отношении насильственных преступлений и лиц, их совершающих.

1 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1.1. Эволюция теоретических взглядов на понятие «насилие» и его современная трактовка в определении насильственных преступлений

Любое комплексное исследование, как правило, сопряжено с первоначальным уяснением семантического и логического смысла основных понятий, непосредственно связанных с предметом научного анализа. Иными словами, первым делом следует определиться с тем, что же следует понимать под понятием «насилие» в уголовно-**правовом** аспекте. Однако действующее, равно как и предшествующее, уголовное законодательство Республики Казахстан, несмотря на широкое применение термина «насилие», не содержит ни легального определения данного понятия, ни собирательного понятия «насильственные преступления». Отсутствуют и иные формы обособления данного уголовно-правового и криминологического явления, в частности, в качестве самостоятельного объекта статистического учета. Таким образом, являясь практически одним из фундаментальных элементов всей совокупности существующих уголовно-правовых запретов, насилие и формирующаяся по причине его применения группа насильственных посягательств остаются без легально оформленной дефиниции. Полагаем, что этому имеется целый ряд вполне объективных причин, с которыми мы и сами столкнулись при осуществлении исследования. И самый главный вопрос в данном случае – какими наиболее значимыми критериями следует ограничиться для выработки унифицированного понятия насилия в уголовном праве? Нуждается ли действующий уголовный закон в легальном определении данного понятия или достаточно качественных доктринальных разработок?

Как справедливо указывают ученые, понятие «насилие» является всеобъемлющей **категорией**, сопровождавшей человечество на протяжении всего его существования¹. Исследователи феномена насилия подчеркивают, что оно менялось с развитием общества, трансформируясь от первоначального средства разрешения межличностных конфликтов до формы межплеменных, межродовых и иных социальных, политических, межрелигиозных, межэтнических и др. конфликтов². Общественная опасность насилия была осмыслена и оценена уже в наиболее древних источниках права, таких как законы Хаммурапи (XVIII в. до н.э.), Ману (II-I в. до н.э.), XII таблиц (I в. до н.э.), где, несмотря на диспропорцию в охране физического благополучия различных сословий, классов, одними из первых упоминались именно насильственные посягательства на жизнь, здоровье, другие неимущественные блага³.

¹ Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. - М., 2001. - С. 33.

² Козырев Г.И. Проблема насилия в теории, в массовом сознании и реальной жизни // Вестник Московского университета. Философия. Сер. 7. - 2000. - № 6. - С. 85.

³ Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп.

Если в ранние эпохи существования человечества насилие являлось средством для защиты территории, населения, добывания пищи и других средств существования, то с течением времени оно становится более сложным социальным конгломератом, неизбежно усложняющимся и видоизменяющимся вслед за развитием структуры общественных отношений. И только часть данного социального конгломерата оказывается в тот или иной исторический период включенной в сферу уголовно-правового регулирования. Следует признать, что современная насильственная преступность, по большому счету, не стала более «цивилизованной», грубые, примитивные формы насильственного удовлетворения потребностей по-прежнему являются неизбежными атрибутами человеческого социума. Безусловно, меняются формы, способы, структура мотивации, механизмы совершения преступных посягательств, однако центральный элемент данного социально-правового феномена остается неизменным и по-прежнему связывается с субъективной допустимостью достижения той или иной цели посредством насильственного воздействия на физическое или психическое благополучие другого человека. Иными словами, развитие человеческой цивилизации, сопровождающееся сменой политических парадигм, религиозных догматов, социальных концепций, технологической составляющей жизнедеятельности, нравственно-идеологической оценки ценности индивидуума, происходит на фоне перманентно сохраняющихся и постоянно воспроизводящихся актов насильственного поведения одного человека по отношению к другому.

Совершенно справедливо указывают современные исследователи, что проблему насилия не мог обойти стороной практически ни один мыслитель, философ, политолог, социолог - настолько сильно данный феномен сплетен с самой человеческой цивилизацией, сопровождает ее на протяжении всего процесса возникновения и развития⁴. Вопросы насилия – это и культурологическая проблема, и художественный элемент литературных произведений, и оправдание революционных взглядов и идей, и предмет специальных психологических исследований, - иными словами, насилие в уголовно-правовой сфере представляет собой лишь один из фрагментов данного глобального социального феномена. Соответственно, воплощая насилие в уголовно-правовых нормах, придавая ему строго формальные признаки и диапазон уголовно-правовой оценки, следует учитывать и иные ипостаси данного явления.

В частности, известный исследователь, правовед и философ XVIII века Ш. Монтескье расценивал насилие не только как различного рода воздействие одного человека на другого («физическое или словесное»), но и как следствие политического беззакония⁵. Аналогичное деление насилия на своего рода частные случаи причинения вреда личной безопасности граждан (их жизни, здоровью, чести, имуществу) и на совершение незаконных действий

- М., 2005. - С. 407.

⁴ Иванцова Н.В. Уголовная ответственность за общественно опасное насилие: (вопросы теории и практики). - Чебоксары, 2006. - С. 8-9.

⁵ Монтескье Ш. Избранные произведения / под ред. М. П. Баскина. - М., 1955. - С. 30-233.

представителями власти по отношению к другим гражданам указывал и **Ч. Беккариа, последователь Ш. Монтескье**, в своей книге «О преступлениях и наказаниях». Исследователи были единодушны в том, что насилие в любой форме является разрушительным для общественных отношений, препятствует благополучному функционированию личности и государства в целом.

В противоположность подобным пацифистским философско-правовым воззрениям можно привести не менее известную концепцию Ф. Ницше, который полагал, что жизнь человека сама по себе «в основных своих проявлениях действует путем насилия и не может быть вовсе мыслима помимо этого характера»⁶. Соответственно, и спектр насилия, выделяемый Ф. Ницше, весьма велик – от политического, государственного (межгосударственного) до межгруппового, межличностного и даже направленного против самого себя. Насилие расценивалось им как своеобразное средство борьбы с «несовершенством» в государственном устройстве, в отношениях между людьми, в самом человеке.

Цитирование взглядов на насилие в обществе можно было бы продолжать до бесконечности, а авторами его разнообразных трактовок в различные времена являлись философы, политологи, социологи, деятели искусства, психологи и представители других гуманитарных отраслей. Следует признать, что правовая трактовка насилия является далеко не первоначальной, а, напротив, производной и во многом сужающей его этимологическое значение. В целом, это вполне объяснимо и закономерно, поскольку право – это, в первую очередь, регулятор общественных отношений, что предполагает потребность в более или менее четких конструкциях. С другой стороны, именно по указанной причине отсутствие понятия «**насилие**» в уголовном законе, несмотря на его широкое применение в **тексте** самого закона, выглядит тем более странным. Иными словами, возникает вопрос о целесообразности этимологической оценки понятия «насилие» в уголовно-правовом контексте, поскольку различные источники толкования данного термина приводят достаточно разнообразный набор характеризующих его параметров («физическое воздействие», «применение силы», «принуждение», «агрессия», «произвол», «беззаконие» «подавление», «ограничение воли» и многие другие).

Мы полагаем, что в данном случае возможна только контекстная трактовка, исходя из сферы гуманитарного знания, в рамках которой исследуется данный феномен. Так, в философии сейчас насилие преимущественно трактуется как средство достижения тех или иных целей посредством подавления воли одних людей (групп) другими⁷, в политологии – как средство подавление воли противоположного политического субъекта по поводу стремления к политической власти и ее удержанию⁸, в психологии – как практически любая форма агрессии по отношению к личности, в антропологии – как свойство человеческой природы, своего рода «антропологическая

⁶ Цит. по: Крайнова О.Л. Криминологическая характеристика форм криминального насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – С. 18.

⁷ Гусейнов А.А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии. - 1994. - №6. - С. 36.

⁸ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие. Социально-политический анализ. - М., 2000. - С.- 20-21.

константа», в отношении которой следует устанавливать контроль и самоконтроль⁹, в праве – объективированная форма насильственного поведения одного человека по отношению к другому, в отношении которой установлен запрет (преимущественно) или дозволение (в исключительных случаях, например, при реализации права на необходимую оборону) и т.д. При этом, следует отметить также, что сфера правовой регламентации насилия (запрета на насилие) не является исключительно прерогативой уголовно-правовой отрасли, хотя данная отрасль и является подавляющей в плане правовой оценки насилия и реакции на него. Так, безусловно, следует отметить сферу административно-правовой юрисдикции в отношении насильственных форм поведения, которую, по традиционному пониманию, отличает меньшая степень общественной опасности. Именно к административной юрисдикции в настоящее время преимущественно относят регулирование насилия на почве семейно-бытовых отношений¹⁰. А, например, гражданское право оценивает насилие с точки зрения воспрепятствования свободному волеизъявлению сторон (например, при насильственном воздействии, принуждении к совершению сделки).

В целом, следует признать, что отсутствие легального определения понятия «насилие» и «насильственное преступление» или, по крайней мере, более или менее функционального терминологического аппарата для точного определения данных понятий значительно осложняет как теоретическую трактовку данного уголовно-правового понятия, так и его применение в судебно-следственной практике. Данное утверждение преимущественно относится именно к понятию «насилие», поскольку понятие «насильственное преступление» фактически является производным от него. Вместе с тем, колоссальное разнообразие теоретических трактовок и судебных толкований понятия «насилие» (некоторые из них будут нами проанализированы при исследовании специальных вопросов определения и квалификации насильственных форм поведения) свидетельствует о повышенной сложности данной задачи в плане выработки универсальной дефиниции. Однако мы полагаем, что определенные задачи посредством легально закрепленной в уголовном законодательстве терминологии все-таки могут быть решены. Как минимум, для закрепления наиболее значимых признаков насилия, которые должны представлять собой своеобразную концепцию современного законодателя в отношении данной, весьма значительной по объему, группы преступных посягательств.

В случае законодательного закрепления понятия «насилие» фактически будет идти речь о его понимании в так называемом «узком смысле», то есть как той или иной объективированной формы насильственного поведения одного человека (группы лиц) в отношении другого (другой группы лиц). Так, в частности, насильственные формы воздействия в отношении государства в настоящее время принято трактовать в рамках понятия «агрессия», хотя

⁹ Колесников А.С. История философии XX века. Современная зарубежная философия. – М., 2018. – С. 167.

¹⁰ Сапаралиева С.М. Административно-правовые аспекты профилактики бытового насилия в Республике Казахстан // Вестник КазНПУ. – 2010. – № 2 (20). – С. 26-29.

исследователи указывают, что агрессия как акт поведения **характерна** не только для юридических, но и для физических лиц (в рамках международного уголовного права)¹¹. С другой стороны, иногда качественное определение «агрессивный» исследователи применяют и для оценки той или иной формы насильственного поведения, в частности, разбойного нападения¹². Возникают и другие сложности как в трактовке форм насильственных посягательств (например, по степени общественной опасности причиняемого вреда или угрозы его причинения), так и по объему распространения понятия «насильственное преступление» на те или иные посягательства (например, по отношению к животным, по отношению к юридическим лицам), а также по трактовке частных случаев принуждающего воздействия («принуждение», «понуждение», «склонение» и т.д.). Так, в частности, ч. 1 ст. 237 УК РК при определении состава бандитизма указывает на цель нападения на граждан и организации, фактически объединяя по характеру и степени общественной опасности данные разновидности бандитских нападений¹³. Будет ли методологически верным утверждать, что в случае нападения на граждан имеет место насильственное преступление, а во втором случае – преступление иного рода?

Как указывают современные исследователи, вся история развития уголовного законодательства в отношении различных форм регламентации насильственных посягательств была связана с отсутствием легального определения насилия¹⁴. Это тем более характерно для норм обычного права казахов, для которых была не характерна письменная фиксация предписаний, а, тем более, выработка абстрактных понятий, в том числе и для насильственных посягательств, которые преимущественно перечислялись, детализировались, но не объединялись в общие понятия¹⁵.

Теоретическая мысль в плане эволюции взглядов на насилие как социальное явление, требующее уголовно-правового регулирования, представлена значительным количеством взглядов, концепций, определений. Оценить нынешнее состояние уголовного законодательства, качество и методологическую основу уголовно-правового инструментария по адекватному реагированию и предупреждению насильственных преступлений невозможно без анализа эволюции теоретических взглядов собственно в отношении понятия «насилие».

Безусловно, формально-юридические трактовки понятия «насилие» появились позднее философских, философско-правовых трактовок и преимущественно производились в контексте существующих в соответствующий период уголовно-правовых конструкций. Мы в рамках

¹¹ Малахова О.В. Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 11.

¹² Жалинский А.Э. Криминология. Избранные труды. – 2014. – Т. 1. – С. 188.

¹³ Уголовный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V.

¹⁴ Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве (теория и практика уголовного права и уголовного процесса). – СПб., 2001. – С. 12.

¹⁵ Абдрашит А.А. Уголовная ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2004. – С. 28.

нашего монографического исследования проведем фрагментарный анализ наиболее значимых, с нашей точки зрения, аспектов с целью получения методологической основы для решения следующих теоретических вопросов: целесообразно ли стремиться к легальному определению понятия «насилие» (либо, как вариант, «насильственное преступление») в тексте уголовного закона? Какой минимально необходимый набор признаков уголовно-правового насилия можно признать достаточным для характеристики всех возможных форм насильственных посягательств? Каковы основания и критерии установления уголовно-правового запрета (криминализации) в отношении той или иной формы насильственного поведения? Полагаем, что только при решении данных вопросов можно будет в дальнейшем вести речь об оценке эффективности существующих конструкций, расширении превентивного потенциала уголовного законодательства в отношении насильственных преступлений.

Применительно к казахстанскому уголовному законодательству, учитывая исторические обстоятельства развития правовой системы (нормы обычного права – нормы российского имперского законодательства – советский период развития законодательства – современная казахстанская правовая система) необходимо учитывать, что правовая регламентация долгое время, за исключением ограниченной сферы применения норм обычного права казахов вплоть до 1920 года, имела несколько несамостоятельный, производный характер, обусловленный включением в общие системы правовой регламентации (сначала российского имперского права, затем системы советского права). Соответственно, традиционно в казахстанских правовых исследованиях, сопряженных с историческим анализом тех или иных аспектов уголовно-правового регулирования значительное место занимает исследование теоретических концепций российских исследователей до 1917 года, а также авторов советского периода развития уголовно-правовой науки.

Следует отметить, что изначально теоретическая трактовка понятия «насилие» (более или менее системные изучения можно отнести к концу XIX века) преимущественно связывалась с менее интенсивными воздействиями на организм человека, причем преимущественно физического характера. В настоящее время смысловые акценты при оценке понятия «насильственные преступления» преимущественно связаны именно с наиболее общественно опасными формами посягательств (убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования и др.). Первоначально же исследователи обращали внимание на самые различные нюансы насильственного воздействия на другого человека, в том числе и связанные с причинением боли без видимых последствий.

Так, в частности, В.Д. Набоков, оценивая умышленные формы применения физической силы по отношению к другому человеку, указывал на возникновение у потерпевшего «физических ощущений», «физической боли»¹⁶.

¹⁶ Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. - СПб., 1903. - Вып. 1. - С. 25.

Весьма значительный спектр такого насилия выделял и В. Ширков: «нетяжкие побои», «сечение розгами, палками», «нетяжкие истязания и мучения», под которыми он понимал связывание, тисканье и другие подобные формы воздействия¹⁷. Причем автор специально указывал, что данные действия не должны переходить в тяжелые формы, а в качестве последствий для потерпевшего называл «чувствительность», «боль», «страдания обиженного».

В отдельных исследованиях досоветского периода мы обнаруживаем более обобщенную трактовку насилия, хотя также преимущественно в менее тяжких формах, не связанных с причинением смерти или вреда здоровью потерпевшего. В частности, Н.А. Неклюдов в понятие «насилие» объединял любые формы принудительного воздействия на другого человека, по причине которого потерпевший лишается возможности располагать собой, своими действиями, лишается возможности действовать по своему усмотрению¹⁸.

Необходимо признать, что осознание общественной опасности и специфического характера воздействия на человека посредством психического насилия (преимущественно различного рода угроз) произошло с незначительным отставанием от оценки различных форм физического воздействия. Так, в частности, тот же Н.А. Неклюдов отдельно выделял угрозы насилием и угрозы произвести поджог как способы принуждения по отношению к потерпевшему. Аналогично и Л.С. Белогриц-Котляревский при трактовке понятия «насилие» практически уравнивал физическое воздействие и психическое принуждение как способы ограничения свободы человека¹⁹. П.Д. Калмыков аналогично оценивал механизм воздействия на волю человека посредством угрозы причинить ему какое-либо зло или вред²⁰. А И.Я. Фойницкий, в свою очередь, ввел в оборот существующую до настоящего времени классификацию насилия на физическое и психическое²¹. Соответственно, уже в начале XX века сложилась концепция определения насилия в его двух основных ипостасях (физическое и психическое), объединяющим началом для которых явилось незаконное воздействие на другого человека, связанное с принуждением его к чему-либо либо сопряженное с определенными переживаниями, лишениями, страданиями²². Причем, если физическое насилие имело значительное число объективированных форм, то психическое насилие практически всеми исследователями связывалось с угрозами (преимущественно угрозами причинения тяжелых форм насилия или порчи имущества).

¹⁷ Ширков В. Насилие и самоуправство // Вестник права. - СПб., 1903. - Кн. 5, 6. - С. 218.

¹⁸ Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. В 2-х томах. Т.1. Преступления и проступки против личности. - СПб., 1876. - С. 123.

¹⁹ Белогриц - Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. - Киев, 1903. - С. 377.

²⁰ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть общая. - СПб., 1866. - С. 103

²¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 6-е изд. - СПб., 1912. - С. 87.

²² Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]: в 86 т. с ил./ Брокгаузъ и Ефронъ: 4 электронных оптических диска (CD-ROM): Репринтное воспроизведенное издание. - СПб., 1890. - Т.40. - С. 638.

В контексте приведенного выше теоретического фрагмента нашего анализа развития понятия «насилие» полагаем необходимым произвести акцент на том, что на рубеже XIX-XX вв. повышенное внимание в теории уделялось не «очевидному» насилию (сопряженному с различными формами тяжкого насильственного воздействия на личность), а оценке различных нюансов насильственного поведения по отношению к другому человеку, сопряженному не столько с реальным физическим вредом, сколько с причинением боли, страданий, мучений и иных переживаний потерпевшему. Частично такие трактовки сохранялись и в первые годы развития советской уголовно-правовой науки, однако в последующем, в связи со все более четким разграничением административной и уголовно-правовой юрисдикции, на первый план научных исследований стали выходить исключительно более тяжкие, как мы назвали, «очевидные» формы насилия. При этом, как нередко бывает, те или иные правовые процессы проходят определенный «виток» в своем развитии, и мы обнаруживаем упоминание причинения физических и психических страданий и в действующем уголовном законодательстве РК (в частности, в ч. 1 ст. 110 УК РК «Истязания» и ч. 1 ст. 146 **УК РК** «Пытки»).

В настоящее время в казахстанском обществе ощущается тенденция, которая, можно с уверенностью сказать, будет и в дальнейшем не только сохраняться, но и усиливаться. Описать данную тенденцию можно в следующих основных тезисах: усиление антропоцентризма правовой системы как мировая тенденция, отражающаяся и на правовой действительности Казахстана, снижение толерантности к различным, даже незначительным, правонарушениям (принцип «нулевой терпимости» к правонарушениям), трансформация общественного сознания в части отказа от многих стереотипов (в частности, так называемого «домостроевского» типа семейных отношений, гендерных стереотипов и др.). Иными словами, речь идет не столько об изменениях уголовно-правовых конструкций, связанных с регламентацией ответственности за насильственные посягательства (они, в целом, являются, достаточно статичными), сколько о прогнозируемом изменении обыденного правосознания граждан в сфере уголовно-правовых отношений. Как указывают отечественные исследователи обозначенной проблемы, «правосознание может раскрыть систему правовых эмоций, идей, чувств, оценок, взглядов, установок, выражающих отношение каждого человека как к действующей правовой системе, к правам, свободам, обязанностям граждан, так и к позитивным моментам желаемого права, правовых явлений»²³. Таким образом, стремление к определенному правовому «идеалу», желаемым правовым явлениям также включается в структуру обыденного правосознания и неизбежно отражается как на восприятии, оценке тех или иных правовых предписаний (запретов), так и на оценке их нарушения.

Это подтверждается и данными частных исследований восприятия насилия в семейно-бытовой сфере, осуществленными современными

²³ Ахметов А.С. Правосознание как элемент правовой культуры казахстанского общества // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2014. - Вып. №4. - С. 37.

исследователями, в соответствии с которыми «диапазон чувствительности» современных граждан к различного рода притеснениям, оцениваемым как бытовое насилие, в последнее время значительно расширился и включает в себя не только обычные формы насилия (побои, угрозы и т.д.), но и самые различные другие типы поведения (контроль, запреты, воспрепятствование, учинение препятствий, эмоциональная холодность и эмоционально-агрессивные высказывания и т.д.)²⁴. При этом указываются также вполне заметные корреляции между такими факторами, влияющими на повышенную чувствительность к различным формам насилия, как уровень образования, стаж семейной жизни, характер предыдущих отношений и т.д. Иными словами, чем выше уровень социализации, осознания собственных потребностей, самоидентичности у конкретного человека, тем менее он терпим к насилию. Безусловно, это не универсальная, а вероятностная формула, которая, тем не менее, требует учета в вопросах предупреждения насильственных преступлений. То есть предположение о снижении толерантности к насилию, даже в наименее опасных его формах, есть один из действенных способов повышения эффективности уголовно-правовых запретов. Это своего рода скрытый, неочевидный, но содержащий в себе значительный потенциал механизм, в котором право как таковое (в том числе и в виде уголовно-правовых предписаний) воспринимается в «чистом» виде, как универсальный регулятор существующей системы общественных отношений.

Мы позволили себе данное отступление, поскольку в нашем исследовании отталкиваемся от двух основных гипотез. Первая гипотеза заключается в том, что уголовно-правовое регулирование различных форм насильственных преступлений является одним из наиболее статичных сегментов уголовно-правового законодательства, в котором функционируют более или менее стабильные уголовно-правовые конструкции (конструкция убийства, конструкция умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, конструкция изнасилования и др.). Данные конструкции, как правило, менее динамичны с точки зрения законодательной ревизии, как в плане криминализации (декриминализации), так и в плане пенализации (депенализации). Это вовсе не означает, что уголовно-правовая регламентация насильственных преступлений не должна подвергаться изменениям с точки зрения повышения эффективности действующих конструкций.

Вторая гипотеза заключается в том, что стабильность уголовно-правовых конструкций при сохраняющемся высоком уровне насильственной преступности в государстве неизбежно ставит вопрос о том, что вопросы предупредительного воздействия на данный сегмент преступности следует связывать не только и не столько с соответствующими уголовно-правовыми запретами, сколько с использованием потенциала происходящих изменений в сфере обыденного правосознания казахстанских граждан.

При этом мы продолжаем настаивать на том, что вопрос о

²⁴ Крюкова М.В. Современные реалии восприятия насилия: региональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. - № 5. – С. 228-230.

целесообразности формулировки **понятий** «насилие» и «насильственное преступление» должен быть все-таки решен. Соответственно, продолжим теоретический анализ данных понятий на основе концепций, разработанных в уголовно-правовой науке.

В целом, зафиксированная на рубеже XIX-XX вв. дихотомия уголовно-правового насилия как физического и (или) психического воздействия на потерпевшего сохранялась в последующие периоды развития уголовно-правовой науки и является практически аксиомой уголовного права до настоящего времени. В отдельных теоретических концепциях советского периода иногда можно встретить недооценку (или вовсе отсутствие упоминания) в отношении психического насилия, но постепенно теоретическая мысль в данном вопросе приблизилась к единообразию. Вместе с тем трактовка признаков внутри данных основных двух форм насильственного поведения практически всегда была и остается весьма неоднородной.

В первые годы функционирования советского уголовного законодательства в отдельных теоретических концепциях сохранялся прежний подход к трактовке насилия исключительно в формах, не представляющих опасности для жизни **и** здоровья потерпевшего. При этом следует отметить, что советские кодифицированные источники уголовного права союзных республик в контексте регламентации основных видов насильственных преступлений были практически идентичны. Таким образом, основная динамика развития понятия **«насилие»** может быть отмечена исключительно в рамках теоретических разработок. Так, в частности, С.В. Познышев при трактовке понятия «насилие» связывал его с побоями (нанесением ударов), причинением физической боли посредством применения мускульной силы к потерпевшему, не приводящими к расстройству здоровья, увечьям²⁵. Акцент на причинение физической боли без повреждения здоровья потерпевшего при применении насилия производил в своих работах и М.Д. Шаргородский, причем отсутствие физической боли автор связывал с отсутствием насилия вообще, то есть практически отрицал психическое насилие²⁶.

Постепенно понятие «насилие» расширялось, модифицировалось, начало включать в себя различные формы воздействия на потерпевшего, начиная от наименее опасных форм и заканчивая случаями **причинения** тяжкого вреда здоровью и даже смерти. Так, в частности, одна из наиболее развернутых оценок понятия **«насилие»** в первых теоретических разработках советского периода развития уголовно-правовой науки содержится в работах А.А. Жижиленко (правда, только в контексте физического насилия). Фактически автор выделял насилие в широком смысле, под которым понималось любое воздействие на телесную неприкосновенность потерпевшего, независимо от причинения тех или иных последствий. Трактую насилие в «узком» понимании данного понятия, А.А. Жижиленко продолжил развивать теоретические доктрины исследователей досоветского периода, в соответствии с которыми в

²⁵ Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. – М., 1923. – С. 69.

²⁶ Шаргородский М. Д. Ответственность за преступления против личности. – Л., 1953. – С. 66-67.

центр внимания помещалось ощущение потерпевшим боли от физического воздействия (побоев, ударов, щипков, хватания за волосы, толкания и т.д.), а также иные дискомфортные состояния, непосредственно не связанные с болевыми ощущениями (например, погружение в ледяную воду)²⁷.

Сочетание физического и психического насилия в общем понятии «насилие» постепенно стало преобладающим концептом уголовно-правовой теории. Кроме того, с принятием Основ уголовного законодательства СССР 1958 года и уголовных кодексов союзных республик закрепились система насильственных преступлений, которая во многом была в последующем воспроизведена в УК РК 1997 года и УК РК 2014 года. Так, в частности, УК КазССР 1959 года представил достаточно широкий спектр регламентации ответственности за различные варианты физического воздействия на другого человека, расширил и конкретизировал содержание угрозы. В частности, ст. 117 УК КазССР устанавливала наказуемость угрозы убийством, тяжким насилием или поджогом. В составе вымогательства (ст. 76-7) содержалось указание на угрозу насилием в отношении собственника имущества или его близких, уничтожением имущества, а также распространением позорящих сведений²⁸. При этом следует отметить, что в УК КазССР 1959 года, в отличие от последующих уголовных законов Казахстана (1997 и 2014 гг.), понятие «угроза» нередко применялось без конкретизации ее содержания (например, в ст. 101 «Изнасилование»). Иными словами, в данном случае предполагалось, что угроза может иметь любое смысловое «наполнение».

Безусловно, в терминологическом, содержательном и даже идеологическом обеспечении составов насильственных преступлений с тех пор многое изменилось. Так, в редакции УК РК 1997 года произошел отказ от термина «неосторожное убийство» (как имело место в ст. 91 УК КазССР), произведено текстуальное определение понятия убийства (в ч. 1 ст. 88 УК КазССР имело место просто указание «убийство»), произошла обоснованная трансформация понятия «телесное повреждение» в понятие «вред здоровью». В результате случившейся либерализации сексуальных отношений был зафиксирован отказ от уголовного преследования за добровольное мужеложство (ч. 1 ст. 104 УК КазССР). В данном ключе следует отметить, что идеологическая составляющая может и в дальнейшем влиять, в частности, на структуру насильственной половой преступности. Так, например, современные исследователи, ссылаясь на опыт уголовного законодательства отдельных стран, указывают на необходимость отказаться от «традиционного» состава изнасилования и сконструировать унифицированные составы сексуального насилия, не дифференцированные по половому признаку виновного и потерпевшего²⁹. Авторы данного предложения ссылаются в подтверждение своих аргументов не только на зарубежный законодательный опыт, но также и на достижения современной сексологии, в соответствии с положениями

²⁷ Жижеленко А.А. Преступления против личности. – Л., 1927. С.52-53.

²⁸ Уголовный кодекс Каз ССР 1959 года.

²⁹ Тыдыкова Н.В. Насильственные половые преступления: обоснованность криминализации и квалификация по объективным признакам: дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2008. - С. 12, 125-129.

которой отсутствуют основания для дифференциации и установления различного характера общественной опасности изнасилования (как насильственного физиологического гетеросексуального контакта) и насильственных действий сексуального характера. В итоге, формулируется предложение о том, что дифференциация ответственности должна быть поставлена исключительно в зависимость от того, имело ли место проникновение в полость тела другого человека (более высокая степень общественной опасности) или нет. Несмотря на то, что в настоящее время пока достаточно трудно представить подобную ревизию параметров уголовной ответственности за насильственные половые преступления, исключать такого рода изменения в ближайшем будущем не стоит. Изменения в восприятии гендера, трансформация гендерной матрицы общества постепенно приводят к минимизации явных гендерных различий, в том числе и в правовых предписаниях, за исключением тех, учет которых неизбежен (например, состояния беременности). Соответственно, в данном случае вновь можно произвести апелляцию к общественному **сознанию** и правосознанию, по причине трансформации которых считающееся традиционным различие между изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера может претерпеть кардинальные изменения.

Приведенные выше рассуждения, несмотря на их частный характер, представляют собой весьма значимый компонент уголовно-правовой оценки **понятий** «насилие» и «насильственное преступление», как минимум, для его теоретической трактовки. Скорость социальных процессов, трансформаций, технологического развития общества в последние годы значительно укорачивает временные периоды между теми или иными значимыми в социально-правовом аспекте изменениями. Иными словами, мы полагаем, что в доктринальном определении насилия и насильственного преступления в настоящее время невозможно обойтись без указания на его имманентность общественному сознанию и правосознанию. Что же касается легального определения **понятий** «насилие» и «насильственное преступление» (о целесообразности которого мы ставим вопрос), то оно, конечно же, должно отражать те конститутивные признаки, которые позволили бы сделать данное понятие универсальным, по крайней мере, на достаточно продолжительный период времени.

Итак, одним из основных критериев современного понятия насилия и насильственного преступления в контексте законодательной трактовки данных понятий должно стать сочетание физического и психического насилия. Причем обе эти основные формы насильственного поведения в настоящее время также требуют определенного пересмотра, однако, данные вопросы будут проанализированы нами несколько позднее. На данном этапе наших теоретических размышлений полагаем, что достаточным будет указание на тот факт, что насилие должно трактоваться в рамках данных двух основных форм.

По нашему мнению, мнение исследователей о выделении таких признаков насилия, как общественная опасность, противоправность и

виновность³⁰, не лишено логического основания, несмотря на тот факт, что оно определенным образом дублирует признаки самого преступления как одной из разновидностей уголовного правонарушения, предусмотренной ст. 10 УК РК. В данном случае следует учитывать то обстоятельство, что применение насилия в ряде случаев санкционируется (допускается) государством, что исключает возможность его признания в качестве общественно опасного и противоправного (в частности, при реализации права на необходимую оборону). В этом плане совершенно справедливы указания исследователей по поводу того, что насилие в ряде случаев может являться вынужденным (например, для пресечения действий психически нездоровых лиц) и даже социально полезным (в рамках института обстоятельств, исключающих преступность деяния)³¹. Таким образом, в определении **понятий** «насилие», «насильственное преступление» указание на данные признаки является необходимым.

Так, в частности, при формулировании понятия убийства (ст. 99 УК РК) используется указание на противоправность, что позволяет отграничивать собственно убийство от иных случаев причинения смерти. По нашему мнению, данные признаки носят именно формально-юридический характер, который позволяет обозначить юридически значимую область насильственного поведения (в контексте нашего исследования – уголовно-правовую область). В рассматриваемом контексте также следует отметить, что к легальным формам принуждения (физического и психического) относится также процесс исполнения наказания в отношении лица, совершившего уголовное правонарушение. В ч. 2 ст. 39 УК РК указывается, что «наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства», однако без элементов физического и (или) психического принуждения наказание невозможно. Уголовный закон содержит и иные указания на законный характер физического и (или) психического принуждения. В частности, в примечании к ст. 146 УК РК «Пытки» содержится уточняющая смысл уголовно-правового запрета формулировка, согласно которой «не признаются пыткой физические и психические страдания, причиненные в результате законных действий должностных лиц».

Обращаясь к ранее аргументированному признаку соответствия понятия «насилие» преобладающим в общественном сознании и правосознании представлениям (эмоциям, ожиданиям, переживаниям, чувствам) полагаем, что формально-юридическая определенность насилия в тексте уголовного закона, а также в рамках конкретных составов преступлений должна быть максимально приближена к данным представлениям, иными словами, необходима объективная и гармоничная инфильтрация социальной оценки в уголовно-правовую сферу. При проведении исследования мы столкнулись с

³⁰ Назаров Н. П. К вопросу о насилии при грабеже и разбое // Труды Киевской Высшей школы МООН СССР. - Вып. 1. - Киев, 1968. - С. 91.

³¹ Туктарова И.Н. К вопросу об уголовно-правовом понятии насилия // Уголовно-правовые и процессуальные проблемы отправления правосудия в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции 21-23 апреля 2005 / отв. ред. Рябинина Т.К. - Москва-Курск, 2005. - С. 112.

необходимостью отыскания более или менее подходящего термина, который отражал бы наше представление о методологически верном процессе, приводящем к максимально социально обусловленной криминализации (декриминализации). В итоге мы остановились на термине «инфильтрация», который в буквальном значении трактуется как «просачивание», «проникновение». Термин «инфильтрация», таким образом, был избран нами как условный методологический инструментарий, в котором привычный процесс криминализации (декриминализации) представлен в виде более органичной и социально обусловленной основы. Иными словами, это исключительно научный прием, позволяющий отойти от привычных, стереотипных взглядов и концепций, сопровождающих современные процессы криминализации и декриминализации (фактически обслуживающих нередко фрагментарные и дискретные изменения в уголовном законодательстве). По ходу нашего теоретического исследования мы неоднократно будем обращаться к данной условной конструкции для обоснования тех или иных значимых, с нашей точки зрения, положений.

Возвращаясь к динамике развития теоретических взглядов на проблему определения насилия и насильственных преступлений в уголовно-правовой теории, обратимся к определению, данному Л.Д. Гаухманом, чьи работы считаются первыми комплексными исследованиями проблем физического насилия (автор признавал угрозу как разновидность насильственного поведения, но исключительно как угрозу физического воздействия). В качестве признаков насилия Л.Д. Гаухман называл две группы признаков – юридические и фактические. В целом, по юридическим признакам (общественная опасность и противоправность) следует признать, что их включение является объективной необходимостью, в силу чего считаем необходимым остановиться на других. Что касается фактических признаков, то они, по мнению Л.Д. Гаухмана, характеризуют внешние (объективные) формы насильственного поведения и субъективную составляющую данного поведения (виновность, мотивы, цель поведения)³². При этом автор преимущественно акцентировал внимание на объективных формах выражения насильственного поведения, обоснованно включая в них весьма значительный диапазон воздействия, как на наружные покровы, так и на внутренние органы человека, начиная от незначительного физического воздействия (побоев), заканчивая причинением значительного вреда здоровью человека, вплоть до причинения смерти³³. Аналогичная трактовка объективных признаков насилия имела и в теоретических исследованиях последователей Л.Д. Гаухмана, относящихся к тому же временному периоду развития уголовно-правовой мысли³⁴.

Указание на виновный характер насилия также имеет важное значение, поскольку, как указывают исследователи проблемы, «не могут быть отнесены к насилию и общественно-опасные деяния, совершенные лицами, не

³² Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. - М., 1969. - С. 4.

³³ Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. - М., 1974. С.3.

³⁴ Симонов В.И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: дис. ...канд. юрид. наук. - Свердловск, 1972. - С. 64.

подлежащими уголовной ответственности: не достигшими возраста уголовной ответственности или невменяемыми, - так как данные лица в силу возрастных особенностей или из-за наличия психического заболевания не могут осознавать характер совершаемых ими действий или оценивать их социальное значение, а невменяемые лица не способны и руководить своими действиями»³⁵.

В рамках определения **понятий** «насилие» и «насильственное преступление» определение виновности имеет весьма важное значение, поскольку в науке уголовного права отсутствует единообразие в плане определения структуры насильственной преступности с точки зрения формы вины при совершении того или иного посягательства. Причем позиции исследователей, которые усматривают возможность сочетания умышленной и неосторожной формы вины, и позиции авторов, отстаивающих исключительно умышленный характер деяний, которые следует относить к категории насильственных преступлений, представлены в достаточном объеме с обеих сторон. Так, в частности, сторонниками отнесения причинения вреда здоровью и смерти потерпевшему по неосторожности к насильственным преступлениям являются А.В. Наумов³⁶, А.И. Долгова³⁷, Н.Д. Семенова³⁸, М.М. Миненок³⁹ и некоторые другие исследователи. Преимущественно в данном случае речь идет об отнесении к насильственным преступлениям тех составов неосторожных преступлений, которые в качестве непосредственного объекта посягательства имеют жизнь и здоровье человека. Другая группа авторов, в частности, чьи работы уже были процитированы нами ранее, приводят аргументы, в соответствии с которыми неосторожное совершение насилия невозможно, поскольку исключается необходимое волевое отношение к факту причинения физического и (или психического) вреда (Л.В. Сердюк)⁴⁰, а также в силу того, что возможно криминологическое, но не уголовно-правовое объединение умышленных и неосторожных форм причинения вреда другому человеку (В.В. Лунеев)⁴¹.

По нашему мнению, подобные принципиальные расхождения во многом обусловлены двумя основными факторами: во-первых, отсутствием легального определения насилия и насильственного преступления, а, во-вторых, тем обстоятельством, уголовно-правовой или криминологический вектор преобладает в том или ином исследовании. Мы в рамках нашего монографического исследования оцениваем **понятия** «насилие» и

³⁵ Крайнева О.Л. Криминологическая характеристика форм криминального насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. - С. 32.

³⁶ Наумов А.В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. - М., 1997. - С. 58.

³⁷ Долгова А.И. Криминальное насилие как криминологическая и правовая проблема // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия). – М., 2004. - С. 19.

³⁸ Семенова Н.Д. Диспозиции и санкции за преступления, связанные с насилием над личностью: дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2000. – С. 81.

³⁹ Миненок М.М. Криминальное насилие несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. - Калининград, 2005. С. 27.

⁴⁰ Сердюк Л. В. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. - 2000. - №1. - С. 51.

⁴¹ Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. - М., 2005. - С. 401.

«насильственное преступление» исключительно в строгом (узком) понимании данного термина, в своего рода рафинированном виде, который позволит отграничить преступления, совершаемые исключительно с насильственной мотивацией (собственно насильственные преступления). Самостоятельную группу преступлений образуют деяния, в которых насильственное поведение является своеобразным способом совершения преступления, причем как конститутивным (обязательным), так и квалифицирующим либо особо квалифицирующим. В этом смысле мы согласны с исследователями, которые акцентируют внимание на том, что насильственные преступления совершаются умышленно и причиняют вред именно здоровью или жизни потерпевшего⁴². Возможно причинение вреда и другим охраняемым благам и интересам, однако качественная характеристика преступления как насильственного возможна только в том случае, если приоритетным объектом уголовно-правовой охраны при совершении соответствующего посягательства выступает именно физическое и (или) психическое благополучие потерпевшего. Именно по этой причине мы выделяем термины «насилие» и «насильственное преступление», поскольку термин «насилие» может отражать свойство деяния и в том случае, когда преступление само по себе (по качественной характеристике) не является насильственным (то есть насильственная мотивация в нем не является первичной, решающей). Что же касается понятия «насильственные преступления», то в данную группу должны включаться только те преступные посягательства, которые обусловлены исключительно насильственной мотивацией, где насилие является основным фактором, обуславливающим внешнее поведение виновного лица. Причем считаем необходимым произвести оговорку, что в данном случае мы не настаиваем на строгой корреляции с категорией объекта преступления (данный вопрос будет затронут нами далее). Так, в частности, мы полагаем, что к насильственным преступлениям следует отнести и **посягательства** на представителя власти, на судью, представителя международной организации и т.д. (**имеющие** отличные от преступлений против личности родовые объекты). В данном контексте приоритетным аспектом является не структурно определенный в уголовном законе объект, а сам факт того, что имеет место насильственное воздействие на другого человека, без которого качественная характеристика соответствующего посягательства не представляется возможной. И в данном случае профессиональная, служебная принадлежность потерпевшего определенным образом нивелируется, поскольку на первый план выходит именно факт насильственного воздействия, определенным образом характеризующего как само преступление, так и совершившее его лицо.

В этом смысле мы согласны с отечественными исследователями вопросов двойной вины при совершении некоторых насильственных преступлений в том, «что «двойная» форма вины используется законодателем при конструировании отдельных составов преступлений для того, чтобы полнее установить психическое отношение лица не только к деянию, но и к последствиям, причем

⁴² Иванова В.В. Преступное насилие: учебное пособие для вузов. - М., 2002. - С. 16.

как к **близлежащим**, непосредственным, так и к отдаленным, если таковые наступили»⁴³. В контексте нашего исследования это означает, что насильственным следует называть только такое преступление, которое является таковым по содержанию совершаемых действий (применению физического или психического насилия), а не то, которое повлекло последствия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека. В этом смысле, подводя итог приведенным рассуждениям, полагаем, что следует выделить:

1) собственно насильственные преступления, связанные с реализацией насильственной мотивации и совершением акта физического и (или) психического насилия (убийства, причинения вреда здоровью, истязания, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и др.);

2) преступления, совершаемые посредством применения физического или психического насилия как конститутивного способа совершения деяния (например, в составе разбоя), так и квалифицирующего или особо квалифицирующего способа совершения преступления (данный квалифицирующий и особо квалифицирующий признак указывается в значительной части статей Особенной части УК РК).

Именно по данному основанию мы предлагаем выделять две самостоятельные группы преступлений: насильственные преступления и преступления, совершаемые насильственным способом. Однако в обоих случаях уголовно-правовое понятие «насилие» требует конкретизации и установления точных параметров, которые имели бы универсальное значение для всех случаев насильственного поведения. Мы настаиваем на такой принципиальной классификации по той причине, что с точки зрения оценки личности лица, совершающего именно насильственные преступления («насильственного преступника»), данное обстоятельство имеет решающее значение. Параметры характеристики лица, избравшего насильственный способ совершения преступления, будут однозначно отличаться от тех лиц, кто действовал исключительно с насильственной мотивацией.

Вопрос о трактовке субъективных признаков насилия и насильственных преступлений не сразу был решен в том варианте, который является преобладающим в настоящее время (а именно в формате признания исключительно умышленного характера насильственного поведения). В данном аспекте имеются определенные сложности, в частности, учитывая тот факт, что именно в процессе совершения неосторожных деяний нередко причиняется наиболее значительный вред жизни и здоровью граждан. Современные исследователи параметров неосторожной преступности, связанной с причинением потерпевшему смерти (нередко это несколько потерпевших или даже значительное количество погибших), высказывают свою озабоченность относительно того, что существующие уголовно-правовые средства оценки (преимущественно вопросы категоризации и пенализации соответствующих санкций уголовно-правовых норм) не отражают реальную криминологическую

⁴³ Машабаев А.Ж., Ибраев Е.М. Двойная форма вины в составе насильственных половых преступлений // Вестник КарГУ. Серия история. - 2009. - № 1. - С. 164-171.

обстановку, при которой смертность в ходе криминальных умышленных и неосторожных действий не только статистически, но и качественным образом (по «ощущению» общественной опасности) стала приобретать многие схожие характеристики, которые нельзя игнорировать. Так, в частности, указывается, что «умышленные и неосторожные преступления, связанные с убийством, приобретают ряд общих как социальных, так и психологических детерминантов, не отмечаемых ранее. Данное обстоятельство является дополнительным признаком новой криминологической ситуации, выраженной, в частности, в изменении особенностей личности неосторожного преступника»⁴⁴. **Указывая** на ухудшение параметров характеристики личности неосторожных преступников, по причине действий которых наступила смерть другого человека (людей), авторы имеют в виду возрастание таких негативных факторов, как эгоцентризм, пренебрежение благами других людей, социальная безответственность и многие другие характеристики, отличающие современного неосторожного преступника от его предшествующих типов. В целом, озабоченность научного сообщества в отношении современной неосторожной преступности, в особенности, учитывая тот факт, что она, как правило, связана с причинением вреда жизни и здоровью людей, вполне **обоснована**. Как указывает известный исследователь Ю.М. Антонян, «на практике встречаются и такие случаи, когда человек, снедаемый злобой и ненавистью ко всему миру, совершает разрушительные действия, внешне очень похожие на «только» как неосторожные, например, управляет в нетрезвом состоянии автомобилем. Мне известен случай, когда преступник, до этого дважды осуждавшийся за управление автомобилем в нетрезвом состоянии и наезды на людей, через неделю после освобождения вновь в таком состоянии сел за руль автомашины и на большой скорости стал ездить по улицам небольшого города, где он жил, пока не сбил насмерть пожилую женщину»⁴⁵. Кроме того, как указывают исследователи, такая цель уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости при неосторожном причинении смерти (преимущественно суды применяют условные приговоры) мыслится как исключительно декларация, которая не может быть реализована⁴⁶.

Известный казахстанский исследователь Р.Т. Нуртаев в своей докторской диссертации еще в 1993 году, одним из первых отстаивая идею гуманности и общественного участия в решении криминологических задач, указывал на необходимость большей дифференциации составов неосторожных преступлений, а также самостоятельной классификации данных преступлений в нормах Общей части УК РК (на тот момент еще УК КазССР)⁴⁷. По прошествии двух с половиной десятков лет следует констатировать тот факт, что

⁴⁴ Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Проблема оценки тяжести неосторожных преступлений, связанных с лишением жизни // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. - № 4. – С. 679.

⁴⁵ Антонян Ю.М. Проблемы неосторожной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2011. - № 1. – С. 4.

⁴⁶ Евлов Н.Д. К вопросу о целях наказания за неосторожные преступления // Общество и право. – 2010. - № 4 (31). – С. 138.

⁴⁷ Нуртаев Р.Т. Неосторожная преступность: социологические и уголовно-правовые проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Алматы, 1993. – С. 9.

неосторожная преступность по-прежнему остается вне сферы достаточного внимания законодателя и правоприменительной практики. Так, в частности, практически все конструкции Общей части УК РК ориентированы исключительно на умышленные преступления, специальных оговорок (в частности, ограничительных конструкций по применению тех или иных компромиссных норм) по отношению к преступлениям, совершаемым по неосторожности, практически нет. В данном случае следует отметить тот факт, что предложенная нами концепция инфильтрации социальных процессов в уголовно-правовую сферу (как альтернатива существующих теоретических основ криминализации и декриминализации), о которой мы уже упоминали и которая будет более подробно исследована в последующих теоретических блоках настоящей работы, в случае с неосторожными преступлениями, причиняющими смерть человеку или нескольким лицам, находит вполне определенное подтверждение. Так, первоначальная редакция ст. 67 УК РК 1997 года, предусматривающая вопросы освобождения от уголовной ответственности в случаях примирения с потерпевшим, в 2011 году была дополнена указанием на тот факт, что положение о примирении с потерпевшим не **распространяется** на лиц, совершивших неосторожные преступления, повлекшие смерть человека или гибель двух и более лиц⁴⁸. В современной редакции ограничительной конструкции ст. 68 УК РК 2014 года данное положение было сохранено с дополнительным указанием на то обстоятельство, что запрет не распространяется на случаи дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли близкие родственники виновного. В данном случае следует признать, что критерием изменения закона как в первоначальном, так и в последующем варианте стало общественное мнение (общественный резонанс), практически единодушная отрицательная реакция граждан на негативные тенденции, связанные с гибелью людей в результате неосторожных действий, равно как и реакция на привлечение к ответственности лиц, чьи родственники погибли в результате ДТП. В данном случае предлагаемая нами концепция инфильтрации («просачивания») социальных процессов в уголовно-правовую сферу срабатывает практически в «чистом» виде, поскольку законодатель не может оставаться безучастным к тенденциям изменения общественного сознания и правосознания. Возвращаясь к уже процитированному исследованию Р.Т. Нуртаева, можно сказать, что наша концепция инфильтрации («просачивания») социальных процессов есть своего рода воплощение его идей о социологическом сопровождении процессов законотворчества и реализации уголовной ответственности. Данная теоретическая концепция позволит методологически обоснованно подойти к решению других вопросов, непосредственно связанных с современной трактовкой насильственных преступлений.

Мы позволили себе данное отступление, главным образом, по причине того, что насильственные преступления (если исходить из их современной

⁴⁸ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам медиации: Закон РК от 28 января 2011 года № 402-IV.

трактовки исключительно как умышленных посягательств) и неосторожные преступления, связанные с причинением вреда здоровью или смерти, фактически однородны по своей вредоносности по отношению к наиболее значимым объектам уголовно-правовой охраны – жизни и здоровью человека. Причем неосторожные преступления нередко причиняют значительно больший объем реального ущерба, нежели умышленные деяния. В итоге возникает вопрос: достаточным ли критерием для действующих легальных диспропорций в параметрах уголовной ответственности является форма виновности лица, совершающего то или иное деяние? Здесь уместно отметить, что криминологическая карта преступности, в том числе и насильственной, в настоящее время существенно меняется и ставит перед исследователями логические задачи для разрешения и оценки нередко лишенных логики жизненных ситуаций. Полагаем, что достаточно затруднительно в настоящее время отстаивать точку зрения относительно того, чтобы неосторожную преступность, связанную с причинением смерти или вреда здоровью, причислить к группе насильственных преступлений. Вместе с тем, этот вопрос неизбежно возникает по той причине, что нам необходимо определиться с **понятиями** «насилие» и «насильственное преступление». В данном случае очень важным критерием, на наш взгляд, является то обстоятельство, что следует брать за основу определения насилия: субъективные параметры поведения виновного лица (а именно умышленное совершение насильственных действий) или объективные параметры соответствующего поведения, в том числе и субъективные ощущения потерпевшего от причиняемого насилия? В конце концов, ощущение боли, страдания, переживаний потерпевшего особо не зависят от того, умышленно или неосторожно действует виновное лицо.

Несмотря на тот факт, что мы не считаем возможным в настоящее время признать обоснованным смешивание умышленных и неосторожных преступлений в рамках понятия «насильственные преступления», тем не менее, полагаем, что неосторожные преступления, связанные с причинением тяжкого вреда здоровью человека (нескольких лиц) и смерти, должны быть определенным образом обособлены, и в отношении них необходимы специфические, тщательно проработанные параметры ответственности. В рамках настоящего исследования данный вопрос не может быть полноценно исследован, однако было бы нарушением ценностно-ориентированной составляющей анализируемой проблемы, если бы мы оставили без внимания столь значимый вопрос, тем более, что речь идет о причинении вреда наиболее значимым объектам уголовно-правовой охраны – жизни и здоровью граждан.

Возвращаясь к основному лейтмотиву данного теоретического блока, связанному с определением наиболее значимых признаков уголовно-правового понятия «насилие», отметим, что постепенно сфера теоретического анализа понятия «насилие» стала избавляться от диспропорции объема внимания исследователей к оценке физического и психического насилия. Большинство исследователей изначально включали специальные оговорки в отношении того, что насильственным следует считать не только воздействие на организм человека, но и на его психику, причем угрозы могут в содержательной части

включать потенциально опасные для потерпевшего действия не только в связи с причинением физического вреда, но и иных форм воздействия⁴⁹. В частности, Н.И. Панов считал необходимым расширить сферу трактовки психического насилия, включая в его структуру не только различные угрозы, но все иные действия, негативно воздействующие на психику⁵⁰. В данном случае, безусловно, следует учитывать, что автор проводил комплексное исследование способа совершения преступления, а не собственно насилия. И в этом контексте проблема приобретает несколько иные формы, отличающиеся от его трактовки в «чистом» виде. В современных исследованиях при оценке насилия в различных его формах именно как способа совершения преступления также преобладает перечислительный метод и формально-юридическая оценка соответствующих действий, что, в целом, обосновано, в особенности, когда законодатель объединяет различные формы насильственного способа в рамках той или иной диспозиции⁵¹. Аналогично, в частности, можно объяснить и обособление психического насилия в работе Л.В. Сердюка, в которой оно является предметом самостоятельного исследования и даже некоторого противопоставления физическому насилию⁵².

По нашему мнению, сфера исследования психического насилия до сих пор должна быть отнесена к перспективам развития уголовно-правовой теории, но большей частью не по причине дефицита специальных исследований, а в связи с тем, что сфера психического воздействия на современного человека, в том числе угнетающего, подавляющего, манипуляционного и иных подобных форм воздействия, в последние годы заметно расширяется и, скорее всего, будет иметь тенденцию к дальнейшему расширению. Связано это с существенным возрастанием элементов «виртуализации» жизни современного человека, которые неизбежно приводят к определенному сокращению реальных контактов в повседневной жизни. В частности, в недавнем прошлом данное обстоятельство привело к внесению изменений в УК РК по причине имевших место фактов суицидального поведения подростков, включившихся в так называемые «игры смерти» в сети Интернет. Речь идет о Законе РК от 2 июля 2018 года № 170-6 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», **дополнившем** перечень квалифицирующих признаков доведения до самоубийства (ч. 2 ст. 105 УК РК), в том числе и посредством указания на использование сетей телекоммуникаций и сети Интернет⁵³. Аналогичные изменения, обусловленные схожими негативными процессами, были внесены в уголовное

⁴⁹ Костров Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1970. - С. 17-18.

⁵⁰ Панов Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: дис. ... докт. юрид. наук. - Харьков, 1987. - С. 134-135.

⁵¹ Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно наказуемого деяния и средство дифференциации ответственности. – М.: Юрлитинформ, 2015. - С. 23, 46.

⁵² Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем: учебное пособие. - Волгоград, 1981. - С. 4-6.

⁵³ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Закон РК № 170-6 от 2 июля 2018 года.

законодательство России, Узбекистана. Известный исследователь вопросов уголовно-правового насилия Р.Д. Шарапов в одной из своих последних публикаций по этому поводу указывает, что имела место недооценка высказываемых в науке прогнозов относительно применения «суггестивных методик в криминальных целях с широким использованием информационно-телекоммуникационных сетей», причем отдельные общественно опасные формы поведения, по его мнению, учеными прогнозировались⁵⁴. Мы полагаем, что в данном случае имела место своего рода «техническая» криминализация, случившаяся по факту реально происходящих негативных событий, приведших к общественно опасным последствиям. Это обстоятельство еще раз подтверждает тот факт, что в настоящее время оценка социологических процессов, которые проникают, «просачиваются» (инфильтруются) в уголовно-правовую сферу, должна стать приоритетной в плане оценки необходимых изменений в уголовном законодательстве. Так, Р.Д. Шарапов указывает на недооценку прогнозов относительно опасности соответствующих суггестивных методик в уголовном законодательстве, несмотря на тот факт, что оценка их опасности в плане манипуляционного воздействия на сознание человека имела место в специальных исследованиях. Соответственно, был проигнорирован процесс инфильтрации данных процессов в уголовно-правовую сферу, связанный с постепенным формированием общественно опасного потенциала соответствующей деятельности отдельных лиц, что и привело к необходимости учета данного явления «post factum». Здесь уместным будет указать на тот факт, что казахстанские исследователи совершенно справедливо указывают на то обстоятельство, что современная уголовная политика должна строиться на стратегических, опережающих и прогнозирующих принципах⁵⁵.

Мы, исследуя вопросы теоретического определения насильственных преступлений, также ставим вопрос о необходимости учета не только психического, но и психологического насилия, имеющего вполне определенные отличительные параметры характеристики, о чем пойдет речь в последующих теоретических блоках данной работы. Кроме того, вполне закономерно предполагать, что физическое насилие также может быть подвержено в ближайшем будущем определенной трансформации, что будет обусловлено стремительным развитием технологической составляющей жизни современного человека. В частности, как указывают современные исследователи вопросов киберпреступности, «все большее число «традиционных» составов преступлений, давно известных уголовному праву, постепенно перемещается в сферу компьютеров и их сетей. Некоторое время назад трудно было представить причинение вреда здоровью или даже убийство человека через сеть Интернет. В настоящее время существует реальная возможность

⁵⁴ Шарапов Р.Д., Дидрих М.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети Интернет [Электронный ресурс]: электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. - № 6 // <https://cyberleninka.ru/article/v/voprosy-kvalifikatsii-prestupleniy-protiv-zhizni-nesovershennoletnih-sovershennyh-s-ispolzovaniem-seti-internet> (дата обращения 1 сентября 2018 года).

⁵⁵ Жуманиязов М.А. Сущность уголовной политики Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 9.

совершения подобных действий, так как, например, современные кардиостимуляторы являются компьютерными устройствами, имеют программное обеспечение, позволяя осуществлять дистанционное программирование и передачу информации»⁵⁶. В теории уголовного права можно встретить указания и на другие формы физического причинения вреда человеку, в частности, посредством воздействия химических, биологических и иных веществ⁵⁷.

Нам импонирует позиция исследователей, которые при анализе насильственных преступлений и выделении их признаков акцентируют внимание на том, что данные деяния посягают на жизнь и здоровье человека (включая и психическое или, как еще его называют, соматическое здоровье)⁵⁸. Это вовсе не исключает справедливость указаний авторов на тот факт, что насильственное преступление может причинять вред нескольким объектам уголовно-правовой охраны⁵⁹. Однако, если ставить цель оценки насилия и насильственных преступлений в «чистом» виде, то необходимо в первую очередь исходить из того нарушенного блага, которое имманентно совершаемым насильственным действиям, то есть жизни и здоровья человека. Безусловно, правы ученые, которые перечисляют значительное количество возможных вредных последствий от применения насилия к конкретному человеку, включая и такие побочные «эффекты», как ущерб для чести и достоинства лица, изменение его социального статуса⁶⁰, вынужденное изменение поведения⁶¹ и многие другие возможные негативные последствия. Однако в контексте нашего исследования мы намеренно выделяем только те признаки, которые в обязательном порядке связаны с уголовно-правовой характеристикой насилия и насильственных преступлений. По этой причине мы также не согласны с включением в понятие «насилие» отдельных оценочных признаков (таких как, например, причинение существенного вреда охраняемым правам и интересам)⁶². Мы полагаем, что указание на вред физическому и (или) психическому благополучию человека будет являться вполне достаточным для определения параметра вреда от применения насилия. Кроме того, акцентирование отдельными исследователями внимания на том обстоятельстве, что при применении насилия имеет место нарушение конституционных прав и свобод человека⁶³, по нашему мнению, также является излишним, поскольку в первую очередь в данном случае речь идет о естественных правах человека

⁵⁶ Степанов-Егиянц Е.Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2016. – С. 8.

⁵⁷ Тюменев А.В. Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2002. - С. 63.

⁵⁸ Костюк М. Насилие в местах лишения свободы (социально-правовой аспект) // Законность. - 1998. - №12. - С. 43.

⁵⁹ Громов В.Г., Гамаюнова Е.А. Некоторые виды классификации насилия // Общество. Культура. Преступность: межвузовский сборник научных трудов. - Саратов, 2003. – Вып. 5. - С. 7.

⁶⁰ Антонян Ю.М. Преступная жестокость. - М., 1994. - С. 44.

⁶¹ Долгова А.И. Криминальное насилие как криминологическая и правовая проблема // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия). -М., 2004. - С. 17.

⁶² Иванцова Н.В. Уголовная ответственность за общественно опасное насилие: (вопросы теории и практики): монография. - Чебоксары, 2006. - С. 25-26.

⁶³ Там же.

(что, в целом, соответствует и структуре уголовного закона).

Итак, с учетом произведенного к настоящему этапу нашего исследования анализа, можно обозначить следующие основные аспекты, которые должны быть учтены при определении **понятий** «насилие» и «насильственное преступление»: 1) физические и (или) психические параметры насилия (соответственно, причинение или угроза причинения вреда физической или психической составляющей личности); 2) общественная опасность и противоправность насильственного поведения; 3) умышленный характер деяний виновного лица.

Мы полагаем, что конкретизация вреда от применения насилия, которая имеет место в отдельных исследованиях, не будет удачным решением при формулировке понятия уголовно-правового насилия, поскольку в данном случае имеется значительный риск упущения тех или иных аспектов. Так, следует учитывать, что восприятие насилия для каждого потерпевшего носит сугубо личный, индивидуальный характер, обусловленный самыми различными факторами (состояние физического и психического здоровья, психологические особенности личности, социальный опыт, уровень образования и многие другие). Не следует исключать и вредные последствия от применения насилия для близких потерпевшего, которые также могут испытывать весьма сильные соматические и даже физические последствия от данного события. По нашему мнению, в качестве одной из ближайших перспектив развития уголовно-правовой науки, в том числе и теории уголовного насилия, должна стать тенденция к более глубокому использованию достижений других отраслей научного знания (психологии, кибернетики, социологии и др.), поскольку имеющиеся неопровержимые факты усложнения социальных отношений, стремительное развитие технологической составляющей жизни современного общества не **позволяют** в настоящее время ни одной науке социального цикла (а тем более правовой отрасли) оставаться автономной. Так, **современными** психологическими исследованиями установлен тот факт, что многие люди, даже не пережившие непосредственно в отношении себя или своих близких последствия теракта, испытывают серьезные переживания и страх от террористической угрозы, «субъективную оценку риска стать жертвой теракта»⁶⁴. Это дополнительно свидетельствует о том, что психическое насилие в настоящее время представляет более динамичную составляющую в структуре насильственной преступности, которая дополняется, расширяется, включает в себя все новые нюансы, связанные с вновь возникающими угрозами для человека не только как социального существа, но и биологического вида. При формулировании понятия «насилие» в уголовно-правовом аспекте следует, максимально учитывая социальные аспекты данного явления, тем не менее, акцентировать внимание на тех весомых обстоятельствах, которые имеют значение именно для уголовно-правовой оценки соответствующего поведения. Чересчур «заигравшись» с социальными аспектами, вряд ли возможно

⁶⁴ Середина Н.В., Даниленко Е.В., Черныш Е.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы // Северокавказский психологический вестник. – 2011. - № 9/2. – С. 63.

представить функциональное определение, пригодное к использованию, научному и законодательному ориентированию. В данном ключе можно отметить, что многие современные исследователи допускают именно подобного рода ошибку, пытаясь включить в дефиницию понятия «насилие» как можно больший набор признаков, что, по нашему мнению, методологически неверно.

Для формулировки определения уголовно-**правового** понятия «насилие» необходимо оценить еще ряд признаков, которые в научных исследованиях трактуются весьма неоднозначно. Так, в частности, спорным моментом является указание на тот факт, что насилие имеет место только в том случае, когда оно совершено против или помимо воли лица (предполагается, конечно же, потерпевший от преступления). В частности, на подобный признак указывают современные исследователи В.В. Иванова⁶⁵, А.Н. Романков⁶⁶ и некоторые другие. Данный признак является достаточно спорным, по крайней мере, исходя из современной уголовно-правовой доктрины и действующего уголовного законодательства. Так, в частности, отдельные авторы полагают, что следует употреблять в данном случае конструкцию «против воли или помимо воли потерпевшего»⁶⁷. Другие исследователи специально подчеркивают, усиливая данный аспект, что насилие будет иметь место не только в случае, когда оно имеет место против или помимо воли потерпевшего, но даже в случаях, когда имеет место согласие (или даже просьба) на причинение вреда⁶⁸. Таким образом, в научных публикациях возникла достаточно серьезная дискуссия по данному вопросу. Так, например, указание Ф.М. Джавадова на тот факт, что насилие обязательно имеет место только в том случае, когда оно причиняется против или помимо воли потерпевшего⁶⁹, вызывает критику Р.А. Базарова, который считает, что подобная акцентуация в формулировке фактически указывает на то обстоятельство, что применение насилия с согласия потерпевшего как таковое уже расцениваться не может⁷⁰. Весьма специфическую позицию по данному поводу выразил Р.Д. Шарапов. В частности, он указывает, что «насильственный характер деяния исключается только таким согласием человека на причинение себе вреда, которое основано на его действительной и непринужденной воле. В связи с этим не исключается насильственность содеянного, к примеру, в случаях умышленного причинения вреда психически больному человеку с его согласия, когда характер заболевания исключает осознание им фактических последствий совершенных в отношении него действий, изъятия органов или тканей у потерпевшего под

⁶⁵ Иванова В.В. Преступное насилие: учебное пособие для вузов. - М., 2002. - С. 16.

⁶⁶ Романков А.Н. Уголовно-правовая характеристика насильственного способа совершения преступлений против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2000. - С. 15.

⁶⁷ Симонов В.И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1972. - С. 9, 12.

⁶⁸ Уголовное право. Общая часть: учеб. / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. - М.: Изд-во Норма - Инфра, 1999. - С. 285.

⁶⁹ Джавадов Ф.М. Квалификация насильственных преступлений, совершенных с применением оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1985. - С. 11.

⁷⁰ Базаров Р.А. Преступность несовершеннолетних: криминальное насилие, меры противодействия. - Екатеринбург, 1995. - С. 28.

предлогом проведения лечебной хирургической операции, согласия на причинение вреда в ситуации, когда человек понимает неминуемость его причинения и проявляет героизм, мужество, верность долгу, внешнее безразличие и т.п.»⁷¹. Подобные детализации в современной уголовно-правовой науке показывают, что проблема насилия в настоящее время не только сохраняет актуальность, но постоянно дополняется новыми теоретическими и практическими фрагментами. Мы согласны, в частности, с мнением Ю.В. Радостевой, что в определении уголовно-правового понятия «насилие» существенное значение имеет такой признак, как принудительность, по причине чего выражение согласия (при наличии обязательных условий воли, устремленности человека к факту причинения ему вреда, психической и физической возможности принимать такое решение) исключает возможность признания насилия⁷².

В целом, следует заметить, что биоэтические вопросы, проблемы соматических прав человека, в том числе и связанные с возможностью распоряжаться своей жизнью и здоровьем, в настоящее время находятся в существенной динамике, по причине чего возможны различные прогнозы относительно дальнейшего развития данных процессов. Так, в частности, до настоящего времени в отдельных государствах сохраняется уголовное преследование в отношении лиц, совершивших попытку суицида, а на уровне международно-правовых актов вопрос относительно права человека распоряжаться своим здоровьем и жизнью до настоящего времени никак не решен. Вместе с тем, как мы полагаем, следует исходить из современного состояния общественного сознания и правосознания, а также функционирующих уголовно-правовых концепций, в соответствии с которыми согласие человека на причинение ему вреда не является основанием, освобождающим причинителя данного вреда от уголовной ответственности. В настоящее время в п. 7) ч. 1 ст. 53 УК РК в перечне обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание, указывается совершение преступления по мотиву сострадания. Однако данный пункт не исчерпывает всего спектра причинения вреда по просьбе потерпевшего (фактически здесь имеет место легальное смягчение уголовной ответственности и наказания за эвтаназию), что, в целом, нам представляется обоснованным.

Резюмируя приведенные теоретические рассуждения, полагаем, что указание в определении уголовно-правового понятия «насилие» на тот факт, что оно осуществляется «вопреки или помимо воли лица», является нецелесообразным и даже излишним. Во-первых, закономерно возникает необходимость оговорки в отношении лиц, которые не могут выразить свой протест в отношении совершаемого акта насилия (дети, душевнобольные). Во-вторых, обращаясь к достижениям теории права, в частности, к работам известного исследователя О.С. Иоффе, следует отметить, что уголовно-

⁷¹ Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): дис. ... докт. юрид. наук. - Екатеринбург, 2006. - С. 121.

⁷² Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 31-32.

правовые запреты, в целом, подчинены общим принципам правовых запретов, имея собственную специфику. В частности, О.С. Иоффе выделяет разновидность общих и специальных запретов, причем, как он полагает, «всеобщий запрет подлежит соблюдению при всех условиях, т.к. он подлежит постоянному и непрерывному соблюдению, может предполагать только воздержание от какого-либо поведения»⁷³. Полагаем, что уголовно-правовые запреты, а, тем более, запреты в отношении насилия, должны иметь характер всеобщих запретов (в том понятии всеобщности, которое возможно в рамках правовых отношений). Соответственно, в данном случае необходим однозначный императив на запрет насильственного поведения. В силу чего мы полагаем, что определение понятия «насилие» должно сопровождаться указанием (оговоркой) на тот факт, что согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью не исключает уголовной ответственности по соответствующим нормам Особенной части **Уголовного** кодекса.

Предваряя следующий этап нашего теоретического анализа насильственных преступлений, позволим себе осуществить **небольшое** отступление, непосредственно связанное с решаемой научно-теоретической задачей. Речь пойдет о соблюдении законов логики при формулировании понятий, в том числе и юридических терминов, определений. К сожалению, во многих исследуемых источниках мы обнаруживаем значительные отступления от данных законов, что в итоге приводит к нарушению (возможно, изначально неочевидному) функциональности законодательных предписаний. Поскольку данный вопрос непосредственно не входит в предмет нашего исследования, позволим себе обратить внимание только на некоторые аспекты. Так, в частности, исследователями указывается на тот факт, что «определение понятия предполагает не просто перечисление признаков предмета, но и воспроизведение их как чего-то единого, неделимого, в его сущности»⁷⁴. Соответственно, стремление к перечислению всех возможных признаков того или иного содержательного элемента понятия является методологически неверным по той причине, что должны выделяться исключительно только те признаки, которые являются единственными для любого случая применения данного понятия. В данном ключе следует отметить, что в случае формулировки легального понятия «насильственное преступление» было неверным идти по тому же пути, как пошел законодатель, сформулировав перечень экстремистских и террористических преступлений в ст. 3 УК РК (в отношении коррупционных правонарушений, перечень которых также включен в ст. 3 УК РК, имеются некоторые устанавливаемые закономерности). Так, сформулировав данные перечни (в которых имеются пересечения по некоторым составам), законодатель произвел констатацию факта, но исключил возможность в контексте некоторых составов установить критерии их отнесения, в частности, к экстремистским преступлениям (например, по той причине, что специальное законодательство по вопросам противодействия

⁷³ Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права. - М., 1964. - С. 16.

⁷⁴ Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. - М., 1967. - С. 85-87.

экстремизму и терроризму до настоящего времени имеет отличную от уголовно-правовой терминологию).

В силу указанных обстоятельств полагаем, что при решении вопроса о формулировании в уголовном законе терминов «насилие», «насильственное преступление» следует исходить, во-первых, из реальной потребности в соответствующем термине (понятии), а во-вторых, из необходимости максимального соблюдения законов логики при их формулировке. В частности, весьма важными свойствами понятия также являются его содержание (совокупность признаков, по которым обобщаются те или иные предметы, явления) и объем (класс обобщаемых понятий)⁷⁵. Таким образом, вполне объясним тот факт, что практически во всех исследованиях вопросов уголовно-правовой трактовки понятия «насилие» оно определяется различным образом, поскольку мы не обнаружили ни одной идентичной формулировки. Тем более очевидно, что понятия «насилие» и «насильственное преступление» в уголовном праве и криминологии **будут** значительно отличаться, так как в криминологии допустима (и нередко обусловлена задачами научного исследования) определенная автором условность использования термина, которая дает возможность его расширения (ограничения) для решения той или иной конкретной задачи. Так, в частности, авторы исследований криминального насилия допускают его расширение на предпреступную стадию (то есть на анализ тех аморальных форм поведения, которые предшествовали совершению насильственного преступления), а широкое восприятие насилия как любой формы притеснения, принуждения, понуждения дает им основание усматривать насильственное поведение практически в 70-75 % составов преступлений, предусмотренных уголовным законом⁷⁶.

В уголовно-правовых исследованиях определенный теоретический «разнобой» отчасти имеет место именно по причине того, что отсутствует легальное определение **понятий** «насилие» и «насильственное преступление» непосредственно в уголовном законе. Справедливости ради следует отметить, что многие исследователи и не ставят данную задачу в своих работах и стремятся исключительно к уточнению теоретического аспекта этого уголовно-правового явления. Мы же, со своей стороны, учитывая тот факт, что непосредственно сам термин «насилие» используется в уголовном законе более 100 раз (причем не только в нормах Особенной, но и в нормах Общей части УК РК), а также принимая во внимание современную концепцию казахстанского законодателя в отношении определения основных понятий, используемых в **Уголовном** кодексе (ст. 3 УК РК), полагаем, что термин «насилие» все-таки должен получить легальную формулировку. В этом смысле мы придерживаемся несколько утилитарной, но в то же время значимой научно-теоретической задачи, что не дает нам права на произвольность включения тех или иных признаков.

Что касается понятия «насильственное преступление», то его

⁷⁵ Плотников А.И. Понятие в уголовном праве как отражение объективных и субъективных сторон познания // <http://textarchive.ru/c-2351394.html> (дата обращения 10 августа 2018 года).

⁷⁶ Крайнева О.Л. Указ. соч. - С. 40-71.

формулирование следует оценивать как необходимое только в том случае, если отнесение того или иного состава преступления к группе насильственных посягательств будет связано с какими-либо специальными условиями уголовной ответственности. С точки зрения точности и функциональности данного понятия следует признать, что они во многом будут зависеть от точности формулировки понятия «насилие».

Еще одним избыточным признаком, на котором акцентируется внимание в отдельных теоретических исследованиях **о насилии**, является указание на тот факт, что оно должно осуществляться исключительно человеком. Аргументация в данном случае такова, что при насильственном воздействии физический вред другому человеку может быть причинен посредством действий животных, сил природы, механизмов, однако при том условии, что этот процесс сознательно управляется человеком⁷⁷. Также исследователи дополнительно указывают на то обстоятельство, что насилие может осуществляться не одним человеком, а несколькими лицами (группой)⁷⁸. В целом, следует признать, что в данном случае к признаку насилия в уголовно-правовом значении (отличающем его от насилия в социальном аспекте) следует отнести тот факт, что насилие причиняется человеком, причем независимо от того, своими ли собственными усилиями он совершает соответствующий насильственный акт или использует для этого лиц, не подлежащих уголовной ответственности, животных, механизмы и т.д. Данное положение вещей относится к доктринальным положениям уголовного права, а именно к устоявшимся уголовно-правовым фикциям⁷⁹, устанавливающим в качестве правила фактически совершенно противоположный процесс: насилие причиняется не конкретным лицом, но в уголовно-правовом поле оно приравнивается к насилию, которое совершается непосредственно действиями данного лица. Безусловно, данное положение имеет важное значение и непосредственно относится к трактовке уголовно-правового насилия, однако включение его в легальную формулировку мы считаем излишним, поскольку данное положение является устоявшимся, доктринальным в действующем уголовном праве и уголовном законодательстве (в частности, данное обстоятельство непосредственно закреплено в уголовно-правовой конструкции исполнителя преступления, сформулированной в ч. 2 ст. 28 УК РК).

Ну, и, наконец, остановимся на таком признаке насилия, в отношении которого в последних теоретических исследованиях обращают внимание авторы, как возможность признания насильственным преступлением не только посягательств на человека, но и на животных. Данная проблема - проблема насилия над животными в настоящее время часто является поводом для общественного обсуждения, негодования и призывов к наказанию лиц, допускающих подобные факты. Информационное пространство изобилует

⁷⁷ Симонов В.И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1972. - С. 98.

⁷⁸ Крайнева О.Л. Указ. соч. - С. 36.

⁷⁹ Ситникова А.И. Фикции в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. - 2008. - № 1 (11). - С. 62.

тревожными сообщениями о том, что люди совершают немыслимо жестокие акты насилия по отношению к животным. К сожалению, данная форма насилия не существует **изолированно** от насилия в межлическом общении, часто является предшествующим или сопутствующим фактором в применении насилия, в том числе и к людям (в частности, к детям, к другим членам семьи). Как указывают современные казахстанские исследователи, ссылаясь на зарубежные статистические данные (в Казахстане подобная статистика до настоящего времени отсутствует), в подавляющем большинстве случаев (88 %), если в семье присутствуют домашние питомцы, то акты бытового насилия по отношению к членам семьи перемежались и с актами жестокости по отношению к животному⁸⁰.

Таким образом, проблему следует признать и соответствующим образом учитывать при профилактике таких опасных форм насильственного поведения, как бытовое насилие. Следует указать, что сторонниками включения насилия над животными в структуру насильственной преступности являются, преимущественно, авторы криминологических исследований. Исследователи же насилия в уголовно-правовом разрезе преимущественно полагают, что жестокое обращение с животными к насильственной преступности причислить нельзя. Так, в частности, Ю.В. Радостева, цитируя крылатое выражение Пифагора («Строго накажи своё дитя, виновное в убийстве насекомого: с этого начинается человекоубийство»), тем не менее, полагает, что исходя из объекта уголовно-правовой охраны, в данном случае под защиту ставится нравственность, это своего рода превенция от совершения посягательств на человека⁸¹.

Резюмируя проанализированные теоретические позиции, сформулируем собственные суждения по данному вопросу. Безусловно, современные процессы требуют надлежащей реакции на них, тем более, при наличии данных социологических исследований, указывающих на то, что жестокое обращение с животным является значимым предиктором насильственного поведения по отношению к человеку (как правило, к членам семьи). Полагаем, что в данном случае также налицо проявление того, что мы назвали инфильтрацией социальных процессов в уголовно-правовую сферу. Так или иначе, происходит процесс осознания, социального напряжения и отторжения фактов жестокости по отношению к животным, что приводит к соответствующим «подвижкам» в общественном сознании и правосознании. Так, в частности, ст. 200-2 УК КазССР «Жестокое обращение с животными» была включена Указом Президиума Верховного Совета КазССР 28 марта 1967 года (норма с административной преюдицией), что явилось результатом признания общественной опасности данного деяния. **Следует** отметить, что ответственность по ст. 200-2 УК КазССР была фактически строже, нежели в нынешней редакции ст. 316 УК РК, поскольку не связывала ответственность за

⁸⁰ Байдельдинова М.Б., Дальпане Ф.П. Взаимосвязь бытового насилия и жестокого обращения с животными // http://kare.kz/wp-content/uploads/2015/09/baideldinova_domestic_violence_1.pdf (дат обращения 10 августа 2018 года).

⁸¹ Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. - С. 24.

совершение соответствующих деяний (истязаний, причинения увечья) с дополнительными обстоятельствами (наличие хулиганских побуждений, применением садистских методов, а также совершение в присутствии малолетних). Кроме того, по непонятным нам причинам (которые, как нам представляется, вовсе не отражают процесс инфильтрации современного общественного сознания и правосознания), Законом РК от 12 июля 2018 года № 180-VI размер наказания за данные деяния (по обеим частям ст. 316 УК РК) был смягчен практически в два раза⁸². На фоне приведенных нами суждений и процитированных результатов казахстанских исследователей в данной ситуации следует констатировать индифферентное отношение к происходящим процессам в объективной действительности и в сознании людей.

Возвращаясь к исследуемой проблеме, отметим, что в настоящее время мы не находим достаточных оснований для включения жестокого обращения с животными в структуру насильственной преступности (хотя мнение авторов, отстаивающих данную позицию, нам в эмоциональном плане весьма импонирует). Вместе с тем, полагаем, что данный вопрос следует отнести к перспективам уголовно-правовой теории и уголовного законодательства с учетом того, что гуманистический вектор развития человечества в последние годы стал более чем очевидным. Однако мы полагаем, что следует произвести адекватный учет данной формы насильственного поведения, как минимум, с точки зрения криминологической профилактики насилия в отношении людей. В частности, по нашему мнению, следует вернуться к регламентации состава жестокого обращения с животными, имевшей место в ст. 200-2 УК КазССР, то есть отказаться от дополнительных параметров уголовной ответственности либо переместить их в квалифицированный состав. Кроме того, необходимо, как минимум, произвести возврат к прежним санкциям, существовавшим до принятия Закона РК от 12 июля 2018 года № 180-VI. И, наконец, в структуре Критериев оценки наличия жестокого обращения, приведшего к социальной дезадаптации и социальной депривации⁸³, в перечне критериев жестокого обращения при оценке психологического насилия предусмотреть баллы за жестокое обращение с животными (мы предлагаем, как минимум, 2 балла, что соответствует, в частности, нецензурной брани в кругу семьи, разрушению имущества и другому неуважительному отношению в пределах индивидуального жилого помещения).

Для полноты проведенного исследования, с целью исключения возможных пробелов, приведем еще некоторые трактовки насилия в теории уголовного права. Так, в частности, А.В. Иващенко, А.И. Марченко считают, что «в качестве насилия следует рассматривать активную сознательную деятельность (поведение), непосредственно направленную против свободного

⁸² О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов: Закон РК № 180-VI от 12 июля 2018 года.

⁸³ Об утверждении Критериев оценки наличия жестокого обращения, приведшего к социальной дезадаптации и социальной депривации: совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 22 сентября 2014 года № 630, Министра образования и науки Республики Казахстан от 26 сентября 2014 года № 399 и Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 19 ноября 2014 года № 240.

волеизъявления... В отличие от многих других форм проявления человеческой активности только насилие представляет собой поведение, при котором поступки человека очевидно нацелены на подавление свободы»⁸⁴. На насилие как определенную форму ограничения свободы выбора указывает также и В.М. Артемов⁸⁵. В.В. Иванова, помимо ранее проанализированных нами признаков, называет, в частности, указание на то, что насилие – это деяние, «представляющее опасность для его (*потерпевшего - прим. авт.*) жизни или здоровья в момент применения, лишение свободы, могущее повлечь причинение вреда здоровью различной степени тяжести или смерть»⁸⁶. «Насильственное воздействие на личность, - писал А.А. Пионтковский, - состоит во всяком принуждении ее к действиям, противоречащим ее желаниям»⁸⁷. В рамках исследования бытового насилия О.В. Старков определяет его как «реальное или потенциальное причинение физического вреда, под которым понимается нарушение анатомофизиологической целостности человека»⁸⁸. Автор комплексного исследования вопросов преступного вреда С.В. Землюков указывает, что «насилие является обобщенной формой причинения реального вреда здоровью человека и его личной неприкосновенности»⁸⁹. Р.А. Базаров акцентирует внимание на физической форме воздействия (причем, как мы ранее указывали, с учетом опосредованного причинения), а также указывает, что насилие направлено «на нарушение физической неприкосновенности личности, на причинение вреда здоровью или жизни»⁹⁰. По мнению И.В. Симонова, В.Г. Шумихина, «насилие - осознанное применение физической силы для нарушения телесной неприкосновенности другого лица помимо или вопреки его воле, являющееся противоправным либо в силу направленности на достижение антиобщественной цели или удовлетворения подобного же мотива, либо в силу запрещения законом...»⁹¹. Развернутое определение насилия приводит в своих исследованиях Р.Д. Сабиров. По его мнению, «насилие - это умышленное воздействие на другое лицо путем использования физической силы людей или животных, а также технических средств, поражающих факторов и свойств предметов материального мира либо различных явлений природы вопреки или помимо воли лица, подвергающегося такому воздействию, для нарушения его телесной неприкосновенности, анатомической целостности либо нормального функционирования какого-либо органа или угроза совершения подобных

⁸⁴ Иващенко А.В., Марченко А.И. Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. - Омск, 1996. - т.С. 4.

⁸⁵ Артемов В.М. Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации. - М., 1998. - С. 109.

⁸⁶ Иванова В.В. Преступное насилие: учебное пособие для вузов. - М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. - С. 81.

⁸⁷ Пионтковский А.А. Преступления против личности. - М., 1938. - С. 161.

⁸⁸ Старков О.В. Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание). - Рязань: Изд-во РВШ МВД РФ, 1992. - С. 34.

⁸⁹ Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. - Новосибирск, 1991. - С. 125.

⁹⁰ Базаров Р.А. Уголовно-правовая характеристика насилия // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан: Тр. Академии МВД России. - М., 1995. - С. 42-43.

⁹¹ Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность: учебное пособие. - М., 1993. - С. 24.

действий»⁹². Л.В. Сердюк определяет насилие как «внешнее, со стороны других лиц, виновное и общественно опасное воздействие на человека, осуществляемое помимо его воли и способное причинить ему органические, физиологические или психические травмы либо ограничить свободу его волеизъявления или действия»⁹³.

Имеются и более лаконичные определения. Так, в частности, А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских определяют насилие как «физическое или психическое воздействие одного человека на другого», нарушающее конституционное право граждан на «личную неприкосновенность»⁹⁴. Схожее определение дает и коллектив авторов терминологического словаря под общей редакцией А.И. Гурова, Б.С. Тетерина: «**Насилие** - физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле)»⁹⁵. Наиболее близким к тому определению насилия, которое мы считаем наиболее функциональным и допустимым с точки зрения легальной формулировки данного понятия в тексте уголовного закона, является дефиниция Ф.М. Джавадова: «**Насилие** - это общественно опасное противоправное умышленное воздействие на организм человека, совершенное против его воли и направленное на причинение вреда жизни и здоровью»⁹⁶. Можно привести еще целый ряд различных определений, но они будут еще более специфичными, поскольку авторы, как правило, решают ту или иную исследовательскую задачу. В частности, в исследованиях можно выделить, помимо традиционных физического и психического насилия, также и указание на такую разновидность, как интеллектуальное насилие⁹⁷.

Полагаем, что теоретическое многообразие – это, скорее, положительный аспект в любой отрасли научного знания. Однако мы осознанно не будем включаться в это своеобразное научное «соревнование» по перечислению максимально возможных признаков уголовно-правового насилия. Мы поставили для себя совершенно иную задачу – выделить исключительно только те признаки уголовно-правового понятия «насилие», которые являются значимыми, достаточными, конститутивными, позволяющими любую форму (вид) насильственного поведения определить с их помощью.

Своеобразную условную монополию на дефиницию любого понятия, используемого в уголовно-правовой сфере, может иметь только уголовный закон. Соответственно, именно отсутствие легальной формулировки понятия

⁹² Сабиров Р.Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными посягательствами.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1981. - С. 7.

⁹³ Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. С.П. Щербы. - М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. - С. 22.

⁹⁴ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2000. - С. 354.

⁹⁵ Лекарев С.В., Порк В.А. Лек-43 Бизнес и безопасность: Толковый терминологический словарь / под науч. ред. Гурова А.И., Тетерина Б.С. - М.: ЦКСИиМ, «Ягуар», 1995. - С. 181.

⁹⁶ Джавадов Ф.М. Квалификация насильственных преступлений, совершенных с применением оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1985. - С. 11.

⁹⁷ Золотухин С.Н. Уличная насильственная преступность и ее предупреждение (по материалам Уральского региона): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2000. - С. 14-15.

«насилие» и порождает такое количество теоретических разночтений. Мы умышленно оставляем без внимания отдельные специфические акцентуации в приведенных выше теоретических формулировках насилия, поскольку уже обозначили цель сформулировать по возможности универсальное определение насилия в тексте уголовного закона. Большинство ранее исследованных нами обязательных признаков (общественная опасность, противоправность, физическая и психическая форма насилия, осуществление действий человеком против другого человека, умышленный характер действий) находят ту или иную форму отражения практически во всех формулировках. Особую ценность при подведении итогов исследования по данному вопросу имеет констатация того факта, что для большинства исследователей характерно выделение такого признака, как причинение вреда или угроза его причинения жизни и здоровью человека (хотя имеются и расширения данного понятия на другие законные блага и интересы человека).

К настоящему этапу исследования, проведенного в контексте обозначенной нами необходимости формулировки унифицированного понятия «насилие», мы считаем возможным сформулировать ряд выводов, которые необходимы нам для исследования других вопросов, связанных с теоретической проблемой насильственной преступности.

В целом, следует признать, что уголовно-правовое понятие «насилие» является своего рода правовой квинтэссенцией того многообразия форм и типов насильственного поведения, которые существуют в человеческом социуме. Тот или иной набор составов насильственных преступлений фактически определяет объем уголовно-правового запрещения в отношении насильственного воздействия одного человека на другого. Уголовно-правовое понятие «насилие» и производное от него понятие «насильственное преступление» в настоящее время представляют собой совокупность формально-определенных в уголовном законодательстве частных форм физического и (или) психического воздействия на человека. Теоретическое многообразие в определении понятия насилия, выявленное нами по ходу исследования, обуславливается, с одной стороны, высокой значимостью данного понятия для уголовно-правовой теории и законодательства, а, с другой стороны, отсутствием легального определения данного понятия в тексте уголовного закона.

Понятие насилия в уголовно-правовом аспекте, несмотря на тот факт, что оно обладает относительной статичностью по отношению ко многим другим уголовно-правовым формам и конструкциям, тем не менее, также подвержено определенной динамике. Так, в частности, к современным тенденциям социальной оценки насилия, в том числе и формально закрепленного в уголовно-правовых запретах, следует отнести действие прямо противоположных факторов: с одной стороны, стабильное сохранение «примитивных» форм насильственного поведения, основанных на субъективной допустимости насильственного достижения тех или иных целей; с другой стороны, очевидное возрастание антропоцентризма, гуманитарного начала в праве и правоприменении, снижение общей толерантности населения

к различным формам проявления насильственного поведения. Социальный контекст трактовки уголовно-правового насилия непосредственно определяется общественным сознанием, правосознанием, а уголовно-правовые запреты в отношении насильственного поведения должны быть имманентны социальным оценкам и ожиданиям граждан.

Рассмотрев в конструктивно-критическом ключе значительное количество теоретических концепций уголовно-правового насилия (многие из которых были приведены нами выше при оценке данного понятия), мы пришли к выводу о том, что для «чистоты» исследования и, как будет продемонстрировано в дальнейших теоретических блоках настоящей работы, для более адресной профилактики насильственной преступности, следует идти по пути ограниченной оценки группы насильственных преступлений. К данной группе преступлений целесообразно относить только те деяния, в которых насилие является фактором, определяющим их качественное отличие от других посягательств, условно обозначаемое как «насильственная мотивация». Соответственно, следует выделять две основные группы деяний, в механизме совершения которых присутствует физическое и (или) психическое насилие: 1) собственно насильственные преступления; 2) преступления, в которых насилие включено в качестве способа совершения деяния.

Несмотря на тот факт, что уголовно-правовая теория и правоприменительная практика на протяжении длительного времени более или менее благополучно обходились без легального определения понятия «насилие», полагаем, что современная концепция уголовного законодательства РК, **связанная** с построением дефинитивного ряда основных понятий и терминов в рамках ст. 3 УК РК, требует легального определения данного понятия, **как** минимум, по той причине, что оно является одним из наиболее часто употребляемых в тексте уголовного закона. Проведенное нами исследование теоретического многообразия формулировок понятия «насилие» позволило определить необходимые и избыточные признаки данного понятия. К основным признакам уголовно-правового понятия «насилие», как мы полагаем, следует отнести: общественную опасность, противоправность, умышленный характер, причинение вреда физической и (или) психической неприкосновенности человека. Избыточными же для легального определения насилия мы признали следующие параметры: детализация форм и последствий **насильственного** поведения, использование указания на совершение насилия «против или помимо воли потерпевшего», указание на совершение насилия только человеком (данные признаки следует отнести преимущественно к теоретическим исследованиям насильственных преступлений). Таким образом, мы считаем, что легальное определение насилия в тексте уголовного закона должно выглядеть следующим образом: *«Насилием признается умышленное общественно опасное причинение или угроза причинения вреда физической и (или) психической неприкосновенности человека, ответственность за которые предусмотрена в статьях Особенной части настоящего Кодекса. Причинение физического и (или) психического вреда по согласию потерпевшего не исключает уголовную ответственность».*

Что касается построения легально определенной группы насильственных преступлений, то нам данное решение вопроса к настоящему времени представляется нецелесообразным. Во-первых, действующий уголовный закон не содержит упоминания данного понятия в тех или иных конструкциях, равно как и не предусматривает более или менее четкие обособленные параметры уголовной ответственности именно за насильственные преступления. Во-вторых, в последующем нами будет обоснован и предложен вариант «индексной» оценки насильственной преступности, который фактически способен восполнить отсутствие легального перечня насильственных преступлений.

При исследовании насильственной преступности, равно как и других уголовно-правовых и криминологических сегментов, требуется обязательный учет социальных факторов, которые в последнее время подвержены исключительно высокой динамике. Скорость современных социальных процессов, в свою очередь, требует обязательного прогнозирования тенденций общественной оценки и возможных законодательных изменений. Так, в частности, к возможным тенденциям развития уголовного законодательства в контексте насильственных преступлений можно отнести: унификацию составов насильственных половых преступлений посредством изъятия гендерного отличия; учет отрицательных тенденций неосторожной преступности, связанной с причинением смерти и тяжкого вреда здоровью человека, посредством установления специальных условий уголовной ответственности; расширение видовой дифференциации физического и психического насилия в связи с возрастанием технологической составляющей в жизни современного человека и изменениями в традиционных формах коммуникации.

Заслуживает определенного внимания и отстаиваемая некоторыми современными исследователями позиция о необходимости распространения понятия «насильственная преступность» на случаи насильственного поведения в отношении животных. Несмотря на тот факт, что включение в общую группу насильственных преступлений состава жестокого обращения с животными нам представляется к настоящему времени необоснованным, полагаем, что современные параметры учета и оценки соответствующего поведения, тем не менее, не отвечают степени его социальной вредности. В действующем варианте регламентации уголовной ответственности за жестокое обращение с животными не учитывается тот факт, что данные формы реализации насильственных наклонностей человека могут явиться предиктором к фактам применения насилия по отношению к человеку. Кроме того, исследования в сфере домашнего насилия свидетельствуют о том, что насилие над домашними животными в подавляющем большинстве случаев входит в общий паттерн насилия в семейно-бытовой сфере. Таким образом, мы пришли к выводу, что необходимы некоторые изменения в законодательном регулировании и учете данного обстоятельства. Полагаем, что, во-первых, следует в основном составе жестокого обращения с животными отказаться от специальных обстоятельств уголовной ответственности и перевести их в разряд квалифицирующих признаков (как было предусмотрено в ст. 200-2 УК КазССР). Во-вторых,

предлагаем вернуться к формулировке санкции, которая имела место до смягчения наказания за жестокое обращение с животными в соответствии с Законом РК от 12 июля 2018 года № 180-VI. И, наконец, в третьих, считаем необходимым включить жестокое обращение с животными в шкалу оценки степени социальной дезадаптации и социальной депривации, связанной с бытовым насилием, которое должно быть оценено пропорционально с другими факторами (предложенный нами уровень – 2 балла).

1.2 Классификация насилия в уголовном праве и уголовном законодательстве Республики Казахстан

Итак, действующий уголовный закон РК до настоящего времени не содержит легального определения понятия «насилие». Соответственно, теоретическая трактовка данного понятия преимущественно осуществляется в рамках его традиционной классификации на физическое и психическое насилие. В целом, существующие уголовно-правовые конструкции преимущественно соответствуют данной классификации, хотя, учитывая динамику развития криминальных процессов в настоящее время уже можно говорить и о необходимости пересмотра отдельных концептуальных положений.

Объединяющими признаками физического и психического насилия являются следующие обстоятельства: 1) отсутствие терминологического определения данных понятий, их трактовка исключительно на основе теоретических положений; 2) в ряде составов и физическое, и психическое насилие (либо в совокупности) выступают в качестве обязательного признака объективной стороны состава преступления (например, систематические побои и иные насильственные действия составляют обязательный признак истязаний согласно ст. 110 УК РК; а психическое насилие в виде угрозы наиболее значимым благам человека является конститутивным признаком состава ст. 115 УК РК «Угроза»); 3) и физическое, и психическое насилие могут выступать в качестве обязательного способа совершения уголовного правонарушения, причем преимущественно одновременно (например, в составе разбоя, изнасилования и многих других); 4) обе формы насилия могут выступать также в качестве квалифицированного способа совершения уголовного правонарушения, причем тоже, как правило, одновременно указываются в соответствующей части статьи УК РК.

Фактически следует признать, что казахстанский уголовный закон достаточно последователен в обеспечении дихотомии физического и психического насилия, в результате чего реализуются два самостоятельных значимых обстоятельства. Так, с одной стороны, им придается равное в квалификационном отношении значение (то есть как при физическом, так и при психическом насилии в случае их совместного упоминания в тексте уголовного закона квалификация содеянного производится по одной и той же статье или части статьи), что нам представляется обоснованным. С другой стороны, тот

факт, что они не объединяются общим термином «насилие», позволяет правоприменителю и, в особенности суду, варьировать меру уголовной ответственности и наказания с точки зрения реально причиненного (физического или психического) вреда, поскольку по общему правилу (а также исходя из пенализации основных составов насильственных преступлений) физическое насилие расценивается как более тяжелая форма воздействия на человека.

В целом, законодатель соблюдает последовательность и пропорциональность при оценке равных по тяжести форм насилия в различных составах уголовных правонарушений. Например, разбой, связанный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. 5 ч. 2 ст. 192 УК РК), и вымогательство, связанное с причинением тяжкого вреда здоровью (п. 1 ч. 3 ст. 194 УК РК), имеют равные санкции (от 5 до 10 лет лишения свободы). Безусловно, отдельные аспекты пенализации насильственных преступлений как в их соотношении между собой, так и в сопоставлении с составами других преступных посягательств заслуживают самостоятельного исследования. Некоторые аспекты пенализации в отношении составов насильственных преступлений будут оценены нами в последующих теоретических блоках нашей работы.

С позиции признания необходимости учета насильственных форм преступного поведения есть достаточное основание говорить о некоторой непоследовательности законодателя при формулировании отдельных составов уголовных правонарушений, в которых объединяются различные (насильственные и ненасильственные) формы поведения в рамках одного состава. В данном случае мы согласны с Ю.В. Радостевой относительно того, что в составе хищения предметов, имеющих особую ценность, объединение в рамках объективной стороны разных по характеру форм деяния (кража, грабеж, разбой, присвоение или растрата) определенным образом нарушает логику ранжирования уголовной ответственности за данные формы хищения, которая преимущественно и связана с применением насилия⁹⁸. В ряде случаев (как, например, в п. 1 ч. 2 ст. 194 УК РК «Вымогательство») законодатель употребляет собирательный термин «насилие» («с применением насилия»), в других ситуациях идет конкретизация интенсивности насилия («с насилием, **не опасным** для жизни и здоровья», «с насилием, опасным для жизни и здоровья»). Эти вопросы также будут предметом самостоятельного анализа в рамках настоящей работы.

Несмотря на тот факт, что именно насилие и насильственные преступления являются объектом нашего научно-теоретического исследования, мы далеки от абсолютизации фактора насилия как единственного обстоятельства, которое должно определенным образом влиять на возрастание степени уголовной ответственности за то или иное уголовное правонарушение. Оценка уголовного закона на предмет объема криминализации насилия показывает, что данный фактор является одним из превалирующих

⁹⁸ Радостева Ю.В. Указ. соч. - С. 62.

(конкуренцию ему могут составить разве что групповые формы совершения преступных посягательств). Фактически будет верным утверждение относительно того, что насилие в значительном количестве форм преступного поведения является своего рода «универсальным» средством достижения той или иной преступной цели. Вместе с тем, уголовный кодекс многофункционален и призван к формированию дифференцированных конструкций, фиксации наиболее типичных сочетаний объективных и субъективных аспектов общественно опасных форм человеческого поведения. Так и насилие в одной и той же степени интенсивности может иметь дифференцированную классификацию в зависимости от объекта посягательства. Иными словами, объект посягательства может несколько «размывать» единообразие в оценке степени интенсивности той или иной формы насильственного поведения.

Известный казахстанский исследователь Е.И. Каиржанов на протяжении многих лет отражал в своих публикациях динамику развития учения об объекте преступления. В одной из своих последних работ, рассуждая о современных методологических и ценностных значениях правильного определения и классификации, структурирования родовых объектов преступных посягательств, Е.И. Каиржанов вновь настаивает на том, что в качестве объекта должны расцениваться «особенности социального субъекта и характер его интересов»⁹⁹. Данный авторский постулат (начиная с «интересов трудящихся»¹⁰⁰, которые Е.И. Каиржанов поставил в противовес господствующей идее о том, что объектом преступлений являются общественные отношения) до настоящего времени уступает концепции общественных отношений как объекта любого преступления. Одним из первых вопрос о том, что личность человека и принадлежащие ей естественные блага (жизнь, здоровье) сами по себе составляют объект соответствующих посягательств, поставил в советской науке В.Н. Кудрявцев¹⁰¹. Основоположителем же концепции интереса как объекта уголовно-правовых посягательств является известный русский юрист Н.С. Таганцев. Однако до настоящего времени в науке казахстанского уголовного права преобладает общепринятая теоретическая концепция, причем также и в контексте преступлений, связанных с посягательством на личность: объектом преступления является общественное отношение¹⁰². Полагаем, что данный вопрос, несмотря на его высокую абстрактность, имеет большое значение именно в ценностно-ориентационном аспекте, что неизбежно отражается и на уголовной политике государства. Именно преступления, посягающие на личность, приводят исследователей к мысли о том, что концепция общественных отношений нередко «не срабатывает». Так, по мнению А.В.

⁹⁹ Каиржанов Е.И. К вопросу о методологии познания объекта преступления // в монографии «Уголовное правопонимание на современном этапе: методологические аспекты правоприменения». - Алматы, 2009. - С. 9.

¹⁰⁰ Каиржанов Е.И. Интересы трудящихся и уголовный закон. - Алма-Ата: Казахстан, 1973. - 159 с.

¹⁰¹ Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. - 1951. - № 8. - С. 58-59.

¹⁰² Сулейменова Г.Ж. Уголовно-правовая ответственность за похищение человека: дис. ... канд. юрид. наук. - Караганда, 2009. - С. 34.

Наумова, данный подход уменьшает значимость человека, абсолютную ценность его жизни и здоровья¹⁰³. Данные аргументы известных исследователей воспринимаются и современными казахстанскими учеными, которые сталкиваются с необходимостью оценки объекта в контексте преступлений, посягающих на личность¹⁰⁴.

Вопрос об объекте является одним из наиболее сложных в уголовно-правовой теории, и решить его в рамках частного уголовно-правового исследования невозможно. Вместе с тем, следует отметить отдельные противоречия, непосредственно связанные с объектом уголовно-правовой охраны, которые приводят к различной правовой оценке схожих по интенсивности актов насильственного поведения. Так, в частности, в ч. 1 ст. 380 УК РК сконструирован состав уголовного правонарушения, связанного с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, или угрозой применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих служебных обязанностей или из мести за выполнение служебных обязанностей. Трактовка насилия как не представляющего опасности для жизни и здоровья, как правило, связана с применением таких разновидностей физического воздействия, как побои, причинение легкого вреда здоровью, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья и утраты трудоспособности. Вместе с тем, составы побоев и причинения легкой тяжести вреда здоровью в настоящее время находятся вне сферы уголовной юрисдикции, поскольку они были повторно декриминализованы Законом РК от 3 июля 2017 года № 84-VI¹⁰⁵.

Непоследовательные процессы криминализации и декриминализации наименее опасных форм физического воздействия на личность преимущественно связаны с попытками совершенствования профилактического воздействия на семейно-бытовое насилие. Вопросы семейно-бытового насилия, которые стали предметом пристального внимания в последние 10-12 лет, оказали весьма существенное влияние на законодательные процессы, причем нередко во главу угла ставится не столько универсальный критерий общественной опасности (который фактически и является ключевым для установления уголовно-правового запрета и отказа от него), сколько вопросы целесообразности, тотального реагирования на соответствующие факты, оперативного применения мер принудительного воздействия к семейным «дебоширам». Мы еще неоднократно в рамках настоящего исследования остановимся на проблеме семейно-бытового насилия, регламентации ответственности за него и вопросах предупредительного воздействия, поскольку криминологически подтверждается распространенность насилия именно на почве бытовых, в том числе семейно-бытовых отношений. Однако в рамках приведенной выше законодательной иллюстрации возникает

¹⁰³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. - М., 1999. - С. 157-159.

¹⁰⁴ Кулушев С.М. Уголовная ответственность за похищение человека и нарушение права на свободу личности: дис. ... канд. юрид. наук. - Алматы, 2004. - С. 10.

¹⁰⁵ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной системы: Закон РК № 84-VI от 3 июля 2017 года.

закономерный вопрос: действительно ли система государственного управления как объект уголовно-правовой охраны может оказывать такое принципиальное влияние на криминализацию одинаковой по интенсивности разновидности насилия по отношению к представителю власти (и даже его близким) и по отношению к потерпевшим, не имеющим специального уголовно-правового статуса?

Так, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 380 УК РК, является преступлением средней тяжести (наказуемость до 3-х лет лишения свободы), а причинение побоев и легкого вреда здоровью являются административными деликтами. Нам представляется подобная диспропорция чрезмерной, тем более, если учитывать то обстоятельство, что личность, согласно структуре Особенной части УК РК, относится к приоритетным объектам уголовно-правовой охраны. Здесь мы в очередной раз обратим внимание на то обстоятельство, что уголовно-правовая наука нередко «уходит» слишком далеко от фундаментальных основ познания процессов и явлений, исследуемых, в частности, в философии. Так, к примеру, в философии принято определять объект как то, что противостоит субъекту, как часть внешнего мира¹⁰⁶. Можно ли в данном случае считать, что виновный в деянии, предусмотренном ч. 1 ст. 380 УК РК, своими насильственными действиями противостоит общественным отношениям, связанным с обеспечением надлежащего порядка государственного управления? Не будет ли более логичным в данном случае предположить, что виновный на самом деле противостоит конкретному человеку (тем более, когда речь идет о близких представителю власти лицах), расценивает его (их) здоровье как непосредственный объект своего насильственного воздействия? Ну и, кроме того, закономерно возникает вопрос относительно других потерпевших, традиционно занимающих специальный статус в уголовном законодательстве – беременных **женщин**, беспомощных **лиц**, малолетних и т.д. В итоге получается, что **причинение** им побоев, умышленного вреда здоровью не представляет достаточной степени общественной опасности (в частности, по сравнению с физическим вредом по отношению к представителю власти) для того, чтобы быть уголовно наказуемым. Данные рассуждения подтверждают тот факт, что абсолютизация правоприменительных потребностей, которая выступила на первый план в последние годы, отодвинув «на задний план» научные основы криминализации и декриминализации, нередко приводит к необоснованной диспропорции в уголовно-правовых запретах.

Как мы уже ранее указывали, для большинства исследований понятий «насилие» и «насильственные преступления» характерным является фактор расширения данных понятий на все группы преступлений, связанных с применением насилия. Нам более импонируют те немногочисленные исследования, в которых данные понятия исследуются в рамках ограниченного количества составов, где насилие выступает в качестве конститутивного признака. Так, в частности, казахстанский исследователь Б.Х. Бейсеев в своем

¹⁰⁶ Философский энциклопедический словарь. - М., 1998. - С. 313-314.

диссертационном исследовании физического насилия ограничивается только составами насильственных преступлений против жизни и здоровья человека, что, как мы полагаем, является методологически верным с точки зрения «чистоты» научного анализа¹⁰⁷. Другой казахстанский исследователь П.В. Волошин, анализируя насильственные способы хищений чужого имущества, указывает в качестве одного из основополагающих аспектов своего исследования тот факт, что «насилие при завладении чужим имуществом рассматривается как самостоятельная уголовно-правовая категория...», признавая, что насилие в составе других преступлений существенно отличается от насилия в структуре тех деяний, где насилие является единственной формой преступного поведения¹⁰⁸.

Мы полагаем, что насильственные преступления в целом, помимо тех объектов, в рамках которых их заключил законодатель, структурируя Особенную часть УК РК, имеют свой отдельный, внеструктурный объект уголовно-правовой охраны, который в любом случае связан с физическим и психическим благополучием личности в абсолютном понимании данных естественных прав. В конце концов, представитель власти, на которого осуществляется насильственное воздействие, в первую очередь ощущает ущерб именно данным, наиболее значимым для него, благам. Следует при этом отметить, что действующий **Уголовный** кодекс РК уже сам по себе содержит определенные «подвижки» в трактовке объекта уголовно-правовой охраны, который не всегда теперь можно оценить в рамках той или иной главы УК РК. Так, в частности, выделяя группы коррупционных, экстремистских, террористических преступлений, составы которых содержатся в различных главах УК РК, законодатель, если можно так выразиться, в определенной степени игнорирует родовые объекты, на основе иерархии которых построена Особенная часть УК РК. В итоге рождается особый, консолидированный объект уголовно-правовой охраны, который до настоящего времени не получил теоретической разработки.

В силу указанных обстоятельств предложенная нами конструкция внеструктурного объекта представляется достаточно логичной. Во-первых, она учитывает выявленные учеными специфические параметры объекта уголовно-правовой охраны при посягательствах на личность. Во-вторых, данный объект не противопоставляется, а дополняет существующую систему объектов уголовно-правовой охраны. И, наконец, в-третьих, подобная консолидация всех насильственных преступлений в рамках одного внеструктурного объекта может способствовать более пропорциональному установлению уголовно-правовых запретов, единообразию смыслового, ценностно-ориентированного восприятия физического и психического благополучия человека как единого объекта уголовно-правовой охраны, независимо от формально-структурных объектов.

Возвращаясь к проблеме оценки физического и психического насилия как

¹⁰⁷ Бейсеев Б.Х. Криминологические и уголовно-правовые аспекты физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2009. - С. 48-49.

¹⁰⁸ Волошин П.В. Насильственные хищения чужого имущества: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. - С. 10.

форм уголовно-правового насилия, следует также отметить, что не должно происходить смешивание **понятий** «форма насилия» и «вид насилия». В частности, если форму следует расценивать как способ существования и выражения содержания насилия¹⁰⁹, то вид следует расценивать как частное проявление данной формы. Соответственно, форма более стабильна, нежели вид. Достаточно вспомнить, что в УК КазССР использовался термин «телесное повреждение», а в УК РК используется термин «причинение вреда здоровью». При этом и в том, и в другом случае не возникает сомнения относительно того, что это является физической формой насилия. Соответственно, понятия «физическое насилие» и «психическое насилие» являются теми системными константами, посредством которых можно действительно систематизировать все возможные варианты насильственного воздействия на человека. Причем при методологически верном их определении можно достичь необходимой операционной составляющей и на уровне легальных дефиниций. Иными словами, вполне мыслимо определение основных форм насилия в тексте уголовного законодательства. В частности, это позволит свести все терминологическое многообразие определения насилия, как физического, так и психического, имеющее место в УК РК (принуждение, понуждение, склонение, шантаж и др.), к одной из форм насилия.

Многообразие различных видовых характеристик насилия, а также достаточно принципиальные отличия, которые обнаруживаются в теоретическом определении понятия «насилие», приводят некоторых современных исследователей к сомнению относительно того, насколько вообще целесообразно использование обобщающей терминологии¹¹⁰. Справедливости ради следует отметить, что количество именно уголовно-правовых исследований категории «насилие» в последние десять лет имеет тенденцию к снижению. Вопрос несколько переместился в криминологическую сферу, что похоже на некоторую «усталость» уголовно-правовой науки от тех усилий, которые уже были затрачены на выработку универсальных определений. Это тем более актуально, что количество частных определений имеет тенденцию к возрастанию, а использование **понятия «насилие»** и различных его видов («опасное для жизни и здоровья», «не опасное для жизни и здоровья», угрозы применения данных видов насилия) является достаточно стабильным, хоть и имеются различные варианты законодательного употребления. Мы полагаем, что в настоящее время уже актуализировался вопрос и о выделении особой формы (разновидности) психического насилия, а именно психологического насилия, которое имеет вполне определенные признаки, отличающие его от собственно психического насилия в традиционном понимании данного слова. Полагая, что **психологическое** насилие можно расценивать как специфическую форму психического насилия (но именно форму, а не вид).

В целом, определяя параметры физического насилия, следует признать,

¹⁰⁹ Философский энциклопедический словарь / под ред. Аверинцева С. С., Араб-Оглы Э. А., Ильичева Л. Ф. и др. 2-е издание. - М., 1989. - С. 595.

¹¹⁰ Галюкова М.И. Ответственность за насилие по уголовному законодательству России // Вестник Самарской гуманитарной академии. – Серия «Право». – 2009. - № 1 (5). - С. 75.

что предметом посягательства в данном случае является в любом случае организм человека. Самостоятельных исследований физического насилия как формы уголовно-правового насилия, универсальной смысловой и терминологической единицы в науке уголовного права явно недостаточно. В частности, в диссертационном исследовании Р.Д. Шарапова уголовно-правовое физическое насилие определяется как «умышленное неправомерное причинение вредного физического последствия другому человеку против или помимо его воли путем энергетического (механического, физического, химического, биологического) воздействия на органы, ткани или физиологические функции организма потерпевшего»¹¹¹. Автор другого, более раннего, исследования В.И. Симонов полагает, что «физическое насилие – это воздействие или попытка воздействия на тело потерпевшего в двух основных формах: во-первых, в форме использования только мускульной силы своего тела, во-вторых, в форме применения физической силы с использованием различных предметов (например, удар наносится палкой, доской, либо удушение производится путем набрасывания на шею петли и т.д.), животных или мускульной силы других лиц (душевнобольных, малолетних), которые служат орудием в руках виновного»¹¹². Согласно позиции И.Я. Козаченко, Р.Д. Сабитова, «физическое насилие – это умышленное воздействие на организм человека путем использования физической силы людей или животных, а также технических средств, поражающих факторов и свойств других предметов материального мира или явления природы вопреки или помимо воли лица, подвергающегося такому воздействию, с нарушением его телесной неприкосновенности или нормального функционирования какого-либо органа»¹¹³. А.П. Зрелов, объединяя дефиницию в отношении физического и психического насилия, фактически затрагивает признаки именно физического насилия. Так, по его мнению, насилие в целом представляет собой «особый вид воздействия, оказываемый человеком, животным или иным живым существом по отношению к другому человеку, живому существу или предмету материального мира с целью самовольно, умышленно, противоправным путем самостоятельно или с использованием третьих лиц, а также предметов, технических средств или веществ нанести ему объективно выраженный ущерб физического или психического характера или принудить его к совершению определенного действия»¹¹⁴. Более лаконичное, но в то же время схожее определение физического насилия дает автор диссертационного исследования Ю.В. Радостева: «**Физическое** насилие – это умышленное общественно опасное противоправное воздействие на организм человека, осуществляемое против или помимо воли потерпевшего, направленное на нарушение физической

¹¹¹ Шарапов Р.Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – С. 12, 248.

¹¹² Симонов В.И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1972. – С. 5.

¹¹³ Козаченко И.Я., Сабитов Р.Д. Уголовно-правовое понятие насилия // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью: межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1981. – С. 28.

¹¹⁴ Зрелов А.П. Особенности современного толкования понятия «насилие» // Право и политика. – 2002. – № 7. – С. 33.

неприкосновенности»¹¹⁵. В целом, как совершенно справедливо указывают современные исследователи, до настоящего времени в определении понятия «насилие» превалирует именно «физический аспект», а психические формы насилия преимущественно упоминаются с той точки зрения, что они также должны быть отнесены к насилию¹¹⁶. Фактически определяя именно физическое насилие, Л.Д. Гаухман писал, что «насилие может выражаться в нанесении ударов, побоев, ранений и в ином воздействии на наружные покровы тела человека посредством применения физической силы, холодного или огнестрельного оружия, иных предметов, жидкостей (кислот, кипятка), сыпучих веществ и т. д., а также в воздействии на внутренние органы человека без повреждений наружных тканей путем отравления или опаивания одурманивающими средствами»¹¹⁷.

Специфическим наполнением понятия «физическое насилие» отличаются определения, даваемые в отдельных специальных исследованиях. Так, в частности, следует признать, что в последнее время термин «насилие» в казахстанской науке, равно как и в научных исследованиях многих других государств, в значительном объеме «обслуживает» вопросы семейно-бытового насилия. Данная проблема, безусловно, объективно вышла на передний план уголовно-правовых и криминологических исследований, однако, как мы полагаем, нередко приводит к размыванию границ четких уголовно-правовых понятий. Например, в отношении физического насилия по отношению к детям авторами психологических исследований указывается, что «физическое насилие - нанесение ребенку родителями или лицами, их заменяющими, воспитателями или другими какими-либо лицами физических травм, различных телесных повреждений, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его развитие и лишают жизни. Эти действия могут осуществляться в форме избиения, истязания, сотрясения, в виде ударов, пощечин, прижигания горячими предметами, жидкостями, зажженными сигаретами, в виде укусов и с использованием самых различных предметов в качестве орудий изуверства»¹¹⁸. Несмотря на тот факт, что мы всячески настаиваем на том обстоятельстве, что уголовное право должно развиваться исключительно в гармоничном сочетании с достижениями других отраслей научного знания, мы полагаем, что определенная «чистота» уголовно-правовой терминологии все-таки необходима.

Можно привести еще значительное количество авторских определений физического насилия, однако они продемонстрируют только один неоспоримый факт: в отношении данного понятия существует такое же терминологическое разнообразие, как и при определении самого понятия «насилие», на что мы указывали в предыдущем теоретическом блоке

¹¹⁵ Радостева Ю.В. Указ соч. - С. 53.

¹¹⁶ Мошков Д.С. Проблемы определения понятия насилия в доктрине советского и российского уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. - № 3. – С. 191.

¹¹⁷ Гаухман Л.Д. Насилие как способ совершения преступления. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 76.

¹¹⁸ Грицай А.Г., Спирина В.И. Физическое насилие в семье как одна из форм жестокого обращения с детьми // Вестник Адыгейского университета. – Серия 3: Педагогика и психология. – 2011. - № 1.– С. 16.

исследования. Вместе с тем, несмотря на значительную дифференциацию морфологических единиц текста, смысл большинства из них можно свести к одному – это те или иные формы физического воздействия на человека, на его телесную неприкосновенность. Что же касается различных детализаций, то мы уже указывали на тот факт, что в большинстве случаев они являются излишними (избыточными), поскольку нередко дублируют те положения, которые и без того относятся к аксиомам или устоявшимся фикциям уголовно-правовой теории.

Однако вернемся к тем определениям физического насилия, которые были процитированы нами выше. Следует отметить, что в них имеется один принципиальный отличительный аспект, на который, по нашему мнению, целесообразно обратить внимание при формулировке определения понятия «физическое насилие» в контексте нашей работы. Так, анализ процитированных теоретических позиций, за исключением авторского определения Р.Д. Шарапова, показывает, что акцент производится на действиях виновного лица (диапазон которых в представленных определениях весьма внушительный). И только в контексте определения Р.Д. Шарапова мы устанавливаем тот факт, что автор связывает понятие «физическое насилие» не столько с действиями виновного лица, сколько с причинением вредного физического последствия другому человеку.

На самом деле, по нашему мнению, именно этот аспект и следует отнести к принципиальным отличиям в приведенных определениях. Нам данный подход (позиция Р.Д. Шарапова, хотя аргументация у автора несколько иная, нежели та, которую приводим мы в нашем исследовании) представляется наиболее обоснованным, поскольку скорость социальных изменений в настоящее время такова, что определить не только диапазон возможных физических воздействий на человека, но и диапазон того, что считать причинением вреда телесной неприкосновенности человека в ближайшем обозримом будущем представляется весьма затруднительным. Так, в частности, исследователи в области уголовно-правовых аспектов посягательства на жизнь и здоровье человека совершенно обоснованно указывают на динамику целого ряда вопросов, которые уже в настоящее время следует учитывать в уголовном праве: смещение акцентов с исключительно биологического восприятия понятия «здоровье», изменение позиций относительно вопросов начала человеческой жизни с учетом современных достижений медицины и др.¹¹⁹.

Следует признать, что здоровье как объект уголовно-правовой охраны, если дать обобщающую формулировку, принято оценивать как определенное физическое состояние человека, включающее анатомическую целостность и нормальное функционирование внутренних органов человека. Однако понятие «здоровье» (собственно, как и понятие «жизнь человека») не является прерогативой уголовно-правовой науки. Конечно, уголовный закон и правоприменительная практика нуждаются в более или менее точных

¹¹⁹ Галюкова М.И. Здоровье человека как приоритетный объект уголовно-правовой охраны // Современные наукоемкие технологии. – 2001. - № 5. – С. 49-50.

критериях (определение тяжести причиненного вреда, параметров наступления биологической смерти и т.д.) для реализации уголовной ответственности. Вместе с тем, следует учитывать, что в медицине, основной отрасли научного знания, где здоровье человека является основным предметом изучения и воздействия, уже на протяжении достаточно длительного периода времени имеются значительные изменения в плане определения данного социально значимого феномена. Фактически можно констатировать отказ от трактовки здоровья исключительно как отсутствия того или иного патологического состояния. В частности, одни авторы производят акцент на биологических факторах, полагая, что здоровье человека определяется «его количеством, которое можно оценить максимальной производительностью органов при сохранении качественных пределов их функций»¹²⁰. В других публикациях здоровье определяется с учетом социальных и психологических факторов, как «процесс (динамическое состояние) сохранения и развития биологических, физиологических и психических функций, оптимальной трудоспособности, социальной активности при максимальной продолжительности жизни»¹²¹.

Безусловно, для уголовно-правой сферы наибольшее значение представляют четкие формальные критерии, которые позволили бы более или менее точно оценивать диапазон возможного физического вреда. Однако следует учитывать, что в реальной правоприменительной деятельности оценка степени причиненного вреда всегда происходит с учетом медицинских факторов (судебно-медицинской экспертизы), динамизм которых никак не зависит от уголовно-правовой теории. Кроме того, как мы уже ранее указывали, назрела необходимость социологического «сопровождения» уголовно-правовой теории и уголовного законодательства. В частности, следует учитывать тот факт, что в последнее время имеется тенденция к возрастанию чувствительности людей к насилию, что привело даже к введению в научный оборот понятия «индекс приемлемости физического насилия»¹²². Иными словами, для современного человека, впитавшего в себя блага цивилизации, одним из которых явилось гуманистическое начало, пропагандирующее ценность самого человека, его жизни, здоровья, социального благополучия, факты насилия становятся все более чувствительными, вызывают более острую реакцию, в том числе в плане тотального неприятия даже незначительных форм насилия. Социальный парадокс заключается в том, что снижение индекса приемлемости насилия у современного человека в реальной действительности сочетается с возрастанием доли насильственных форм поведения, причем в таких формах, которые ранее не были типичны (в частности, в актах немотивированного насилия, на которых мы остановимся далее).

Таким образом, несмотря на неизбежную консервативность уголовного права в вопросах изменения подхода к тому или иному понятию, явлению,

¹²⁰ Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии. - 1992. - № 6. - С. 72-81.

¹²¹ Казначеев В.П. Антропоэкология и здоровье: концептуальная модель. Методические проблемы экологии человека. - Новосибирск, 1988. - С. 7.

¹²² Благонадеждина Л.В., Буровский А.М., Зенько А.А. Индекс приемлемости физического насилия // Историческая психология и социология истории. - 2008. - № 1. - С. 50-78.

следует признать, что целый ряд факторов неизбежно будут влиять и на регламентацию насилия в уголовном законодательстве. Именно по этой причине мы полагаем, что определение понятия «физическое насилие» (равно как и понятия «психическое насилие») должно быть основано на наиболее стабильном критерии, коим нам представляется факт причинения вреда физической неприкосновенности человека. Безусловно, и данный критерий, скорее всего, будет подвергаться изменениям в силу того, что в настоящее время происходит тотальное воздействие на человеческий организм (имплантация; трансплантация; сложные формы протезирования различных частей тела; использование переносных механизмов, поддерживающих жизнедеятельность человеческого организма, и т.д.). Вместе с тем, физические ощущения боли, другого органического дискомфорта, как мы полагаем, следует расценивать как более стабильный параметр определения физического насилия в уголовно-правовом аспекте, нежели способы воздействия со стороны виновного лица. Кроме того, способы воздействия будут неизбежно отличаться в зависимости от того, какой конкретно вид насильственного преступления совершается (убийство, изнасилование, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью и т.д.).

Таким образом, мы полагаем, что физическое насилие может быть определено в тексте уголовного закона как «умышленное противоправное причинение вреда физической неприкосновенности человека, ответственность за которое предусмотрена статьями Особенной части настоящего Кодекса». В целом, обосновывая термин «физическое насилие», следует отметить, что он обладает некоторой условностью, поскольку степень физического воздействия со стороны виновного может быть минимальной, однако следует признать, что к настоящему времени он является устоявшимся для уголовно-правовой науки преимущественно в плане противопоставления психическому насилию как воздействию на психическую неприкосновенность человека.

Переходя к оценке психического насилия как одной из форм совершения насильственных преступлений, необходимо для начала определиться с семантическим значением понятия «психика человека», которое можно признать удовлетворительным для использования в уголовно-правовой сфере. Как указывают современные исследователи, «сейчас психология, хотя и описывает широчайший круг понятий, и имеет большой спектр психических особенностей человеческого менталитета, но всё же ныне не имеет единой шкалы, которая оценила бы необходимые параметры психики, которая бы полностью могла удовлетворить всем современным требованиям к ее практическому применению»¹²³. В целом, для потребностей уголовно-правовой регламентации вопроса достаточно самых простых определений данного понятия, в частности как отражательно-регуляционной деятельности, которая обеспечивает взаимодействие человека со средой. Иными словами, психика человека (при условии достаточного уровня психического здоровья) является

¹²³ Митяшов Р.П. Природа и качественные особенности психики человека // Молодой ученый. – 2016. - № 16 (120). – С. 469.

своего рода «преобразителем» внешних обстоятельств в субъективное восприятие конкретного человека. Соответственно, психическое восприятие у различных людей будет различным, хотя наиболее типичные закономерности, обусловленные схожими условиями жизнедеятельности людей, конечно же, имеются (так, например, любой психически здоровый человек испытывает страх при виде наведенного на него оружия). Интересен тот факт, что исследователи вопросов психического насилия практически не обращаются к вопросам психической деятельности человека и ее закономерностей, а, как правило, просто противопоставляют психическое насилие его физическому «оппоненту».

Прежде чем перейти непосредственно к оценке понятия «психическое насилие», укажем на значимые параметры уголовно-правовой оценки психического насилия непосредственно в действующем УК РК. Следует отметить, что в настоящее время имеется вполне очевидная тенденция к нивелированию правовых отличий между физическим и психическим насилием. Так, анализ содержания многих составов Особенной части УК РК показывает, что физическому и психическому насилию в подавляющем большинстве случаев придается равное квалификационное значение (наиболее распространенная законодательная парадигма – «с насилием или угрозой его применения»). Кроме того, если сравнивать ст. 36 УК РК редакции 1997 года¹²⁴ и ст. 37 УК РК редакции 2014 года¹²⁵, **предусматривающие** обстоятельство, исключающее преступность деяния, в виде совершения преступления под физическим или психическим принуждением, мы обнаруживаем существенные отличия. В настоящее время имеется полное уравнивание физического и психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния (ранее физическое принуждение имело приоритетное выделение), равно как и параметров ответственности в случае физического и психического принуждения, при котором у лица сохраняется возможность руководить своими действиями.

Практически аксиомой уголовно-правовой науки и уголовного законодательства стало отождествление понятий «психическое насилие» и «угроза», часто даже состав угрозы (ст. 115 УК РК) расценивается как основной состав по отношению ко всем разновидностям неправомерного психического воздействия на другого человека. Мы полагаем, что следует присоединиться к теоретическим взглядам тех исследователей, кто считает, что понятие «психическое насилие» шире понятия «угроза», хотя последнее и образует наиболее опасную форму психического насилия¹²⁶. Некоторые исследователи и вовсе полагают, что психическое насилие как таковое в уголовном законодательстве не предусматривается, а ответственность наступает только за угрозу физическим насилием в случаях, предусмотренных уголовным законом¹²⁷. При этом автор не учитывает тот факт, что и термин «физическое

¹²⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года.

¹²⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК.

¹²⁶ Радостева Ю.В. Указ. соч. С. 82.

¹²⁷ Безручко Е.В. Угроза применения насилия или психическое насилие: какой термин предпочтительней? //

насилие» не указывается в тексте уголовного закона, а угроза применения насилия, по сути, и представляет собой разновидность психического насилия. При этом сам процитированный автор расценивает понятие «психическое насилие» достаточно широко, полагая, что в его структуре следует выделить действия, направленные на подавление воли потерпевшего, и, соответственно, оно включает в себя истязание, оскорбление, клевету, угрозу, обман, гипноз¹²⁸.

В целом, отождествление психического насилия с различными видами угроз в уголовно-правовой теории можно назвать достаточно традиционным, поскольку именно угроза изначально и представила перед учеными задачу по определению ее места в структуре насильственных актов поведения. Причем, начиная с XIX века, исследователи по-разному определяли содержание угрозы, а также параметры уголовной ответственности за нее. Так, в частности, С.В. Познышев расценивал угрозу как разновидность посягательства на свободу человека (поскольку под влиянием угрозы происходит определенное изменение поведения потерпевшего)¹²⁹. Достаточно расширительное толкование угрозы мы встречаем в работах Л.С. Белогриц-Котляревского. Многие вопросы, затронутые им в его исследованиях, включены и в современные аспекты анализа угроз: так, в частности, он полагал, что угроза может быть внешне выражена самым различным образом, вплоть до совершения конклюдентных действий; а в качестве объекта угрозы, как и С.В. Познышев, рассматривал личную свободу, поскольку угроза препятствовала человеку самостоятельно распоряжаться самим собой, так как он вынужден предпринимать определенные меры предосторожности, что неизбежно меняло поведение потерпевшего. Важным аспектом является тот факт, что автор полагал, что наказуемой угроза может быть только в том случае, когда ее предмет составляют незаконные действия, которые виновный «грозится» совершить¹³⁰.

Следует отметить, что и в советский период развития, и в настоящее время комплексных исследований понятия «психическое насилие» (именно в данной терминологии, а не в контексте угрозы), равно как и отдельных комплексных исследований физического насилия, имеется незначительное количество, если сравнить их объем с вопросами исследования насилия в целом. При этом еще раз подчеркнем, что преимущественно психическое насилие отождествляется именно с различного рода угрозами, чему, справедливости ради следует отметить, способствует и сам уголовный закон (хотя имеются и иные варианты психического воздействия, например, шантаж, использование зависимого положения потерпевшего, издевательство и др.). Наиболее часто исследователи определяют угрозу в следующих основных значениях: 1) психическое насилие, связанное с запугиванием лица потенциальной возможностью применения физического насилия, что имеет

Юрист-Правоведь. – 2015. - № 1 (68). - С. 39.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. - М., 1909. - С. 135-136.

¹³⁰ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. - Киев; Пб.; Харьков, 1903. - С. 379-381.

своей целью подавление воли последнего, отказ от сопротивления виновному (наиболее распространенная форма трактовки)¹³¹; 2) как любое запугивание потерпевшего (не обязательно физическим воздействием), совершаемое с теми же целями¹³²; 3) фактически **аналогичное (синонимичное) понятие** по сравнению с понятием «принуждение»¹³³; 4) как психическое воздействие¹³⁴ и некоторые другие трактовки.

Таким образом, следует признать, что в отношении трактовок психического насилия существует не меньший теоретический «разброс», нежели в отношении определения понятия «физическое насилие». Причем в данном случае имеется достаточно принципиальный аспект, который делит все исследования данного вопроса на две различные концепции: первая заключается в том, что психическое насилие представляет собой различные противоправные посягательства на неприкосновенность психики человека, включая угрозу; вторая связана с отождествлением психического насилия с угрозами. Исходя из концепции нашего исследования, в котором мы исходим из повышенного динамизма уголовно-правовой теории и уголовного законодательства в последние годы, безусловно, более предпочтительной следует признать первую концепцию, включающую в понятие «психическое насилие» различные формы противоправного воздействия на психическую неприкосновенность человека. Конечно, угрозы в различном их содержании, способах внешнего выражения, интенсивности составляют подавляющее большинство известных уголовно-правовой теории и правоприменительной практике разновидностей психического насилия. Однако исходя из ранее указанных нами методологических аспектов правильного сочетания терминов «содержание понятия» и «объем понятия», следует признать, что содержание понятия «психическое насилие», хоть и связано преимущественно с понятием «угроза», но не исчерпывается им. Очевидно, определенная методологическая диспропорция в данном случае складывается по той причине, что для физического насилия, в отличие от психического, характерен более широкий спектр объективно выраженного воздействия.

Таким образом, мы при оценке содержания психического насилия акцентируем внимание не на угрозах и их разновидностях (анализ которых представлен в значительном количестве научных публикаций), а на комплексных исследованиях понятия «психическое насилие». Кроме того, следует учитывать, как совершенно справедливо указывают исследователи, что угроза в уголовно-правовой сфере выступает не только как основная

¹³¹ Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность: учебное пособие. - М., 1993. - С. 23; Фаргиев И.А. Некоторые вопросы угрозы убийством или причинением тяжкого вреда // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия: сборник статей. - М., 2008. - С. 525.

¹³² Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1970. - С. 4; Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. - М., 1969. - С. 31.

¹³³ Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1972. - С. 4; Гришко А.Я., Гришко Е.А., Упоров И.В. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие / под ред. Н.И. Ветрова. - М., 2001. - С. 155.

¹³⁴ Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. - Волгоград, 1981. - С. 9.

разновидность психического насилия, но и как потенциальная возможность наступления тех или иных последствий (так называемые «составы опасности»)¹³⁵. Более того, в отдельных исследованиях можно встретить утверждения относительно того, что шире по объему следует признать именно термин «угроза», а понятие «психическое насилие» - это **как раз** разновидность угрозы¹³⁶.

Проанализируем отдельные определения понятия «психическое насилие», выработанные в уголовно-правовой теории. Так, в частности, Р.Д. Шарапов оценивает психическое насилие как преступное посягательство «на психическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения психического вреда потерпевшему вопреки его воле»¹³⁷. В целом, мы склонны согласиться с методологией определения процитированного автора, однако, полагаем, что термин «психическая безопасность» является менее удачным и не в полной мере отражает результат психического воздействия, нежели понятие «психическая неприкосновенность». Полагаем, что причинение вреда «психической безопасности» можно оценивать только в контексте более сложных психических дисфункций, которые способны вызывать только достаточно сложные методики воздействия на психику, и они практически не доступны «среднестатистическому» человеку. В специальных исследованиях приводятся примеры, когда после просмотра японскими школьниками мультипликационного фильма, созданного представителями секты Аум-Сенрике, более 800 детей попали в больницы с приступами эпилепсии, и называют данные методы воздействия «психотронным оружием»¹³⁸. Именно в контексте такого рода воздействий (которые, безусловно, имеют место, **в** частности, при вербовке членов экстремистских организаций, различных методик «зомбирования» и т.д.), как мы полагаем, можно вести речь о таком явлении, как «психическая безопасность». Что же касается подавляющего большинства преступных посягательств, совершаемых с применением психического насилия, то наиболее оптимальным, на наш взгляд, все-таки следует признать термин «психическая неприкосновенность». Во-первых, он находится в гармоническом сочетании с термином «физическая неприкосновенность» (с точки зрения единообразия смыслового содержания и терминологического оформления); во-вторых, в большей степени отражает механизм воздействия на человека, как своего рода насильственное вмешательство, воздействие на нормальные психические процессы. При этом, конечно, следует признать, что оба эти понятия - и физическая, и психическая неприкосновенность - являются достаточно условными, **применяемыми** исключительно в целях решения задач уголовно-правовой охраны соответствующих благ человека. Безусловно, говорить о наличии физической

¹³⁵ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / отв. ред. А.И. Чучаев. - Ульяновск, 2002. - С. 16.

¹³⁶ Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность: учебное пособие. - М., 1993. - С. 92.

¹³⁷ Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 2006. - С. 12.

¹³⁸ Мягченко О.П. Безопасность жизнедеятельности человека и общества. - Киев, 2017. - С. 277.

или психической неприкосновенности человека в абсолютном значении данного слова затруднительно, поскольку любой человек в своей повседневной жизни сталкивается с теми или иными физическими (например, случайный толчок в общественном транспорте) или психическими (например, громкий сигнал автомашины) воздействиями. Нередко такого рода воздействия даже необходимы с точки зрения обеспечения личной безопасности человека. В контексте оценки насильственных преступлений, совершаемых посредством применения физического или психического насилия, по нашему мнению, понятиям физической и психической неприкосновенности придается вполне определенное значение: это та сфера, относящаяся к благам конкретного человека, в отношении которой существуют определенные запреты для другого человека. Соответственно, уголовное право в силу специфики предмета регулирования «реагирует» только на вполне определенные формы посягательства - на физическую и психическую неприкосновенность человека.

Аналогично, не связывая понятие «психическое насилие» и «угроза», дает определение исследуемой формы насилия А.Д. Чернявский. По его мнению, психическое насилие представляет собой «умышленное общественно опасное противоправное воздействие на психику человека, совершенное помимо или против его воли в целях подавления свободы волеизъявления и (или) причинения психической травмы»¹³⁹. Кроме того, в подтверждение того, что психическое насилие не тождественно понятию «угроза», А.Д. Чернявский выделяет две большие группы психического насилия, различные по методу воздействия на потерпевшего: во-первых, это различного вида угрозы, а во-вторых, иные способы воздействия на потерпевшего. Данное определение, равно как и ранее приведенную дефиницию Р.Д. Шарапова, по нашему мнению, также отличает большая степень универсальности. Так, в частности, для сравнения, Р.А. Левертова полагает, что психическое насилие выражается исключительно «в угрозах причинить физический, моральный, имущественный вред, лишить каких-либо благ, ограничить в волеизъявлении»¹⁴⁰. Как мы уже ранее указывали, любое определение насилия исключительно через понятие «угроза» определенным образом сужает возможное многообразие форм психического воздействия, которые могут иметь место в реальной действительности. Фактически это то же самое, как ограничить понятие «физическое насилие» исключительно случаями применения мускульной силы виновного по отношению к потерпевшему. Обращаясь еще раз к процитированной позиции А.Д. Чернявского, мы не будем вновь останавливаться на ранее исследованных обстоятельствах (в частности, на смысловой трактовке словосочетания «против или помимо воли»), а отметим только тот аспект, что несколько непонятен с методологической точки зрения диапазон вреда, причиняемого посредством психического насилия – подавление свободы волеизъявления и причинение психической травмы. Если в

¹³⁹ Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1991. – С. 10.

¹⁴⁰ Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. - Омск: ВШ МВД СССР, 1978. - С. 6.

отношении **подавления** свободы волеизъявления в целом можно согласиться, поскольку данный результат психического воздействия является подавляющим (и, как правило, составляет цель деяний виновного лица), то относительно причинения психической травмы возникают определенные вопросы. Преимущественно наши возражения в данном случае связаны с тем обстоятельством, что психическая травма – это результат развития определенных психических процессов, в результате которых психика человека перестает функционировать в нормальном режиме (равно как и при физической травме имеется дисфункция тех или иных органов, частей тела человека). Однако в отличие от физической травмы, оценка которой может быть осуществлена в более или менее унифицированном виде по отношению к различным потерпевшим (например, перелом конечности имеет примерно равные параметры боли и вредных последствий для любого потерпевшего, разве что за исключением особых случаев – **спортсменов**, лиц с пониженной чувствительностью и т.д.), психическая травма – это результат сугубо индивидуальных процессов, протекающих в психике конкретного человека. Соответственно, мы возражаем против использования такого рода сложносоставных понятий, поскольку они лишают определение термина «психическое насилие» необходимой универсальности.

На тот факт, что психическое насилие является понятием гораздо более широким, нежели понятие «угроза», указывают и результаты сравнительно-правового анализа, проведенного современными исследователями. Так, С.М. Воробьев указывает, что им выявлены следующие частные случаи психического насилия в уголовном законодательстве зарубежных стран: «агрессия (звуковая, сексуальная – ст. 222-16, 222-18 УК Франции); гипноз (ст. 34 зайн (буква в еврейском алфавите – *прим. авт.*) Закона об уголовном праве Израйля, п. 6 ст. 1 УК Таиланда); запугивание (ст. 433-3 УК Франции, ст. 8 **Закона** «О краже» Англии, ст. 283 УК Республики Корея); колдовство, включающее в себя предсказание будущего и фокус, совершаемое с намерением получения какой-либо вещи (ст. 417 алеф (буква в еврейском алфавите – *прим. авт.*) Закона об уголовном праве Израйля); моральное мучение (§ 343 УК ФРГ); недоброжелательные неоднократные телефонные звонки, совершаемые с целью нарушения покоя другого лица (ст. 222-16 УК Франции); обучение способам совершения преступлений (ст. 295 УК КНР); приведение общественности в состояние тревоги злонамеренным распространением лживых слухов (ст. 384 УК Таиланда)»¹⁴¹.

Здесь мы вплотную подходим к аналогичному методологическому аспекту понятия «психическое насилие», с которым мы сталкивались и при определении понятия «физическое насилие», а именно к тому, стоит ли идти по пути перечисления разновидностей психического воздействия или вредных результатов от его применения. Как и в контексте оценки физического насилия, мы полагаем, что чрезмерная детализация данных параметров, скорее,

¹⁴¹ Воробьев С.М. Сравнительно-правовой анализ уголовно-правового понятия «психическое насилие» // Юристь-правоведь. – 2017. - № 3 (82). – С. 94.

«загромоздит», снизит универсальность формулировки, чем окажет отрицательное воздействие. Что касается отождествления психического насилия и различных форм угроз, мы уже высказали свое мнение о его недопустимости. Однако и идти по пути перечисления всех имеющихся форм психического воздействия (в частности, уже имеющихся в тексте действующей редакции УК РК) нам представляется ошибочным. Как и физическое воздействие (а, возможно, даже в большей степени), психическое воздействие будет приобретать новые формы, обусловленные темпами социального развития, внедрения в повседневную жизнь людей все более развитых технологий. Так, до недавнего времени отсутствовали деструктивные формы воздействия посредством использования телекоммуникационных технологий и сети Интернет, а в настоящее время мы сталкиваемся с их общественно опасными последствиями (в частности, с суицидальным поведением). К примеру, Л.В. Сердюк делит психическое насилие на информационное и внеинформационное, причем указывает на тенденцию к расширению сферы применения последнего («модификация поведения» с помощью наркотиков, алкоголя, электронного стимулирования нервной деятельности, гипноза и т.д.)¹⁴². Что касается цели оказания психического воздействия, а, точнее, последствий соответствующего поведения виновного лица, то, как мы полагаем, подавление свободы волеизъявления хоть и является наиболее типичным последствием, но однозначно не исчерпывает всего спектра последствий от психического насилия. Фактически абсолютизируя данное обстоятельство, мы приходим к выводу, что психическое насилие в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, исключается, поскольку они и без того ограничены в свободе волеизъявления. Соответственно, по нашему мнению, психическое насилие должно быть определено как совокупность различных форм воздействия на психическую неприкосновенность человека.

Можно сформулировать основной тезис, который непосредственно констатируется на основе анализа действующего УК РК: психическое насилие изначально признается менее общественно опасным, нежели физическое насилие. Следует отметить, что и исследователи нередко подтверждают обоснованность подобной градации степени общественной опасности. В частности, оценивая психическое насилие как возможность применения физического насилия (с позиции соотношения философских категорий «возможность-действительность»), Л.Д. Гаухман пишет: «Если психическое насилие предполагает возможность воздействия на организм человека в будущем, то физическое - это уже фактическое воздействие»¹⁴³. В данном определении, пусть и косвенным образом, но признается тот факт, что физическое насилие более опасно в «действительном» варианте, нежели как «возможное» его применение в будущем. Собственно, это в полной мере подтверждается степенью пенализации санкций соответствующих норм

¹⁴² Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1979. - С. 7.

¹⁴³ Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. - С. 31.

Особенной части УК РК. Так, согласно санкции ст. 115 УК РК «Угроза», данное уголовное правонарушение в настоящее время относится к уголовным проступкам, причем в последнее время обнаруживается тенденция к снижению уголовно-правовой репрессии по отношению к лицам, совершающим соответствующие действия. Так, в частности, согласно Закону РК от 12 июля 2018 года № 180-VI, санкция ст. 115 УК РК была еще более смягчена (к примеру, максимальный размер штрафа был снижен с 200 МРП до 120 МРП)¹⁴⁴.

Ранжирование степени общественной опасности психического и физического насилия имеет место и в частных случаях конструирования тех или иных составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РК. Так, в частности, угроза насилия предусматривается ч. 1 ст. 194 УК РК «Вымогательство», а непосредственно применение насилия квалифицируется уже в рамках квалифицированного состава ч. 2 ст. 194 УК РК.

Следует отметить, что в значительном количестве случаев конструирования квалифицирующих признаков, связанных с насильственным способом совершения того или иного посягательства, законодатель объединяет в основном или квалифицированном способе воздействия тот или иной вид физического насилия и угрозу его применения (например, ч. 1 ст. 192 УК РК «Разбой»). Вместе с тем, исследователями высказывается мнение относительно того, что «уравнивание» физического и психического насилия в подобных законодательных конструкциях не соответствует специфике механизма физического или психического воздействия. Так, в частности, по мнению А. Рарога, весьма сомнительно «приравнение угрозы насилем к его реальному применению. Поэтому суды при назначении наказания вынуждены корректировать позицию законодателя, наказывая реальное насилие строже, чем угрозу его применения»¹⁴⁵. Мы не в полной мере согласны с таким категоричным суждением, хотя, скорее всего, правоприменительная практика в данном случае идет именно по указанному А. Рарогом пути. Следует учесть, на наш взгляд, что виновный избирает тот способ воздействия на потерпевшего с целью совершить то или иное посягательство, который он считает наиболее оптимальным с позиции механизма совершения преступления. Кроме того, как, например, совершенно справедливо указывает Н.И. Панов, нередко для потерпевшего угроза применения насилия к его близким расценивается как гораздо больший насильственный фактор, нежели физическое насилие по отношению к нему самому¹⁴⁶.

Мы категорически против того, чтобы состав уголовно-правовой угрозы, содержащийся в ст. 115 УК РК, относить к уголовно-правовым проступкам. Как указывается в ч. 3 ст. 10 УК РК, уголовным проступком признается деяние, «... не представляющее большой общественной опасности, причинившее

¹⁴⁴ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов: Закон Республики Казахстан от 12 июля 2018 года № 180-VI.

¹⁴⁵ Рарог А. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // Уголовное право. - 2014. - № 5. - С. 86.

¹⁴⁶ Панов Н.И. Квалификация насильственных преступлений. - Харьков, 1986. - С. 32.

незначительный вред или создавшее угрозу причинения вреда...»¹⁴⁷. Каким образом можно соотнести данное законодательное определение уголовного проступка с деянием, регламентированным ст. 115 УК РК и представляющим собой угрозу «убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а равно иным тяжким насилием над личностью либо уничтожением имущества поджогом, взрывом или иным общеопасным способом...»? Причем законодатель специально включает теоретически обоснованное положение относительно того, что у потерпевшего имеются реальные основания опасаться исполнения соответствующей угрозы. Выходит, что тот факт, что потерпевший испытывает реальный страх от того, что к нему будет применено то или иное тяжкое физическое насилие, допустимо расценивать как незначительный вред? Причем указание в ч. 3 ст. 10 на угрозу причинения вреда следует расценивать как угрозу в так называемых «составах опасности» (на данный аспект трактовки понятия «угроза» мы указывали ранее). Так, еще Л.С. Белогриц-Котляревский указывал на тот факт, что даже «фиктивный вред» (то есть угроза, которую виновный не может реализовать) в том случае, если он воспринимается потерпевшим как реальная угроза, следует расценивать как уголовно наказуемое деяние¹⁴⁸. Совершенно справедливо и указание исследователей на тот факт, что «содержание угрозы заключается в передаче информации о готовности причинить тот или иной вред определенному благу»¹⁴⁹. Кроме того, как мы полагаем, следует признать обоснованным указание ученых на тот факт, что угроза наиболее значимым благам, воспринимаемая потерпевшим как реально осуществимая, вызывает у него страх, подавленное состояние¹⁵⁰.

Мы полагаем, что в случае с необоснованно сниженной санкцией за угрозу решающее значение сыграли не факторы научно обоснованной криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации), а вопросы преимущественно «утилитарного» порядка, связанные с упрощением процедур, связанных с реализацией уголовной ответственности за данное деяние (так, согласно ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса РК, досудебное производство по ст. 155 УК РК осуществляется в протокольной форме)¹⁵¹. Не склоняясь к той или иной констатации относительно эффективности данной формы досудебного расследования, критерием которой могут явиться только конкретные результаты правоприменительной деятельности, отметим, что роль уголовно-правового запрета заключается не только в том, чтобы определить параметры уголовной ответственности, но и дать ценностную оценку тем благам, которые законодатель ставит под свою защиту. Возвращаясь еще раз к смоделированному нами в научно-теоретических целях понятию «инфильтрация», отметим, что параметры

¹⁴⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК.

¹⁴⁸ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. - Киев; Пб.: Харьков, 1903. - С. 377.

¹⁴⁹ Бойцов А.И. Понятие насильственного преступления // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. - Л., 1988. - С. 136.

¹⁵⁰ Иванова В. В. Преступное насилие. - М., 2002. - С. 31.

¹⁵¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года.

уголовной ответственности за угрозу в максимальной степени должны быть обусловлены учетом реакции современного человека на данное виновное поведение, то есть ориентироваться на уровень его тревожности, неприемлемости той или иной угрозы, потенциального риска воздействия на свободу волеизъявления и т.д. Иными словами, данный состав уголовного правонарушения в особом порядке нуждается в социологическом сопровождении на предмет оценки степени психических переживаний реальных потерпевших, а также восприятия другими гражданами потенциальной опасности стать жертвой угроз.

Нами в настоящем исследовании проводится концепция обязательного учета социологических параметров уголовной ответственности за насильственные преступления. В конце концов, уголовно-правовой запрет должен отвечать необходимой степени защищенности граждан, в том числе и с точки субъективного восприятия гражданами опасности того или иного насильственного посягательства. Следует учитывать, что низкая степень собственной защищенности граждан (в совокупности с другими факторами, в том числе с недостаточным уровнем доверия граждан к правоохранительным структурам) может спровоцировать рост насильственной преступности, обусловленный соответствующими виктимологическими факторами. Иными словами, необходимо взять на вооружение **следующий** тезис: уголовный закон не должен способствовать виктимизации населения страны. Соответственно, вопросы криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации) должны основываться на научно выверенных критериях, непосредственно связанных с оценкой степени общественной опасности того или иного деяния, оценить которую невозможно без субъективного критерия «опасности», оцениваемого гражданами (это и есть необходимая инфильтрация социальных процессов в уголовно-правовую сферу).

Следует отметить, что в специальных исследованиях, посвященных ответственности за угрозу, указывается, что она составляет от 25 до 35 % в общей доле всех совершаемых насильственных преступлений, что свидетельствует о достаточно высокой распространенности данного деяния¹⁵². При этом необходимо учитывать тот факт, что состав уголовного правонарушения, предусмотренный в ст. 115 УК РК, принято относить к так называемым составам «с двойной превенцией», то есть к тем деяниям, надлежащая реакция на которые способна создать превентивный механизм по отношению к случаям реального совершения действий, составляющих предмет угрозы. Вместе с тем, современные исследователи данного состава уголовного правонарушения указывают на целый ряд обстоятельств, которые не дают основания для того, чтобы однозначно констатировать тот факт, что реализация ответственности за угрозу убийством, тяжким вредом здоровью или совершением других общественно опасных действий реально влияет на

¹⁵² Хабарова М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2006. - С. 7.; Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу убийством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2006. - С.12.

динамику убийств, причинения тяжкого вреда здоровью и иных преступных посягательств, которыми угрожает виновное лицо. Так, в частности, авторами отмечаются следующие данные, полученные на основе проведенных социологических исследований: 1) корреляция между статистическими данными по угрозам и реальным случаям совершения соответствующих деяний прослеживается весьма слабо; 2) мнение сотрудников относительно наличия (отсутствия) предупредительного потенциала у состава угрозы разделяются примерно поровну; 3) основная масса лиц, в отношении которых реализуется ответственность за угрозу, как правило, **привлекается** к ответственности по совокупности с другими преступлениями (в данном случае роль нормы «с двойной превенцией» значительно снижается); 4) лишь незначительная часть осужденных за насильственные преступления, связанные с причинением физического вреда (убийства, причинения тяжкого вреда здоровью), **указывает** на тот факт, что реализация ответственности за угрозу оказала бы на них сдерживающее воздействие. При этом авторы, аналогично приведенным выше нашим рассуждениям по поводу несоразмерности уголовно-правового запрета на угрозу, полагают, что действующее уголовное законодательство не в полной мере **пропорционально** в плане пенализации насильственного воздействия на человека и предлагают перевести угрозу в категорию преступлений средней тяжести (с максимальным размером наказания в виде **лишения** свободы в виде 4-х лет)¹⁵³.

Действительно, если оценить современную степень пенализации в отношении насильственных преступлений, совершаемых в форме физического и психического насилия, в действующем уголовном законодательстве, то можно прийти к следующим выводам: 1) при объединении физического или психического насилия в качестве альтернативного насильственного способа при совершении преступления «разброс» в возможной строгости уголовного наказания (если сопоставлять минимальные и максимальные размеры санкций) составляет в среднем 3,5 года; 2) различие в степени репрессивности санкций в основных составах физического и психического насилия является колоссальным (так, в частности, основной состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью относится к тяжким преступлениям, а угроза – к уголовным проступкам, причем не с максимальными размерами санкций, которые возможны в отношении уголовных проступков). Мы, в целом, согласны, что разница в степени общественной опасности действительно имеется, однако такой колоссальный разрыв свидетельствует, на наш взгляд, о недооценке законодателем общественной опасности посягательств на психическое благополучие граждан, чьей жизни, здоровью и иным значимым благам угрожает виновный.

Проведя краткий анализ уголовных кодексов стран постсоветского пространства, мы обнаруживаем тот факт, что уголовная ответственность за угрозу в Республике Казахстан имеет наименьшую степень репрессивности.

¹⁵³ Варьгин А.Н., Ильянова О.И. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в структуре насильственной преступности // Вестник Казанского государственного института МВД России. – 2013. - № 4 (14). – С. 38-41.

Так, в частности, ст. 145 Уголовного кодекса Кыргызской Республики предусматривает ответственность за угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья (ч. 1 ст. 145 УК КР), а также квалифицированный вид данного преступления (в отношении лица или его близких в связи с исполнением профессиональной, служебной деятельности или общественного долга)¹⁵⁴. В целом, поскольку мы оцениваем преимущественно только вопросы пенализации данного состава, можно отметить тот факт, что степень репрессивности угрозы в Кыргызстане аналогична строгости наказания, установленного в ст. 115 УК РК, поскольку в уголовном законе Кыргызстана отсутствует категория «уголовный проступок» (угроза относится к менее тяжким преступлениям, что составляет наименее общественно опасную группу преступных деяний).

Весьма либерален в вопросах ответственности за угрозу и законодатель Республики Узбекистан. Так, ст. 112 УК Республики Узбекистан содержит основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы. Основной состав (угроза убийством или применением насилия) не содержит в санкции наказаний, связанных с лишением или ограничением свободы. Квалифицированный состав (совершение деяния опасным рецидивистом, а также членом организованной группы или в ее интересах) содержит максимальное наказание до одного года лишения свободы, а особо квалифицированный состав (в отношении лица или его близких родственников в связи с исполнением им своего служебного или общественного долга) – до трех лет лишения свободы¹⁵⁵.

Одним из наиболее строгих наказаний за угрозу убийством или причинением тяжких телесных повреждений или иного тяжкого вреда здоровью отличается УК Республики Молдова (до трех лет лишения свободы)¹⁵⁶. Также достаточно строгий вариант ответственности по отношению к угрозе предусмотрен ст. 186 УК Республики Беларусь, в которой наказание за данное деяние устанавливается до двух лет лишения свободы (объективная сторона сформулирована аналогично со ст. 115 УК РК), однако, согласно ст. 33 УК РБ, данное преступление относится к категории посягательств, в отношении которых уголовная ответственность реализуется только по требованию потерпевшего¹⁵⁷. В данном же диапазоне находятся и параметры уголовной ответственности за угрозу по ст. 120 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (до двух лет лишения свободы), причем наказуемой является

¹⁵⁴ Уголовный кодекс Кыргызской Республики: кодекс Кыргызской Республики от 24 января 2017 года № 10 (введен в действие с 1 января 2019 года) // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения 2 августа 2018 года).

¹⁵⁵ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-ХП (с изм. и доп. по сост. на 9 января 2019 года) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения 22 августа 2018 года).

¹⁵⁶ Уголовный кодекс Республики Молдова: кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-ХV (с изм. и доп. по сост. на 15 ноября 2018 года) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения 22 августа 2018 года).

¹⁵⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения 14 августа 2018 года).

только угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью¹⁵⁸. Аналогичное наказание (равно как и определение параметров ответственности за угрозу) предусматривает и ст. 116 УК Туркменистана¹⁵⁹. До двух лет лишения свободы наказуема также угроза убийством, причинением тяжкого вреда здоровью, а равно уничтожением имущества в крупном размере в ст. 137 УК Республики Армения¹⁶⁰, а также в ст. 134 УК Азербайджанской Республики¹⁶¹.

В свою очередь, ст. 151 УК Грузии определяет в качестве предмета исследуемого состава угрозу убийством, причинением вреда здоровью либо уничтожением имущества, а предельный размер наказания устанавливает в один год лишения свободы¹⁶². Законодатель Украины в ст. 129 уголовного закона определил пределы наказуемости угрозы только теми случаями, когда ее предметом является жизнь человека (максимально строгий вид наказания – два года ограничения свободы). Вместе с тем, в квалифицированном виде данного преступления - в случае ее совершения членом организованной группы, а также по мотиву расовой, национальной или религиозной нетерпимости - предусмотрено наказание до пяти лет лишения свободы¹⁶³. Аналогично в разряд квалифицирующих признаков состава угрозы **совершения** данного деяния по мотивам политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды отнесено российским законодателем (ч. 2 ст. 119 УК РФ – наказание до пяти лет лишения свободы). Что же касается основного состава, то пределы наказуемости ограничены угрозами убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; максимальный срок наказания по ч. 1 ст. 119 УК РК – до двух лет лишения свободы¹⁶⁴.

Проведенный анализ уголовного законодательства стран ближнего зарубежья показывает, что наказуемость угрозы имеет весьма широкий диапазон, который, как мы полагаем, достаточно трудно объяснить с точки зрения социологического фактора (с позиции инфильтрации значимых социальных процессов в уголовно-правовую сферу). На самом деле, трудно найти какой-либо значимый критерий, который объяснял бы подобные диспропорции: как минимум, данная диспропорция заключается в том, что в

¹⁵⁸ Уголовный кодекс Республики Таджикистан: кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (по состоянию на 2 января 2019 года) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения 8 августа 2018 года).

¹⁵⁹ Уголовный кодекс Туркменистана: кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I (по состоянию на 9 июня 2018 года) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения 2 августа 2018 года).

¹⁶⁰ Уголовный кодекс Республики Армения: кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 года // <http://docplayer.ru/29913275-Ugolovnyy-kodeks-respubliki-armeniya-prinyat.html> (дата обращения 10 августа 2018 года).

¹⁶¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ (с изм. и доп. по сост. на 30 октября 2018 года) // http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30420353.

¹⁶² Уголовный кодекс Грузии: кодекс Грузии от 22 июля 1999 года (по сост. на 1 марта 2016 года) // <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения 23 августа 2018 года).

¹⁶³ Уголовный кодекс Украины: кодекс Украины от 5 апреля 2001 года №2341-III (с изм. и доп. по сост. на 23 ноября 2018 года).

¹⁶⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года (по сост. на 8 января 2019 года) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/37fd891311615f23654aa2bd69d386fc6c0c8470/ (дата обращения 21 августа 2018 года)

некоторых случаях за угрозу предполагается наказание в виде лишения свободы, а в других вариантах законодательной регламентации в перечне наказаний нет даже ограничения свободы. При этом, именно казахстанский вариант регламентации ответственности за угрозу является наиболее либеральным. Если по формальной пенализации можно найти схожие варианты законодательных решений (в частности, в Кыргызстане, Узбекистане), то в контексте полной и объективной уголовно-правовой оценки только в Казахстане угроза наиболее значимым благам человека относится к уголовному проступку, то есть, как указывается в ч. 3 ст. 10 УК РК, не представляет большой общественной опасности.

В целом, мы не абсолютизируем значение сравнительно-правовых исследований для определения критериев эффективности криминализации тех или иных составов уголовных правонарушений в отечественном законодательстве. Так, уже в начале 2000-х годов исследователи обнаруживали целый ряд расхождений в наборе квалифицирующих признаков, видовой дифференциации насильственных преступлений стран СНГ, но при этом указывали, что в рамках основных составов насильственных преступлений, а также подходов к криминализации «традиционных» составов насильственных преступлений продолжают сохраняться значительные сходства¹⁶⁵.

Соответственно, тенденция законодательных расхождений в уголовном законодательстве стран, имеющих в недавнем прошлом единую основу правовой регламентации, продолжает нарастать. Но, собственно, не данное обстоятельство является предметом наших рассуждений в рамках состава угрозы, а тот факт, что нет объективных оснований для кардинальных расхождений в пенализации данного состава. Психическое благополучие человека как одно из неотъемлемых, естественных его прав не может с точки зрения уголовно-правовой оценки иметь столько значимые расхождения (причем данное расхождение еще заметней в плане легких форм физического воздействия - побоев, умышленного причинения легкого вреда здоровью, о чем пойдет речь в последующих теоретических блоках данной работы). Это еще раз подтверждает необходимость не только криминологического, но и социологического сопровождения законотворческого процесса, поскольку в последние годы процессы криминализации (декриминализации) стали иметь достаточно тревожную тенденцию к исключительно техническому процессу, все больше теряющему связь с научным обоснованием. Именно поэтому мы и используем в рамках нашего исследования условный термин «инфильтрация» («просачивание»), чтобы абстрагироваться от часто используемых понятий «криминализация» и «декриминализация», которые, как мы полагаем, утратили первоначальное значение. Мы полагаем, что социологическое исследование относительно восприятия гражданами такого вида насилия, как угроза наиболее значимым благам человека (как потерпевшими от угроз, так и тех, кто такому воздействию не подвергался), вряд ли покажет существенные расхождения в

¹⁶⁵ Мальцева С.Н. Насильственные преступления: сравнительно-правовой анализ по УК РФ и УК стран СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. - С. 13, 114-123.

Казахстане, России, Украине, Узбекистане и других государствах. Для этого просто отсутствуют объективные причины. Соответственно, в данном случае (и не только в отношении состава угрозы) имеет место определенное нивелирование социального фактора, что, на наш взгляд, «отрывает» уголовный закон от того объекта уголовно-правовой охраны, на защиту которого, собственно, он и должен быть нацелен.

Далее мы еще коснемся вопросов криминализации составов насильственных преступлений. В качестве завершения данного блока теоретического анализа сформулируем свою позицию относительно того, что состав угрозы не может быть причислен к уголовным проступкам по той причине, что он даже просто формально не подпадает под признаки данного вида уголовного правонарушения, сформулированные в ч. 3 ст. 10 УК РК. Полагаем, что пенализация данного состава должна идти по пути формулирования такой санкции, которая относилась бы его к преступлениям небольшой тяжести с максимальным размером наказания в виде двух лет лишения свободы (как было в первоначальной редакции УК РК 1997 года, до внесения изменений Законом от 18 января 2011 года № 393-IV). В данном ключе мы не усматриваем противоречия нашего предложения вектору гуманизации уголовной политики Республики Казахстан, поскольку гуманизация преимущественно связана не с уголовно-правовым запретом и степенью пенализации санкции, а с параметрами правоприменения, правопонимания. Что же касается уголовно-правового запрета, то он должен в обязательном порядке отражать социальную значимость охраняемого уголовным законом блага, а также те социальные тенденции, которые связаны с имеющимися восприятиями, оценками, переживаниями населения относительно тех или иных форм насильственного поведения.

В заключение исследования форм насилия в составах насильственных преступлений остановимся еще на одном аспекте, связанном с оценкой такой формы насилия, как психологическое насилие. По определению Всемирной организации здравоохранения, «насилие – это преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб»¹⁶⁶. Полагаем, что недооценка степени общественной опасности психического насилия в настоящее время недопустима, что должно быть связано и с фиксацией и анализом его новых форм и разновидностей, в том числе и тех, значение которых ранее не получало правовой оценки. Сложности в нейтрализации последствий психического воздействия могут выразиться в стойких деструктивных для человека изменениях в поведении, в восприятии объективной действительности, повысить его виктимность для последующих актов насильственного воздействия. Последствием психического насилия является нанесение ущерба соматическому и психическому здоровью

¹⁶⁶ Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. - С. 5

человека, что весьма редко указывается в общих формулировках понятия психического насилия.

В отношении психического (психологического) насилия в обязательном порядке следует учитывать тот факт, что его оценка производится преимущественно опосредованно, через призму восприятия его самой жертвой преступного посягательства. А данный момент создает дополнительные сложности, поскольку в такой ситуации на объективную оценку может оказать влияние значительный объем факторов субъективного характера: интеллектуальный уровень потерпевшего (будет влиять на его способность описать событие, испытанные эмоции и переживания); уровень эмоциональной чувствительности потерпевшего (возможен серьезный «диапазон чувствительности», который будет зависеть от обстоятельств жизни потерпевшего, включая события из детства, уровня эмоциональной допустимости насильственного поведения вообще); социальный уровень (чем ниже степень социальной защищенности, тем больше нивелируется в сознании потерпевшего общественная опасность совершенного в отношении него психического насилия) и ряд других факторов. Очевидно, этими же умозаключениями руководствуются авторы, предпринимающие попытку дифференцировать степень психических страданий в уголовно-правовой теории¹⁶⁷. Очевидно, что даже угроза убийством или тяжким вредом здоровью будет по-разному восприниматься лицом, который слышит такого рода высказывания впервые, и лицом, который привык к систематическим угрозам подобного рода со стороны родителей, супруга, других лиц.

Действующий Уголовный кодекс Республики Казахстан содержит значительное терминологическое разнообразие при описании различных видов психического насилия. К ним, в частности, можно отнести: «систематическое унижение человеческого достоинства» (ч. 1 ст. 105); «физические или психические страдания» (ст. 110); физические и (или) психические страдания (ст. 146); «угроза» (ст.ст. 115, ст. 409, 429, а также все иные составы, где угроза упоминается в качестве способа совершения уголовного правонарушения или квалифицирующего признака соответствующего состава); «принуждение» (ст.ст. 116, 157, 209, 248, 415); «понуждение» (ст. 123); «жестокое обращение» (ч. 2 ст. 140, ст. 316); «склонение» (ст. 299); «издевательство» (ст. 440) и др.¹⁶⁸ Фактически это только случаи такого текстуального оформления соответствующих уголовно-правовых запретов, из непосредственного толкования которых можно установить разновидность той или иной формы психического воздействия. То есть это, так сказать, «узкая», буквальная уголовно-правовая трактовка психического насилия. Если же говорить о более широком осмыслении психического насилия, то его признаки можно констатировать и в других составах уголовных правонарушений. В частности, к разновидности психического насилия можно отнести действия дискриминационного характера в составе ст. 145 УК РК («прямое или

¹⁶⁷ Галюкова М.И. Некоторые вопросы определения глубины психических страданий в уголовном праве // <https://www.sworld.com.ua/konfer32/51.pdf> (дата обращения 10 сентября 2018 года).

¹⁶⁸ Уголовный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК.

косвенное ограничение прав и свобод человека и гражданина), а также в целом ряде других статей уголовного закона. В целом же, следует отметить, что психическое насилие может иметь место без применения мер физического воздействия на потерпевшего; любой же акт физического воздействия в обязательном порядке сопровождается воздействием на нормальные психические процессы, приводит к отрицательным эмоциям, переживаниям, страданиям, поведенческим деструкциям. Но поскольку физическое насилие более объективировано, что позволяет дать ему адекватную правовую оценку как самому акту физической агрессии, так и сопровождающим его негативным психическим процессам, постольку особый интерес в научном и прикладном аспекте должны представлять акты психического (психологического) насилия, не сопровождаемые физическим воздействием.

Считаем необходимым в настоящее время оптимальным образом разрешить вопросы соотношения понятий «психическое насилие» и «психологическое насилие». Исследование вопроса показало, что не только в научных публикациях, но и в законодательных актах отсутствует логически обоснованное основание для размежевания данных терминов. Справедливости ради следует заметить, что в уголовно-правовых и криминологических исследованиях подавляющее большинство авторов оперируют термином «психическое насилие», являющимся устоявшимся в данных областях научного знания.

Термин «психологическое насилие» вошел в легальный правовой оборот с принятием Закона РК «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 года № 214-IV. В статье 1 названного нормативного правового акта бытовое насилие определяется как «умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания». Что же касается самого психологического насилия, то оно определяется в ст. 4 Закона как «умышленное воздействие на психику человека, унижение чести и достоинства посредством угроз, оскорблений, шантажа или принуждение (понууждение) к совершению правонарушений или деяний, представляющих опасность для жизни или здоровья, а также ведущих к нарушению психического, физического и личностного развития»¹⁶⁹.

Термин «психологическое насилие» дублируется также в Критериях оценки наличия жестокого обращения, приведшего к социальной дезадаптации и социальной депривации, от 22 сентября 2014 года № 630. В перечне критериев для определения степени психологического насилия, помимо дублирования уголовно наказуемых форм воздействия (доведение до самоубийства, угрозы), также называются такие поведенческие формы, оказывающие негативное психологическое воздействие, как «грубость, издевательства, оскорбление, угроза, шантаж, преследование и другое действие (бездействие), вызывающее отрицательную эмоциональную реакцию

¹⁶⁹ О профилактике бытового насилия: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV.

человека и душевную боль»¹⁷⁰.

Обращаясь к тексту официального толкования Закона РК «О бытовом насилии», мы обнаруживаем, что термин «психологическое насилие» подменяется традиционным для правоприменительной практики судов термином «психическое насилие» по всему тексту упомянутого комментария¹⁷¹. Казалось бы, в данном случае можно провести более или менее удовлетворительное разграничение исследуемых понятий: в сфере уголовно-правового регулирования используется термин «психическое насилие», а термин «психологическое насилие» является своего рода родовым понятием ко всем формам воздействия на психику человека. Однако и в актах официального судебного толкования по вопросам уголовно-правовой квалификации мы также встречаем случаи употребления понятия «психологическое воздействие». Так, в частности, в п. 3 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 23 июня 2006 года № 6 «О судебной практике по делам о вымогательстве» указывается, что «как вымогательство под угрозой применения насилия следует понимать действия, выражающие намерение оказать принудительное психологическое воздействие (угроза лишить жизни, причинить тяжкий, средний или легкий вред здоровью, совершить изнасилование или иные насильственные действия)¹⁷².

Полагаем, что в целях научного единообразия, равно как и унифицированной законодательной техники, необходимо все-таки разграничить данные понятия, какой бы условной не была граница между ними. Психическое насилие (буквально «насилие над психикой»), безусловно, более предпочтительный термин, отражающий собственно саму специфику воздействия на человека, на закономерные психические процессы. Этот термин, по нашему мнению, более универсален. Вместе с тем, полностью отрицать функциональность термина «психологическое насилие», на наш взгляд, не следует. Очевидно, что психологическое насилие более специфично, предполагает знание виновным лицом психологических особенностей потерпевших, а не только общих закономерностей протекания психических процессов (по типу: «любой человек испытывает страх, если ему угрожают убийством»). Это предполагает наличие более или менее длительных контактов виновного с потерпевшим, которые и способствуют знанию наиболее уязвимых психологических аспектов личности последнего. Именно по этой причине, на наш взгляд, термин «психологическое насилие» актуализировался и был фактически легализован в **нормативных** правовых актах по вопросам бытового насилия.

Итак, наше резюме по данному вопросу: термин «психическое насилие»

¹⁷⁰ Об утверждении Критериев оценки наличия жестокого обращения, приведшего к социальной дезадаптации и социальной депривации: совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 22 сентября 2014 года № 630, Министра образования и науки Республики Казахстан от 26 сентября 2014 года № 399 и Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 19 ноября 2014 года № 240.

¹⁷¹ Применение судами норм Закона РК «О профилактике бытового насилия» // http://adilet.zan.kz/rus/docs/T090000214_/info (дата обращения 10 августа 2018 года)

¹⁷² О судебной практике по делам о вымогательстве: Нормативное постановление Верховного Суда РК от 23 июня 2006 года № 6.

является универсальным, а термин «психологическое насилие» должен иметь более узкую сферу применения с учетом особых взаимоотношений виновного с потерпевшим. Мы полагаем, что термин «психологическое насилие» требует разработки именно в контексте потребностей уголовно-правовой регламентации насилия, с учетом достижений психологии, оценки частных случаев правоприменительной практики, зарубежного опыта учета при квалификации преступлений и назначении уголовного наказания. Однако однозначно следует признать, что основным социальным «заказчиком» понятия психологического насилия явилась сфера насилия в семейно-бытовых отношениях (что абсолютно обоснованно, поскольку именно члены семьи наиболее осведомлены о психологических особенностях друг друга). Исходя из этого, необходимо предусмотреть квалифицирующий признак для отдельных составов уголовных правонарушений, связанных с возможностями именно психологического воздействия на потерпевшего, и, соответственно, особым механизмом причинения вреда психической неприкосновенности личности, который следует сформулировать как «то же деяние, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений». По нашему мнению, данный признак должен быть, как минимум, учтен в составе доведения до самоубийства (ст. 105 УК РК), истязания (ст. 110 УК РК), угроза (ст. 115 УК РК). В данных составах уголовных правонарушений фактор психологического насилия может иметь решающее значение, поскольку особые мучения, страдания, переживания, тревоги виновный может вызвать у потерпевшего именно в случаях, когда он осведомлен об особенностях психических процессов жертвы, специфике восприятия ею тех или иных событий, процессов, реакции на те или иные вербальные конструкции и т.д.

В настоящее время казахстанскими исследователями все чаще ставится вопрос об имплементации в текст уголовного закона устоявшихся в теории и практике понятий физического и психического насилия¹⁷³. Основным аргументом в данном направлении является тот факт, что научно-технический прогресс, а также достижения науки в области возможностей воздействия на волевые процессы человеческого поведения (в частности, гипнотических практик, неосязаемых воздействий посредством излучений и т.д.) требуют формулировки функциональных правовых конструкций.

Составом, специфическим образом расширившим уголовно-правовой диапазон насильственных воздействий, является состав ст. 146 УК РК «Пытки» (ст. 141-1 в предшествующем УК РК 1997 года). Указание на причинение физических и психических страданий имелось в уголовном законе и ранее в контексте состава истязания (ст. 110 УК РК), однако интерес к данным терминологическим решениям актуализировался именно в контексте состава пыток. Казахские исследователи справедливо обращают внимание на данный вопрос, однако при определении понятий «физическое страдание» и «психическое страдание» предпочитают идти по пути перечисления возможных

¹⁷³ Токубаев З.С. Уголовная ответственность за пытки: международный и отечественный опыт // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2017. - № 4(83). - С. 16-22.

способов воздействия, которые могут эти страдания причинить. Это вполне объяснимо ввиду сложности формулировки унифицированной дефиниции соответствующих терминов. Так, З.С. Токубаев пишет, что под пыткой «следует понимать разнообразное поведение: причинение человеку в течение длительного времени физической боли (например, покалывание иглой, избиение путем нанесения ударов в область почек, шеи, между ног, выкручивание рук, применение болевых приемов, прикладывание к телу горячего утюга, лишение воды, пищи, лишение возможности свободно дышать, например, с использованием целлофанового мешка, противогаза и других предметов и т.п.)»¹⁷⁴. Как видно из приведенного автором перечня, все указанные формы воздействия имеют физический характер. Закономерно предположить, что правоприменительная практика также преимущественно идет по пути инкриминирования в качестве пыток исключительно физических форм воздействия. Соответственно, вопрос определения понятия «психические страдания» остается открытым.

Полагаем, что и в рамках физического, и в рамках психического (психологического) воздействия данная терминология требует тщательного изучения и адекватного применения при квалификации соответствующих действий. Термин «страдание» логически предполагает не любые формы воздействия на организм или психику человека, а сопряженность с особо чувствительным отношением потерпевшего к происходящему, длительным переживанием произошедшего события. В частности, к физическим страданиям может привести не только нанесение побоев, но и целый ряд других действий, обнаружить следы применения которых при производстве судебно-медицинской экспертизы часто **становится** весьма затруднительным (например, принуждение потерпевшего находиться в неудобной позе может причинить сильные физические страдания, однако не будет иметь явных признаков для судебно-медицинского эксперта). В отношении психических страданий вопрос обстоит еще сложнее как в отношении определения спектра эмоций, которые следует отнести к данной категории, так и в отношении способов установления самого события (факта) реального переживания данных негативных эмоций. Эти обстоятельства дают автору настоящего исследования основания утверждать, что при производстве по делам о пытках необходимо обязательное применение полиграфа, поскольку скрытость криминальных процессов, диаметрально противоположное восприятие происходящего в сознании виновного и потерпевшего способны привести к искажению картины произошедшего.

Таким образом, выделение двух основных форм насилия – физического и психического - к настоящему времени является устоявшимся в теории уголовного права, хотя в плане видовой характеристики насильственных форм воздействия в рамках данных двух форм единообразие теоретических концепций отсутствует. Физическое и психическое насилие являются своеобразными терминологическими константами уголовно-правовой теории,

¹⁷⁴ Там же. - С. 21.

которые, несмотря на значительное видовое разнообразие тех или иных приемов (способов) физического и психического (психологического) воздействия, способны отразить качественное отличие основных форм насильственных преступлений. При этом следует признать определенную условность терминов «физическое» и «психическое (психологическое)» насилие, которая является вполне приемлемой для потребностей уголовно-правовой теории и уголовного законодательства. В целом, данная терминологическая условность требуется для того, чтобы более последовательно разграничивать эти две принципиально отличные формы насильственного воздействия.

Поскольку видовые формы осуществления физического и психического (психологического) насилия весьма разнообразны и имеют тенденцию к дальнейшей дифференциации, определение соответствующих понятий методологически верно производить посредством акцентирования внимания на причиняемом вреде, а не на осуществляемых деяниях. В данном методологическом решении абсолютизируется избранный нами антропоцентрический подход к трактовке насилия в уголовно-правовой сфере, при котором признаки насильственного поведения должны связываться преимущественно с переживаниями и страданиями потерпевшего от насильственного воздействия, а не только с теми или иными объективированными формами насильственного поведения виновного лица

На основе проведенного анализа и сформулированных умозаключений предлагаем следующие легальные формулировки понятий «физическое насилие» и «психическое (психологическое) насилие»:

*«Физическим насилием признается умышленное причинение вреда физической неприкосновенности человека, ответственность за который предусмотрена статьями Особенной настоящей **Кодекса**».*

*«Психическим (психологическим) насилием признается умышленное причинение вреда психической неприкосновенности человека, ответственность за который предусмотрена статьями Особенной части настоящего **Кодекса**. Психологическое насилие имеет место в ситуациях, связанных с осведомленностью лица относительно специфики протекания психических процессов у потерпевшего в силу сложившихся семейно-бытовых и других отношений».*

Учитывая особый механизм психологического воздействия, связанный с потенциальной угрозой причинения наиболее болезненных психических переживаний для потерпевших, считаем целесообразным дополнить ряд составов Особенной части УК РК (ст. 105, ст. 110, ст. 115 УК РК) квалифицирующим признаком «то же деяние, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений».

Исследование физического и психического насилия в контексте сопоставления степени пенализации санкций за данные формы насильственного воздействия **выявило** ничем не обоснованные кардинальные диспропорции. В целом, учет степени общественной опасности физического и психического насилия в составах насильственных преступлений в настоящее

время осуществляется крайне неравномерно. В ряде случаев законодатель объединяет их значение в контексте равного механизма воздействия на потерпевшего при реализации преступного намерения: 1) в ст. 37 УК РК, устанавливающей параметры оценки действий лица под воздействием физического и психического принуждения, параметры учета обеих форм насилия идентичны (в отличие от ранее действовавшей нормы ст. 36 УК РК 1997 года); 2) в значительном количестве составов Особенной части УК РК физическое и психическое насилие объединяются в рамках одного конститутивного или квалифицирующего признака. Однако с другой стороны, в контексте пенализации основных составов физического и психического насилия диспропорция в уровне наказуемости соответствующих деяний нам представляется чрезмерной.

Предлагаемая нами концепция выделения группы насильственных преступлений основывается на своеобразной трактовке внеструктурного, консолидированного объекта данной группы преступных посягательств, который существует вне рамок установленной Особенной частью УК РК структуры родовых объектов преступлений. В целом, мы присоединяемся к теоретическим позициям исследователей, указывающих на тот факт, что в посягательствах против личности определение объекта уголовного правонарушения через общепринятую конструкцию общественных отношений обладает определенной степенью дефектности. Полагаем, что использование теоретической конструкции консолидированного объекта насильственных преступлений позволит добиться логической и ценностно-ориентированной криминализации и пенализации деяний, охваченных данным объектом. В частности, это позволит избежать тех диспропорций в оценке одинаковых форм физического воздействия, которые возникли в настоящее время в связи с декриминализацией менее интенсивных форм данного воздействия.

Отнесение казахстанским законодателем состава угрозы (ст. 115 УК РК) к уголовным проступкам нами расценивается как ошибочное решение, не соответствующее социальной значимости охраняемых уголовно-правовым запретом благ, а также неизбежно способствующее виктимизации населения государства по причине негативного информационного воздействия соответствующей санкции. Сравнительно-правовой анализ состава угрозы в действующих уголовных законах стран ближнего зарубежья показал, что казахстанский вариант пенализации имеет наименьшую степень репрессивности. Полагаем, что данное обстоятельство не имеет реальных криминологических и социологических оснований, в связи с чем предлагаем вернуться к первоначальному уровню пенализации санкции состава угрозы в ст. 112 УК РК 1997 года с максимальным размером наказания в виде 2-х лет лишения свободы.

1.3 Критерии установления уголовно-правового запрета в отношении насильственных преступлений и особенности текстуального оформления понятия «насилие» в УК РК

Некоторые теоретические положения, проанализированные в предыдущих теоретических блоках настоящей работы, неоднократно приводили нас к необходимости констатации того обстоятельства, что категории «насилие» и «насильственные преступления» представляют собой весьма обширный социальный и криминологический феномен, включающий в себя значительное количество частных аспектов, нередко препятствующих его комплексному уголовно-правовому и криминологическому исследованию. Так, в частности, мы сталкиваемся с различными трактовками насилия в специальных исследованиях, посвященных той или иной отдельно взятой проблеме, в рамках отдельно взятых групп или составов уголовных правонарушений. И это вполне закономерно, поскольку, как мы уже указывали, понятие «насилие», равно как и группа преступлений, в которых оно выступает в качестве конститутивного или квалифицирующего признака объективной стороны состава уголовного правонарушения, составляет явно преобладающий над остальными группами преступных посягательств сегмент уголовно-правового регулирования.

Как мы уже неоднократно обращали внимание, термин «насилие» - не прерогатива уголовно-правовой науки или других областей научного знания, что нужно всегда учитывать при оценке данного феномена. Напротив, уголовно-правовые трактовки данного понятия должны учитывать динамику восприятия насилия и насильственных форм поведения с точки зрения ментальности современного человека. В противном случае уголовно-правовые конструкции становятся «оторванными» от элементов социальной действительности. В частности, в современной общеправовой теории имеются новые изыскания относительно природы, сущности и особенностей насильственного поведения. Есть все основания констатировать определенный социальный парадокс в том, что, с одной стороны, учитывая уровень развития общества, физические формы воздействия (в особенности, насильственного) фактически можно отнести к примитивным механизмам коммуникации со знаком «минус», однако, с другой стороны, усиление конкуренции, повышение социальных притязаний, стремление к доминированию неизбежно продуцируют насильственные формы поведения. Форма насилия в данном случае будет зависеть от уровня интеллекта, нравственности и ресурсов конкретного человека. К сожалению, то, что мы назвали «примитивными» формами насильственного поведения, т.е. чисто физическое воздействие одного человека на другого, не имеет тенденцию к снижению. Напротив, в совокупности с другими, условно сказать «интеллектуальными» формами насильственного воздействия, они образуют серьезную социальную проблему, составляющую реальную угрозу общественной безопасности.

В современной теории права высказываются суждения, что «любое преступление является формой несогласия человека с окружающей его

действительностью. Согласие или несогласие определяется системой ценностных ориентаций личности, сформировавшихся не без участия окружающего общества. В итоге, насильственное поведение является крайней формой протеста лица, считающего другие формы выражения своего мнения бесполезными или неэффективными»¹⁷⁵.

В последние годы в науке вновь стал активно подниматься вопрос о специфической природе уголовно-правовых запретов, что, скорее всего, обусловлено большой динамикой вносимых в уголовное законодательство изменений и дополнений¹⁷⁶. Исследователи уголовно-правовых запретов совершенно справедливо, на наш взгляд, указывают на тот факт, что их действие не следует ограничивать исключительно вопросами регулятивного характера, но в обязательном порядке следует учитывать также более широкую категорию «уголовно-правовое воздействие», которое включает в себя также информационный, ценностно-ориентационный аспект¹⁷⁷. В контексте исследуемых нами вопросов данное утверждение означает, что уголовно-правовой запрет в отношении насильственных преступлений содержит в себе не только потенциал репрессивного воздействия на лиц, совершающих соответствующие деяния, но и несет определенный информационный сигнал всем гражданам государства относительно того, в какой мере осуществляется уголовно-правовая защита их физической и психической неприкосновенности.

Закономерно предположить, что процесс криминализации насильственных форм поведения, представляющих, по мнению законодателя, наибольшую степень общественной опасности, фактически является формально-юридическим закреплением объективно существующих в обществе разновидностей насильственного поведения. К сожалению, в современной науке исследований, посвященных критериям, объему, эффективности криминализации, явно недостаточно, в силу чего нередко имеют место как недостатки объема криминализации, так и, напротив, избыточность данного процесса, равно как и непоследовательность, дискретность производимых включений и изъятий из уголовного закона. Вопросы уголовной политики в настоящее время относятся к сфере повышенного внимания современных казахстанских исследователей в области уголовного права. Объясняется это тем обстоятельством, что уголовное законодательство претерпело кардинальные изменения и фактически представляет собой новую форму реализации государственной уголовной политики. Тем не менее, во внушительном ряду принципов современной уголовной политики в числе первых исследователи по-прежнему называют социальную обусловленность. Совершенно справедливо утверждение, что «обоснованность криминализации общественно опасных деяний предполагает глубокое изучение объективных общественных процессов

¹⁷⁵ Мартыненко Б.К. Основные тезисы универсально-синтетической теории насилия // Общество и право. – 2009. - № 2(24). - С. 14.

¹⁷⁶ Маркунцов С.А. О понимании уголовно-правового запрета в современной криминологии // Российская юстиция. - 2012. - № 11. - С. 25.

¹⁷⁷ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. - СПб., 2004. - С. 33-35.

- позитивных и негативных, определяющих как саму необходимость в уголовном законодательстве, так и его конкретное содержание. Главный научный вопрос, который требуется решить применительно к законодательной криминализации, - это определение социально-экономических, социально-психологических, системно-правовых оснований для признания (или непризнания) деяния преступным и наказуемым»¹⁷⁸.

Полагаем, что криминализацию (декриминализацию) следует признать объективацией воли законодателя, ставшей результатом длительного процесса восприятия и исследования социальных процессов в их негативном (позитивном) ключе, заключительным этапом которого и является соответствующее законодательное решение. Именно этот процесс осмысленного восприятия социальной динамики, а также потребность общества в уголовно-правовом запрете тех деяний, которые уже фактически проникли («просочились») в уголовно-правовую сферу, мы уже предложили назвать процессом инфильтрации в уголовно-правовую сферу, на основе которого и происходит (по крайней мере, должен происходить) последующий процесс криминализации. Декриминализацию же, на наш взгляд, следует трактовать не столько как констатацию утраты общественной опасности того или иного деяния, сколько как процесс инфильтрации противоположных, позитивных социальных изменений, результат которых и приводит к необходимости декриминализации. Так, например, более логичным будет утверждение, что существенная либерализация уголовной ответственности за уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности произошла не столько потому, что они утратили общественную опасность, сколько, наоборот, утрата общественной опасности произошла вследствие оздоровления экономической системы государства. А это фактически и есть инфильтрация соответствующих позитивных изменений в уголовно-правовую сферу.

Термин «инфильтрация» в правовой сфере преимущественно используется при характеристике процессов включения («просачивания») в нормы национального законодательства понятий, терминов и положений международного права либо норм законодательства зарубежных стран¹⁷⁹. В целом, данное положение вполне объяснимо, поскольку одни правовые нормы «просачиваются» в другую правовую систему. Вышеприведенные рассуждения касаются несколько иных ситуаций, когда происходит инфильтрация социальных процессов в правовую сферу. Мы полагаем, что подобная интерпретация термина «инфильтрация» вполне приемлема, поскольку он используется во многих науках и отраслях (медицине, технических науках, социологии и т.д.) и в контексте каждой сферы применения обладает собственным содержательным наполнением.

Для чего нужен данный термин? На первый взгляд он выглядит несколько искусственным, надуманным. Однако исследование современной

¹⁷⁸ Джайнакова А.А. О задачах уголовной политики Республики Казахстан на современном этапе // Вестник Казахско-Русского Международного Университета. – 2016. - № 2(15). - С. 85-90.

¹⁷⁹ Мельниченко Т.А. «Правовая инфильтрация» как правовая категория // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2007. - № 5 (73). Спецвыпуск. Юр.институт. - С. 26-28.

правовой литературы на предмет анализа процессов криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации) продемонстрировал тот факт, что многие исследователи усматривают в настоящее время отступление от научно обоснованных критериев криминализации и декриминализации, что, по их мнению, приводит к системным правотворческим ошибкам. Как указывал профессор Н.И. Загородников, «криминализация и декриминализация общественно опасных деяний как составная часть уголовной политики означает... определение присущими ей средствами круга деяний, которые могут и должны быть признаны преступлениями или исключены из их числа»¹⁸⁰. По мнению Н.А. Лопашенко, практически единственным основанием для декриминализации деяния может являться только его первичная ошибочная криминализация или существенные, кардинальные изменения в социально-экономической, политической, культурно-идеологической сферах жизнедеятельности общества¹⁸¹. К какому из данных оснований следует отнести декриминализацию в УК РК побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью? Данные нормы долгое время существовали в тексте уголовного закона и считались традиционными, что же касается кардинальных изменений в социальной сфере, то в данном контексте и вовсе отсутствуют какие-либо объективные основания. Напротив, научные публикации, информационные ленты СМИ в постоянном режиме напоминают гражданам о том факте, что насильственная преступность не только не снижается, но приобретает все новые опасные формы, в том числе и в контексте случаев незначительных по интенсивности видов насильственного поведения (в частности, все в той же сфере семейно-бытового насилия). Как указывает известный российский исследователь М.А. Кауфман, анализируя аналогичные законодательные инициативы российского законодателя, «вывод напрашивается сам собой: основанием для этой «точечной» декриминализации является значительная распространенность этих преступлений и, как следствие, увеличение числа случаев осуждения за них. Прозрачны и ее цели: разгрузить судебную систему и снизить показатели преступности. Но снизить показатели и снизить преступность - далеко не одно и то же... Замена уголовной ответственности на административную (что и предполагается в данном случае) означает, что законодатель полагает возможным и необходимым реагировать на подобные факты проявления негативного девиантного поведения мерами, не связанными с уголовным наказанием. Однако мотивация такого решения представляется весьма неубедительной»¹⁸².

Таким образом, процесс криминализации (декриминализации) должен представлять собой не просто формально-юридический механизм, но обусловленную наиболее значимыми социальными факторами деятельность по определению круга деяний, в отношении которых граждане государства

¹⁸⁰ Загородников Н.И. Советская уголовная политика. - М., 1979. - С. 57.

¹⁸¹ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. - СПб., 2004. - С. 307.

¹⁸² Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. – 2016. - № 9 . – С. 97.

получают юридически значимую информацию: данное конкретное благо находится под охраной государства. Как совершенно справедливо указывают исследователи, «установление запрета должно соответствовать содержанию запрещаемого деяния, отвечать потребностям общества именно в уголовно-правовой охране. Так, общество получает четкое представление о запрещаемом деянии, о реальности угрозы обществу в целом и конкретному человеку в частности... В конечном счете будет определена ценность криминализации и ее востребованность обществом»¹⁸³.

Необходимо также обратить внимание, что критические замечания исследователей в отношении законотворческой деятельности активизировались именно в последние несколько лет, что, очевидно, связано с повышенным динамизмом законодательства. Именно для этих целей мы предложили расценивать инфильтрацию социальных процессов в уголовно-правовую сферу как определенный объективно существующий процесс, который должен иметь место и оцениваться до процесса криминализации или декриминализации. Так, в частности, есть ли основания говорить о том, что ситуация с менее тяжкими видами насильственного воздействия на личность в настоящее время стабилизировалась до такого положения, когда уголовно-правовой запрет становится излишним? Если ответ на данный вопрос отрицательный (а мы полагаем, что он отрицательный), то, соответственно, оснований для декриминализации данного деяния не было ни в период действия УК РК 1997 года, ни в настоящее время.

В первоначальную редакцию Уголовного кодекса РК от 16 июля 1997 года были включены ст. 105 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст. 106 «Побои». В течение непродолжительного периода времени декриминализации и переводу в разряд административных правонарушений была подвергнута ст. 106 «Побои»¹⁸⁴, впоследствии была декриминализована и ст. 105 УК РК 1997 года¹⁸⁵. В дальнейшем соответствующие составы уголовных правонарушений были реконструированы в УК РК от 3 июля 2014 года соответственно в ст.ст. 108, 109 УК РК. На третью годовщину принятия УК РК 2014 г. данные статьи были вновь декриминализованы Законом РК от 3 июля 2017 г. № 84-IV¹⁸⁶. Такие дискретные изменения уголовного закона наглядно демонстрируют, что процесс криминализации (декриминализации) утратил реальную методологическую основу. При этом следует отметить, что современная законодательная практика идет по пути констатации

¹⁸³ Кузнецов А.П. Криминализация-декриминализация, пенализация - депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. - № 1 (35). – С. 16.

¹⁸⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан и Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях по вопросам упрощения процедур расследования уголовных дел, декриминализации некоторых составов преступлений и совершенствования законодательства об административных правонарушениях: Закон РК от 9 декабря 2004 г. № 10-III.

¹⁸⁵ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и усиления гарантий законности в уголовном процессе: Закон РК от 18 января 2011 года № 393-IV.

¹⁸⁶ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной системы: Закон РК от 3 июля 2017 г. № 84-IV.

производимых изменений и дополнений, указанных в соответствующем нормативно-правовом акте, без обоснования причин подобных изменений. Аргументация соответствующих решений законодателя может быть выявлена исключительно посредством изучения официальных комментариев, даваемых разработчиками законопроектов, должностными лицами либо представителями юридического сообщества.

Итак, почему же составы побоев и причинения легкого вреда здоровью были реконструированы в УК РК 2014 года? Повторная криминализация данных деяний была произведена по причине глубокого, концептуального изменения казахстанского уголовного законодательства посредством расширения сферы уголовно-правового реагирования на посягательства, подпадающие под признаки понятия «уголовный проступок» и практически совпала по времени с внедрением принципа «нулевой терпимости» к правонарушениям, впервые озвученным Первым Президентом РК Н.А. Назарбаевым в Послании «Стратегия «Казахстан-2050»: **новый политический курс состоявшегося государства**»¹⁸⁷. Политика «нулевой терпимости» (или «нулевой толерантности») была апробирована в штате Нью-Джерси США в 70-х – 80-х гг. XX века и была основана на акте о безопасности соседей (Safe and Clean Neighborhoods Act) и «теории разбитых окон» Джеймса К. Уилсона и Джорджа Л. Келлинга. Современные казахстанские исследователи уже ставят вопрос и об эффективности политики «нулевой терпимости»¹⁸⁸, и о погрешностях понятия «уголовный проступок»¹⁸⁹. В рамках настоящего исследования мы не планируем обсуждать данные вопросы, однако укажем на еще один аргумент в пользу использования понятия «инфильтрация». Когда изменения в законодательстве, правоприменительной практике происходят без органичного учета динамики социальных процессов, без констатации произошедшей инфильтрации, то любое изменение рискует столкнуться со значительными проблемами реализации уже на первоначальных этапах.

Так, в частности, произошедшая в 2017 году декриминализация побоев и причинения легкого вреда здоровью сопровождалась комментариями как специалистов в сфере юриспруденции, так и представителей гражданского общества, чья деятельность связана с профилактикой бытового насилия и нейтрализацией его последствий (именно бытовая сфера является основной в контексте причинения побоев и легкого вреда здоровью). Среди прочего указывалось на упрощение процедуры доказывания для потерпевших, на более высокую степень гарантированности того, что правонарушитель будет на время изолирован от жертвы, и т.д.¹⁹⁰. В целом же, отрицать более существенный

¹⁸⁷ Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства: Послание Президента Республики Казахстан-Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 14 декабря 2012 г. // Казахстанская правда. – 2012. – 15 декабря.

¹⁸⁸ Амиров А.М. Реализация принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям в Республике Казахстан // Молодой ученый. - № 21 (155). – Май, 2017. - С. 282-288.

¹⁸⁹ Апенев С.М. Особенности уголовного проступка по уголовному законодательству Республики Казахстан (в сравнении с зарубежной законодательной практикой) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Юриспруденция». – 2017. - № 4 (50). - С. 51-57.

¹⁹⁰ В Казахстане декриминализовали бытовое насилие. Как теперь будут наказывать мужей-тиранов // Новости Информбюро. 18.07.2017 г. // <https://informburo.kz/stati/v-kazahstane-dekriminalizovali-bytovoe-nasilie-kak-teper->

превентивный потенциал уголовной ответственности, по сравнению с административной, все-таки не приходится. Кроме того, сводить вопросы реагирования на насильственное поведение исключительно к утилитарным целям наиболее оптимального воздействия на правонарушителя также недопустимо. В частности, совместные исследования юристов и психологов в качестве результатов имеют утверждения о том, что отказ от уголовной ответственности за побои может привести к росту безнаказанности и, в конечном итоге, к нежелательной эскалации насилия¹⁹¹. Следует, среди прочего, отметить, что, в частности, российскими исследователями вопросов бытового насилия включение побоев в уголовный закон РК в 2014 году **рассматривалось** как мера, направленная на усиление защиты лиц, пострадавших от бытового насилия¹⁹².

Подтверждением того факта, что вопросы криминализации (декриминализации) таких форм насильственного воздействия, как побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью, относятся в настоящее время к одним из наиболее спорных аспектов уголовно-правовой теории, является совершенно разнородная законодательная практика стран ближнего зарубежья в отношении установления уголовно-правового запрета за соответствующие деяния. Так, в частности, в УК РФ до настоящего времени используется уголовно-правовая конструкция ответственности за умышленное причинение легкого вреда здоровью, в отношении же побоев (ст. 116 УК РФ) ответственность устанавливается только в **отношении** квалифицированных видов деяния (совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы). Кроме того, в УК РФ в 2016 году была включена ст. 116-1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному взысканию» (норма с административной преюдицией).

В Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 года побои не были включены в качестве самостоятельного состава преступления изначально, а ответственность за умышленное легкое телесное повреждение наступает по правилам административной преюдиции (то есть после применения мер административного воздействия). В УК Республики Беларусь предусматривается только состав умышленного причинения легкого телесного повреждения (ст. 153). В действующей редакции УК Украины в рамках исследуемого вопроса можно выделить целых три состава преступления: умышленное легкое телесное повреждение (ст. 125), побои и истязание (ст. 126 – в первой части предусматривается ответственность за побои, а во второй – за истязания) и домашнее насилие (ст. 126-1), в составе

budut-nakazyvat-muzhey-tiranov.html (дата обращения: 28.09.2018 г.)

¹⁹¹ Жилина Н.Ю., Савельева И.В., Терещенко В.И. Декриминализация побоев «за» и «против» // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. - № 5. - С. 128-130.

¹⁹² Потетин В.А., Лебедева А.В. Ответственность за нанесение семейных побоев в российском и зарубежном законодательстве: историко-правовой и сравнительный анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2018. - № 2. - С. 30-35.

которого в качестве последствий указываются физические или психические страдания, расстройство здоровья, утрата трудоспособности, эмоциональная зависимость или ухудшение качества жизни потерпевшего.

Аналогичный вариант регламентации имеется и в УК Грузии: отдельно выделяется уголовная ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 120), побои (ст. 125), насилие (ст. 126), которое фактически по объективным признакам аналогично составу истязания, а также ст. 126-1, включенная в 2012 году, - «насилие в семье», которое трактуется как «насилие одного члена семьи по отношению к другим членам семьи, систематические оскорбления, шантаж, унижения, повлекшие физическую боль или страдания». В УК Таджикистана имеются и состав умышленного причинения легкого вреда здоровью, и состав побоев, а в УК Армении ответственность за побои (ст. 132) была исключена.

Как и в отношении состава угрозы (сравнительно-правовой анализ был приведен нами ранее), законодательная практика указанных стран ближнего зарубежья в отношении составов умышленного легкого вреда здоровью и побоев обнаруживает значительную диспропорцию, в отличие от более интенсивных видов насильственного воздействия, в контексте которых можно отметить более или менее единообразные законодательные подходы. В данном случае мы также подтвердим свою позицию относительно того факта, что именно в отношении криминализации (декриминализации) такого рода деяний требуется наиболее серьезное социологическое сопровождение.

Что касается регламентации менее опасных форм насилия в странах дальнего зарубежья, то, в первую очередь, следует учитывать тот факт, что во многих странах, несмотря на то, что в настоящее время отмечается тенденция к более четкому разграничению уголовного и административного права¹⁹³, все-таки традиционно «линия размежевания» не так очевидна и принципиальна, как в странах постсоветского пространства, где уголовно-правовая и административная юрисдикция всегда четко, принципиально разделялись. В США, к примеру, побои преимущественно наказываются в административном порядке. Вместе с тем, существуют определенные обстоятельства, при которых нанесение побоев будет расцениваться как преступное: побои, связанные с сексуальным насилием, нанесенные при использовании оружия; нанесенные должностным лицам, сотрудникам правоохранительных органов или общественных служб; побои, нанесенные членам семьи, инвалидам и т.д.; побои, предполагающие наступление последствий в виде вреда здоровью различной степени тяжести¹⁹⁴. Страны Европы преимущественно также демонстрируют административную юрисдикцию в отношении побоев, однако, имеется общая тенденция повышенной ответственности за нанесение побоев детям. В частности, исследователи вопроса указывают, что во Франции ответственность за нанесение побоев детям может повлечь наказание до 20 лет

¹⁹³ Векленко В.В. Уголовное право. – М., 2018. - С. 312.

¹⁹⁴ Сабанин С.Н., Крюков К.Г. Декриминализация побоев: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2016. - № 2 (36). - С. 165.

тюремного заключения¹⁹⁵.

Чрезмерное увлечение формально-юридическим аспектом в контексте определения любых форм преступного поведения, в особенности насильственных преступлений, способно привести к тому, что действующие правовые предписания не будут выполнять необходимую регулятивную функцию в необходимом объеме. Всегда следует учитывать, что все виды деструктивных социальных взаимодействий, оказавшиеся включенными в сферу уголовно-правового воздействия, существовали и существуют не по причине того, что закреплены в тексте уголовного закона. Напротив, фактически произошел процесс инфильтрации данных явлений в уголовно-правовое поле, получивший свое объективированное выражение в процедуре криминализации соответствующих деяний. В частности, насильственные формы поведения в обществе существуют не в той формально-определенной юридической форме, в которой они определены текстом уголовного закона, а, напротив, те или иные формы насильственного поведения на основе определенных критериев (тяжесть вреда здоровью, особая общественно опасная форма поведения, распространенность соответствующей формы насилия и т.д.) находят определенное отражение в нормах уголовного закона и, с учетом пропорциональной пенализации соответствующего деяния, формулируется санкция уголовно-правовой нормы. Фактически можно вести речь о том, что имманентное человеческому обществу явление насилия (как по отношению к другим людям, так и по отношению к животным либо даже по отношению к самому себе) фактически трансформируется в социальное понятие, определенная часть которого включается в сферу уголовно-правового регулирования посредством того, что мы назвали понятием «инфильтрация». И только при условии учета данного весьма сложного процесса криминализация (декриминализация) может быть произведена в научно обоснованной и социально обусловленной плоскости.

В целом, если говорить о насильственных формах воздействия на личность, то, учитывая тот факт, что в данном случае возникает необходимость защиты естественных прав человека, существенных различий в вопросах концепции карательного воздействия в законодательной практике различных государств, казалось бы, быть не должно. Вряд ли в этой ситуации могут иметь решающее значение отличия в политическом или социально-экономическом устройстве того или иного государства.

Мы не отрицаем того факта, что в качестве временной социально-правовой меры возможны решения организационно-правового характера в целях защиты жертв побоев и причинения легкого вреда здоровью, однако концептуально должен быть решен вопрос о том, насколько степень насильственной мотивации при нанесении побоев либо легкого вреда здоровью сама по себе является достаточной для криминализации соответствующего деяния, а также в какой форме криминализация может быть эффективной.

¹⁹⁵ Кошелев Н.Н. Ответственность за побои и истязание в современном отечественном и зарубежном уголовном законодательстве // Вестник международного института управления. - 2016. - № 5-6 (141-142). - С. 12-23.

Данный вопрос особенно остро встает в контексте уголовного законодательства РК, поскольку в настоящее время наблюдается серьезный диссонанс в вопросах криминализации. Так, в частности, в УК РК 2014 г. в связи с криминализацией значительной части проступков была, наряду со многими другими, включена норма о мелком хищении чужого имущества (ст. 187 УК РК). Фактически уголовная ответственность наступает при совершении хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения или растраты чужого имущества, если причиняется имущественный ущерб в размере 2 МРП и более. Таким образом, можно констатировать заметную диспропорцию: имущественные интересы даже в пределах незначительной суммы в размере 2 МРП защищаются уголовным законом, а физическое благополучие лица, потерпевшего от побоев или причинения легкого вреда здоровью, теперь индифферентно уголовному праву.

Очевидно, что недостает какого-то необходимого правового звена, которое позволило бы конъюктурно, в рамках существующих условий правоприменительной практики защитить жертву в каждом конкретном случае, но и не исключило бы факт признания общественной опасности подобного деяния. Одним из более или менее приемлемых решений, в частности, можно признать решение российского законодателя о привлечении к уголовной ответственности при повторном нанесении побоев (ст. 116-1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному взысканию»). Однако от института административной преюдиции казахстанский законодатель отказался в 2014 г. с изданием нового УК. Таким образом, норма об административной преюдиции просуществовала чуть более 3-х лет (она была включена в УК РК 1997 г. Законом РК от 18.01. 2011 г. № 393-IV). Мы, со своей стороны, полагаем, что потенциал административной преюдиции не был в достаточной степени оценен в казахстанской правоприменительной практике. Данная «преюдициальная» конструкция уголовной ответственности была предусмотрена в отношении 7 составов преступлений, среди которых, как минимум, половина весьма редко **применялась** на практике (например, ст. 140 «Уклонение от содержания нетрудоспособного супруга (супруги), ст. 150-1 «Воспрепятствование законной деятельности представителей работников», ст. 198 «Заведомо ложная реклама»).

Следует отметить, что в период формирования самостоятельных уголовных законодательств стран СНГ после распада СССР высказывались мнения относительно нецелесообразности сохранения института административной преюдиции. Так, в частности, А.Н. Тарбагаев указывал на следующие обстоятельства: «можно ли утверждать, что административный проступок, совершенный повторно, после наложения взыскания за такое же нарушение, действительно становится преступлением? На этот вопрос, безусловно, следует ответить отрицательно. Повторное административное правонарушение не может образовывать новое качество, т. е. менять характер и степень общественной опасности. Это прямо следует и из текста закона, где сказано, что повторный проступок должен быть идентичен по своей природе тому, за который ранее применялись меры административного взыскания.

Основанием уголовной ответственности может быть только преступление».¹⁹⁶ Противником института административной преюдиции явился и известный деятель казахстанской науки И.Ш. Борчашвили, который накануне принятия нового уголовного закона предлагал отказаться от института административной преюдиции, поскольку, по его мнению, никакое количество административных правонарушений не может приобрести качество уголовно наказуемого деяния¹⁹⁷.

Вместе с тем, во-первых, законодательная практика РК показала, что административные деликты могут быть «некритично» переведены в сферу уголовно-правовой юрисдикции (посредством конструирования значительного количества уголовных проступков), а во-вторых, в значительном количестве стран ближнего зарубежья институт административной преюдиции продолжал применяться с начала функционирования самостоятельных уголовных кодексов либо был реконструирован.

Так, в частности, в настоящее время административная преюдиция применяется в УК России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Грузии, Беларуси, причем в УК Республики Беларусь включена не только административная, но и дисциплинарная преюдиция. В странах дальнего зарубежья институт административной преюдиции, за редкими частными исключениями (например, ст. 314 УК Испании, предусматривающей привлечение к уголовной ответственности за дискриминацию работника после наложения административной санкции), отсутствует преимущественно по причине ранее отмеченного нами недостаточно четкого разграничения уголовной и административной юрисдикции. Наиболее активное применение административной преюдиции в странах ближнего зарубежья демонстрирует законодатель Узбекистана (29 составов преступлений) и Беларуси (36 составов преступлений), причем исследователи весьма положительно оценивают данную практику¹⁹⁸.

Мы, со своей стороны, полагаем, что возобновление научных изысканий на предмет использования института административной преюдиции (в особенности, в контексте исследуемых нами видов менее тяжких насильственных посягательств) явилось бы вполне обоснованным решением. Следует признать, что потенциал административно-правового воздействия является все-таки ограниченным. Кроме того, аргументы относительно того, что повторное совершение административного деликта не может стать основанием для уголовной ответственности, на наш взгляд, недостаточно **убедительны**, поскольку и сам уголовный закон нередко связывает параметры уголовной ответственности с повторностью и даже систематичностью тех или иных действий (например, в составе истязания).

¹⁹⁶ Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. - 1992. - № 2. - С. 65.

¹⁹⁷ Борчашвили И.Ш. Идентичность повторного проступка // http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31098784 (дата обращения 12.10.2018).

¹⁹⁸ Антонова Т.Л. Административная преюдиция в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Международный научный журнал «Символ науки». – 2018. - № 3. – С. 60-63.

Традиционно понимается, что квалификация деяния в качестве уголовно наказуемого, в первую очередь, происходит по основаниям так называемого «субъективного вменения». Это не умаляет значения объективных параметров характеристики соответствующих посягательств, но выдвигает на первый план направленность умысла и мотивацию лица, совершившего соответствующее деяние. Вместе с тем, и в современной уголовно-правовой науке имеются безоговорочные суждения относительно того, что степень общественной опасности при нескольких насильственных действиях выше, чем при совершении одного (в контексте побоев)¹⁹⁹. Как мы полагаем, наша постановка вопроса относительно оценки степени инфильтрации социальных процессов в уголовно-правовую сферу позволит решить весьма важный вопрос: является ли для казахстанского общества любая степень физического насилия настолько опасной, чтобы быть включенной в сферу уголовно-правового регулирования?

Именно ответ на данный вопрос, а не сиюминутное решение проблем оптимизации правоприменительной практики, повышения регистрируемости соответствующих правонарушений и т.д. следует признать единственно методологически верным. Безусловно, здесь не обойтись только правовыми изысканиями, а необходимо привлечение специалистов в сфере психологии, социологии, культурологии и **других** наук социального цикла. Мы полагаем, что декриминализация составов умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев была произведена преждевременно, без достаточного социологического обоснования, исключительно руководствуясь потребностями правоприменительной практики по облегчению реагирования на частные случаи бытового насилия.

Вопросы инфильтрации насильственного поведения в уголовно-правовую сферу, безусловно, включают не только аспект физических форм воздействия, но и психические (психологические) варианты насилия. Вариативность психического воздействия также достаточно велика. В частности, современные авторы выделяют такой вид психического воздействия, как stalking (т.е. преследование, принуждение к контакту), который предлагают определять в уголовном законе как «умышленное неоднократное открытое преследование другого человека с целью понуждения к постоянному контакту лично и (или) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет»²⁰⁰. Таким образом, произведена констатация определенной новой формы насильственного поведения (преимущественно, отталкиваясь от зарубежной практики), и сразу производится предложение осуществить криминализацию в отечественное уголовное законодательство. Однако исходя из аргументации, последовательно выстраиваемой нами по ходу всего теоретического исследования, сначала должен произойти органичный процесс инфильтрации в уголовно-правовую сферу, который будет означать готовность и общества, и правоприменительной практики к соответствующим изменениям. В противном случае сконструированная норма окажется аморфной,

¹⁹⁹ Эргашева З.Э. К вопросу о декриминализации побоев // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2016. - № 3 (25). - С. 133.

²⁰⁰ Мясникова А.М., Цуканова Е.Г. Криминализация stalking // Виктимология. - 2016. - № 3(9). - С. 53-56.

нежизнеспособной, лишенной практической реализации.

Теперь от теоретических размышлений относительно социальной обусловленности уголовно-правовых запретов перейдем непосредственно к оценке текстуального «сопровождения» насильственных форм поведения в действующем уголовном законе Казахстана, то есть тех уголовно-правовых конструкций, в отношении которых криминализация уже состоялась.

Как мы уже неоднократно указывали, при расширительном толковании насилия как агрессивного воздействия на людей, общественные и политические процессы, экономические и иные отношения к насилию можно отнести любые формы воздействия на свободу волеизъявления. Иными словами, в случае расширительного толкования насилия к нему можно отнести и такие формы воздействия как «принуждение» (например, ст. 116, 157, 164, 248 УК РК), «понуждение» (ст. 123 УК РК), «вторжение» (ст. 149 УК РК), «склонение» (ст. 299 УК РК) и т.д. Мы же являемся сторонником исследования насильственной преступности в «чистом» виде, т.е. исключительно в формате четко определенных форм физического или психического (психологического) воздействия, а не в контексте всех форм уголовно наказуемого поведения с элементами насильственного (принуждающего, ограничивающего) воздействия.

Насилие в различных его формах и различных степенях интенсивности проявления находит свое текстуальное отражение в большом количестве статей Уголовного кодекса Республики Казахстан. Вместе с тем, тотальный анализ текстуальных конструкций, включающих насилие как конститутивный признак состава уголовного правонарушения, способа совершения того или иного уголовно наказуемого посягательства, а также в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака конкретного состава, показывает, что приемы законодательной техники в их формулировке оставляют желать лучшего. Во-первых, имеют место случаи недостаточно точного определения наиболее часто употребляемых в тексте уголовного закона форм насилия. Во-вторых, нередко встречаются ситуации разнородного текстуального оформления и даже конструирования аналогичных признаков составов уголовных правонарушений, сопряженных с насильственными формами совершения соответствующих деяний, а также некоторые иные погрешности.

Не отличается единообразием и упоминание о насилии и его уголовно-правовом значении в нормах Общей части УК РК. В частности, статья 3 УК РК, включающая разъяснение основных понятий, используемых в уголовном законе, содержит лишь несколько дефиниций, непосредственно относящихся к насильственным формам посягательств. Это, в первую очередь, градация тяжести вреда здоровью на тяжкий, средней тяжести и легкий (соответственно, **пп. 11, 12, 13** ст. 3 УК РК). Также применение насилия или угрозы его применения содержится в дефиниции понятия «эксплуатация» (**п. 1** ст. 3 УК РК). На этом дефинитивный ряд, определяющий различные формы психического и физического насилия, в ст. 3 УК РК исчерпывается.

Наиболее распространенным в тексте уголовного закона упоминанием насилия является его классификация на «насилие, не опасное для жизни или

здоровья» и «насилие, опасное для жизни или здоровья». Наряду с градацией данных форм интенсивности и, соответственно, общественной опасности насилия имеется текстуальная формулировка «с применением насилия». Кроме того, достаточно часто имеет место упоминание об «угрозе применения такого насилия». Причем в отдельных случаях угроза применения соответствующей формы насилия указывается (или не указывается) законодателем, как нам представляется, в несколько произвольной форме.

Что касается других случаев упоминания о насилии в нормах Общей части УК РК, то к ним следует отнести следующие: 1) санкционированное государством насилие в случае причинения вреда посягающему в ситуации необходимой обороны (ст. 32 УК РК), а также при задержании лица, совершившего уголовно наказуемое деяние (ст. 33 УК РК); 2) насилие как обстоятельство, исключающее правомерность деяния – угроза жизни или здоровью человека при осуществлении оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий (ст. 35 УК РК), а также в ситуации обоснованного риска (ст. 36 УК РК); 3) ужесточение уголовной ответственности и наказания при определенном насильственном поведении (пп. 9, 10 ч. 1 ст. 54 УК РК); 4) исключение возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания при совершении отдельных тяжких (в том числе насильственных) посягательств (ч. 2 ст. 65 УК РК, ч. 1 ст. 69 УК РК); 5) особенности реализации уголовной ответственности при совершении отдельных тяжких (в том числе насильственных) посягательств (ч. 6 ст. 71 УК РК, ч. 1 ст. 74 УК РК, ч. 5 ст. 77 УК РК, ч. 7 ст. 81 УК РК). Одной из последних новелл, связанных с учетом насилия при реализации уголовной ответственности, явилась постановка вопроса о назначении места отбывания наказания за совершение отдельных групп уголовных правонарушений (в сфере информатизации и связи, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, медицинских и экологических уголовных правонарушений) в зависимости от того, были ли они сопряжены с применением насилия или нет. В случае, когда имела место ненасильственная форма совершения данных деяний, лицо осуждается к отбыванию наказания в учреждении уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности²⁰¹. Данное нововведение представляется нам обоснованным, учитывая специфику указанных групп уголовных правонарушений и, соответственно, криминологических параметров характеристики лиц, их совершивших.

Остановимся на наиболее распространенных в уголовном законе текстуальных формулировках случаев применения насилия, легальное определение которых до настоящего времени отсутствует. Наиболее распространенной является конструкция «с применением насилия или угрозой его применения» либо, несколько реже, «с применением насилия». Такого рода формулировки используются в основных и квалифицированных составах в 27

²⁰¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов: Закон РК от 12 июля 2018 года № 180-VI.

статьях Особенной части УК РК. Несколько реже употребляется конструкция «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья», она включена в 13 статей Особенной части УК РК в качестве признака основного или квалифицирующего состава (п. 3 ч. 2 ст. 125, п. 3 ч. 2 ст. 126, п. 3 ч. 2 ст. 128, ч. 1 ст. 192, ч. 4 ст. 200, п. 3 ч. 2 ст. 261, п. 3 ч. 2 ст. 270, п. 1 ч. 3 ст. 284, п. 2 ч. 4 ст. 291, п. 3 ч. 3 ст. 298, ч. 4 ст. 409, ч. 4 ст. 422, п. 2 ч. 2 ст. 426, ч. 3 ст. 429 УК РК). Что касается конструкции «насилие, не опасное для жизни или здоровья», то она упоминается в качестве основного или квалифицирующего признака в 8-ми статьях УК РК (п. 1 ч. 2 ст. 191, п. 3 ч. 2 ст. 200, п. 4 ч. 2 ст. 284, п. 3 ч. 3 ст. 291, п. 4 ч. 2 ст. 298, ч. 3 ст. 409, ч. 3 ст. 422, ч. 2 ст. 429 УК РК). Следует отметить, что в большинстве случаев градация интенсивности насилия имеет значение для квалификации содеянного в качестве более тяжкого вида посягательства, что, соответственно, требует четкой трактовки понятия соответствующего насилия.

Возникает вопрос: почему законодатель, учитывая такой распространенный характер употребления терминов «насилие», «насилие, опасное для жизни или здоровья» и «насилие, не опасное для жизни или здоровья» не дает легального разъяснения данным понятиям?

Следует отметить, что трактовка данных понятий не содержится и в Правилах организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы, утвержденных **приказом** Министра юстиции РК от 27 апреля 2017 года № 484. Так, параграфы 55-57 указанных Правил регламентируют вопросы производства судебно-медицинской экспертизы и оценки тяжести вреда здоровью²⁰². Вместе с тем, в данных **Правилах** также нет четкого указания, что понимать под насилием вообще и делением насилия по степени интенсивности и опасности для жизни или здоровья. Данное обстоятельство объяснимо с той точки зрения, что трактовка интенсивности насилия на основе экспертного заключения (относительно тяжести причиненного вреда здоровью) дает основание для принятия соответствующего квалификационного заключения в досудебной и судебной стадиях уголовного производства.

Частный случай трактовки интенсивности насилия, который принято брать за основу в судебно-следственной практике, содержится в действующем Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 года № 8 «О судебной практике по делам о хищениях». Согласно данному постановлению, под насилием, опасным для жизни и здоровья, следует понимать причинение вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, приспособленных для причинения вреда здоровью, а также иное насилие, повлекшее причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Далее указывается, что легкий вред здоровью также может быть признан опасным для жизни или здоровья, если он причинен в условиях, опасных для жизни или здоровья потерпевшего

²⁰² Об утверждении Правил организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы: приказ Министра юстиции РК от 27 апреля 2017 года № 484 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 11 июля 2018 года).

(например, нанесение множественных ударов ногами или руками по жизненно важным частям тела и т.п.) и для выздоровления которого требовалось амбулаторное или стационарное лечение²⁰³.

Разъяснение высшей судебной инстанции, безусловно, можно взять за основу при определении интенсивности насильственного воздействия. Вместе с тем, данная трактовка является все-таки ситуационной, поскольку связана с разъяснением правил квалификации насильственных форм хищений, и необходимо помнить, что аналогия уголовного закона является недопустимой (ст. 4 УК РК).

Также следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на декриминализацию составов умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев (соответственно, ст. 108 и ст. 109 УК РК), в п. 13 ст. 3 УК РК сохранено определение легкого вреда здоровью. В целом, это обоснованно, поскольку указание на причинение легкого вреда здоровью сохранено в двух статьях Особенной части УК РК – ст. 439 «Насильственные действия в отношении начальника» и ст. 440 «Нарушение уставных правил обращения между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности». Однако возникает другой вопрос: по каким причинам в данном случае законодатель не дал определения побоям, также упоминаемым в тексте уголовного закона?

Возвращаясь к исследуемому аспекту, касающемуся разграничения насилия на опасное и не опасное для жизни или здоровья, считаем необходимым указать на целесообразность четкого определения данных понятий в ст. 3 УК РК наряду с градацией вреда здоровью на тяжкий, средней тяжести и легкий. При этом легкий вред здоровью в определении, даваемом в п. 13 ст. 3 УК РК, должен быть классифицирован на опасный и не опасный для жизни или здоровья.

Что касается наиболее часто употребляемой в уголовном законе формулировки «с применением насилия», то в данном случае также возникает целый ряд вопросов. Опять же, в силу отсутствия легального определения насилия в тексте уголовного закона имеет место спорная ситуация относительно трактовки данного понятия. Следует ли понимать под насилием в данном случае любые формы воздействия на потерпевшего, включая все категории тяжести вреда здоровью? Включает ли данный термин также и психическое насилие? Если следует в него включать психическое насилие, то каким образом тогда трактовать чаще употребляемую конструкцию «с применением насилия или угрозой его применения»? С одной стороны, согласно общепринятым основам квалификации уголовных правонарушений, имеются правила определения степени интенсивности насилия в той или иной статье уголовного закона посредством сопоставления санкций соответствующих норм. С другой стороны, следует все-таки унифицировать понятие насилия. По нашему мнению, наиболее часто встречающаяся

²⁰³ О судебной практике по делам о хищениях: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 года № 8 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 31 мая 2018 года).

формулировка «с применением насилия либо с угрозой его применения» в большей степени свидетельствует о том, что трактовка законодательной конструкции «с применением насилия» предполагает все-таки различные по интенсивности формы физического воздействия. Угроза как психическая форма насилия может свидетельствовать не только о потенциальной опасности применения физического насилия, но также и уничтожения или повреждения имущества, распространения порочащих сведений и т.д.

Что касается актов официального толкования, то вопросы трактовки конструкции «с применением насилия» **так же**, как и в ранее приведенном примере, трактуются еще более ситуационно. В частности, согласно **Нормативному постановлению** Верховного Суда РК от 11 мая 2007 года № 4 «О некоторых вопросах квалификации преступлений, связанных с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера», под насилием следует понимать такие действия, которые направлены на преодоление сопротивления потерпевшей (потерпевшего), например, нанесение ударов, сдавливание дыхательных путей, удерживание рук, ног, срывание одежды и т.д.²⁰⁴ Понятно, что универсальной данную трактовку назвать нельзя. В других актах официального толкования вопросы трактовки насилия вообще не содержатся. Так, отсутствует разъяснение п. 3 ч. 2 ст. 128 УК РК - торговля людьми с применением насилия, опасного для жизни или здоровья или угрозой его применения, - в Нормативном постановлении Верховного Суда РК от 29 декабря 2012 года № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми», несмотря на тот факт, что в предыдущей редакции ст. 128 УК РК 1997 года данный признак также был включен в перечень квалифицирующих признаков состава²⁰⁵. В действующем Нормативном постановлении Верховного Суда РК от 23 июня 2006 года № 6 «О судебной практике по делам о вымогательстве» под вымогательством с применением насилия понимается совершение этого преступления, связанное с ограничением свободы, причинением физической боли, нанесением ударов, побоев, причинением легкой или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего²⁰⁶. Что же касается определения насилия при совершении хулиганства, то в соответствии с Нормативным постановлением Верховного Суда РК от 12 января 2009 года № 3 «О судебной практике по делам о хулиганстве» акцент производится на разграничении насилия, примененного из хулиганских побуждений, от насилия, совершенного в процессе ссоры или драки на почве личных неприязненных отношений²⁰⁷.

Все вышеперечисленные обстоятельства являются дополнительным

²⁰⁴ **О некоторых вопросах квалификации преступлений, связанных с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера:** Нормативное постановление Верховного Суда РК от 11 мая 2007 года № 4 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 22 мая 2018 года).

²⁰⁵ **О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми:** Нормативное постановление Верховного Суда РК от 29 декабря 2012 года № 7 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 14 мая 2018 года).

²⁰⁶ **О судебной практике по делам о вымогательстве:** Нормативное постановление Верховного Суда РК от 23 июня 2006 года № 6 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 8 мая 2018 года).

²⁰⁷ **О судебной практике по делам о хулиганстве:** Нормативное постановление Верховного Суда РК от 12 января 2009 года № 3 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 4 мая 2018 года).

подтверждением того факта, что уголовный закон нуждается в унифицированном определении насилия, детализация признаков которого вполне допустима в контексте конкретных составов уголовных правонарушений.

Приведем для примера еще некоторые частные случаи текстуального оформления насильственных форм в уголовном законе. Так, достаточно казуистичным приемом законодательной техники можно признать указание в п. 1 ч. 2 ст. 209 УК РК на применение физического насилия над лицом или его близкими. Такого рода формулировка не используется более ни в одной статье УК РК. В ряде случаев в уголовном законе имеет место указание на специальные свойства потерпевшего, к которому применяется насилие. Так, например, п. 3 ч. 2 ст. 234 РК, равно как и п. 3 ч. 2 ст. 286 УК РК, **содержит** указание на применение насилия к лицу, осуществляющему пограничный или таможенный контроль; ст. 380 УК РК регламентирует ответственность за применение насилия к представителю власти, части 2 и 3 ст. 429 УК РК **регламентируют** случаи применения насилия в отношении сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, его супруга (супруги) либо осужденного с целью воспрепятствования его исправлению. Такого рода детализация (даже в определенной степени казуистика) законодательных предписаний представляется нам обоснованной, поскольку отражает собственно характер соответствующих уголовно наказуемых посягательств.

Еще один аспект, который считаем необходимым затронуть при рассмотрении вопросов законодательной логики и техники при оформлении составов преступлений, сопряженных с применением насилия, связан с неурегулированностью вопросов трактовки физических и психических страданий, которые включены в диспозиции ст. 110 «Истязания» и ст. 146 «Пытки». Причем, если в ч. 1 ст. 110 УК РК указано, что физические или психические страдания причиняются путем систематического нанесения побоев или иными насильственными действиями, то в ч. 1 ст. 146 говорится лишь об умышленном причинении физических и (или) психических страданий. В остальном акцент в диспозиции ч. 1 ст. 146 УК РК производится на субъекте и целях применения пыток, что никоим образом не конкретизирует объективную сторону данного деяния. Еще более затрудняет толкование данного вопроса наличие квалифицирующего признака в п. 4 ч. 2 ст. 110 – «с применением пыток».

Таким образом, налицо логическая нестыковка уголовно-правовых терминов и понятий. Во-первых, определение физических и психических страданий отсутствует в тексте уголовного закона. Очевидно, что данные болезненные ощущения потерпевшего не могут быть сведены исключительно к побоям и иному насильственному воздействию на организм потерпевшего. Практике известны различные приемы осуществления пыток, которые не всегда могут быть сведены к побоям и причинению вреда здоровью. Это может быть длительное нахождение в неудобной позе, ослепление ярким светом либо, напротив, длительное нахождение в полной темноте, продолжительное воздействие громкими звуками, перекрытие **поступления** воздуха в

дыхательные пути, принуждение к выполнению каких-либо физических нагрузок и т.д. По нашему мнению, особенность трактовки насильственного поведения в данном случае должна основываться на оценке болевых (болезненных) ощущений в случае физического воздействия, а также остроты переживаний в случае психического давления на потерпевшего. Именно в такой трактовке истязаний и пыток, по нашему мнению, и должно происходить отграничения данных форм насильственного поведения от всех иных его форм. К сожалению, в Нормативном постановлении Верховного Суда от 28 декабря 2009 года № 7 «О применении норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания» практически отсутствует определение объективных признаков состава ст. 146 УК РК, не **раскрываются понятия** физических и психических страданий. В пункте 16 указанного **Постановления** содержится лишь разграничение пыток от умышленного причинения вреда здоровью на основе специального субъекта и специальной цели совершения пыток²⁰⁸. Мы полагаем, что оптимальным решением вопроса было бы включение обобщенного понятия «пытка» в ст. 3 УК РК.

Таким образом, законодательные «перипетии» в отношении логического и текстуального (морфологического) определения насилия в тексте уголовного закона более чем очевидны. В данном случае речь идет о двоякого рода проблеме. С одной стороны, **имеется** целый ряд явных диспропорций и непоследовательности при установлении уголовно-правовых запретов, которые призваны не только определять параметры уголовной ответственности за соответствующие деяния, но и нести ощутимый информационный сигнал обществу относительно степени защищенности физической и психической неприкосновенности личности в государстве. С другой стороны, даже формально-юридические приемы, которые законодатель использует в тексте уголовного закона, лишены единообразия, требуют контекстной трактовки в рамках отдельно взятых составов уголовных правонарушений. Не удивительно, что и толкование высшей судебной инстанции также преимущественно идет по казуистическому, перечневому пути. Данный вопрос в особенности актуализировался в связи с непоследовательной законодательной практикой в отношении криминализации (декриминализации) менее тяжелых форм насильственного воздействия, равно как и неоднородностью соответствующих уголовно-правовых запретов в отношении данных деяний в законодательной практике стран ближнего зарубежья.

Итак, именно вопросы определения параметров и реализации уголовной ответственности за насильственные преступления в последние годы

²⁰⁸ О применении норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или другим унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания: Нормативное постановление Верховного Суда РК от 28 декабря 2009 года № 7 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 12 мая 2018 года).

предопределяют постановку вопроса о необходимости теоретических реноваций в вопросах исследования параметров и методологических основ установления уголовно-правовых запретов. По ходу произведенного к данному этапу исследования теоретического анализа для целей научного исследования нами был предложен термин «инфильтрация социальных процессов», который призван обеспечить методологическую основу установления уголовно-правовых запретов. Современные процессы криминализации (декриминализации) имеют тенденцию смещения акцентов с социальной обусловленности того или иного запрета в плоскость решения конкретных правоприменительных задач, что представляется в корне неверным. Снижение репрессивности санкций за насильственные уголовные правонарушения (тем более их перевод в административную юрисдикцию) не может быть аргументировано потребностями гуманизации уголовного законодательства, так как роль запрета не сводится к реализации уголовной ответственности.

Автор настоящей работы является сторонником исследования потенциала института административной преюдиции, достаточно эффективно функционирующего в правоприменительной практике отдельных стран ближнего зарубежья. По нашему мнению, потенциал института административной преюдиции не был до конца изучен в казахстанской правовой науке, поскольку в правовых системах со строгим разграничением сферы уголовно-правовой и административно-правовой юрисдикции административная преюдиция реально способствует постепенному возрастанию карательной составляющей ответственности. Решение казахстанского законодателя о «перевод» ряда административных правонарушений в категорию уголовных проступков, как мы полагаем, свидетельствует, как минимум, о теоретической предвзятости в адрес института административной преюдиции. Именно в контексте менее тяжких форм насильственного поведения административная преюдиция представляется одним из оптимальных путей решения вопроса.

Системное толкование статей Общей и Особенной частей УК РК на предмет повышения единообразия трактовки не только понятия и форм насилия (возможные дефиниции которых были нами предложены ранее) привело нас к выводу о необходимости уточнения и отдельных видов физического вреда, упоминаемого в тексте уголовного закона. Мы полагаем, что в статье 3 УК РК необходимо дать легальное определение и уточнение отдельным понятиям.

Так, исходя из трактовок понятия «легкий вред здоровью» в актах официального толкования, в определении данного понятия в ст. 3 УК РК должно быть учтено его деление на вред, опасный и не опасный для здоровья. В частности, мы предлагаем следующую формулировку:

п. 13): *«Легкий вред здоровью – вред здоровью человека, повлекший кратковременное расстройство здоровья (на срок не более двадцати одного дня) или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности (менее чем на одну десятую часть), а также не повлекший указанных последствий (не опасный для здоровья)».*

Помимо конкретизации понятия «легкий вред здоровью», предлагаем

включить следующие дефиниции, которые часто встречаются в тексте уголовного закона, но не имеют легального определения:

«Насилием, опасным для жизни, в статьях настоящего Кодекса признается тяжкий вред здоровью, непосредственно связанный с угрозой наступления смерти потерпевшего».

«Насилием, опасным для здоровья, в статьях настоящего Кодекса признается тяжкий вред здоровью, не представляющий угрозу для жизни потерпевшего, средней тяжести вред здоровью, а также легкий вред здоровью, связанный с кратковременным расстройством здоровья или незначительной стойкой утратой общей трудоспособности».

2 ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

2.1 Анализ современного состояния и тенденций насильственной преступности

Криминологические исследования того или иного сегмента преступности являются весьма значимым источником важной информации, касающейся вопросов эффективности тех или иных уголовно-правовых запретов, достаточности пенализации соответствующих санкций, дают информацию о лицах, совершающих соответствующие посягательства. Как мы уже ранее указывали, особенностью большинства криминологических исследований является часто имеющее место отождествление в общем криминологическом феномене «насильственная преступность» всех посягательств, совершаемых с применением насилия.

Подобное расширение, в целом, допустимо, однако оно несколько размывает границы исследуемого явления, поскольку объединяет два разнородных типа криминальной мотивации: во-первых, чисто насильственную мотивацию, которая формируется и реализуется в посягательствах, где насилие является определенной содержательной доминантой (убийства, причинение вреда здоровью, изнасилования и т.д.), во-вторых, «смешанную» мотивацию, в которой собственно насильственный мотив является вторичным, возникающим по факту основной мотивации (уклониться от обязанности, незаконно обогатиться, добиться желаемого действия от потерпевшего и т.д.). В данном контексте исследователи совершенно справедливо говорят об «инструментальном» характере насильственного поведения²⁰⁹. Мы, в целом, согласны с мнением значительной группы ученых, которые полагают, что сужение сферы криминологического исследования исключительно до насильственных преступлений против личности некоторым образом ограничивает восприятие проблемы насильственной преступности в целом²¹⁰. Более того, отдельные авторы расширяют исследование насильственной преступности на так называемый «предпреступный уровень», полагая, что именно в предшествующем значительном диапазоне актов аморального поведения, часто не трансформирующихся в преступное, происходит формирование собственно криминальной насильственной мотивации²¹¹. Полагаем, что в данном случае имеет место смешение причин и условий насильственной преступности с непосредственными актами насильственного

²⁰⁹ Алиев Р.Х. Общая характеристика насильственной преступности // Общество: политика, экономика, право. – 2007. - № 4. – С. 5.

²¹⁰ Третьяков А.С. Уголовно-правовая превенция тяжких насильственных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. - С. 34-38.

²¹¹ Крайнова О.Л. Криминологическая характеристика форм криминального насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. - С. 86.

поведения.

Однако следует учитывать тот факт, что основная цель криминологических исследований заключается не столько в сборе как можно большего статистического и эмпирического материала (хотя это, безусловно, весомая составляющая криминологических исследований), сколько в выработке действенных методов профилактического воздействия на тот или иной сегмент преступности, на те или иные отдельно взятые преступления. А это возможно только при четком определении пределов исследования, постановки конкретных задач, на достижение которых нацелено исследование. Если в качестве задачи определен анализ всего объема насильственных форм поведения, позволяющий составить представление о количественных показателях насильственных актов в стране за тот или иной календарный период, то подобное расширение понятия «насильственная преступность» вполне допустимо.

Вместе с тем, в данном случае, как мы полагаем, могут возникнуть трудности со сбором необходимого и достоверного статистического материала. Так, в частности, статическая информация по тем или иным видам преступных посягательств формируется в рамках соответствующей статьи УК, а не в рамках всех признаков состава преступления. Соответственно, в данном случае определить количество деяний, в которых насильственная форма совершения представляет только частный случай реализации криминального поведения, будет затруднительно. Исключения могут составить такие составы уголовных правонарушений, совершение которых изначально предполагает включение насилия в механизм совершения посягательства (например, разбой, вымогательство). Так, например, казахстанские исследователи Джекебаев У.С., Сарсембаева С.Т. при исследовании мер предупредительного воздействия на разбойные нападения в РК практически не разделяют корыстную и насильственную мотивацию, объединяя их в общий «криминальный фон» данного общественно опасного деяния, что, конечно же, обусловлено тем, что насилие является конститутивным признаком состава разбоя²¹². Однако в данном случае насильственная мотивация все-таки не является той доминантой криминальной характеристикой личности, о которой мы уже неоднократно упоминали. Здесь также отметим, что в большинстве специальных криминологических исследований, авторы которых являются сторонниками «широкой» трактовки насильственной преступности, развернутый криминологический анализ по детерминирующим факторам, а также по криминологической оценке личности насильственного преступника, как правило, осуществляется все-таки на базе «чисто» насильственных посягательств, а также тех деяний, где насилие является конститутивным способом совершения уголовного правонарушения.

Для казахстанской правовой статистики, как и для большинства стран постсоветского пространства, характерно измерение преступности на основе

²¹² Джекебаев У.С., Сарсенбаева С.Т. Проблемы предупреждения разбоев в Республике Казахстан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. - № 3. – С. 173-178.

абсолютных показателей (количество совершенных уголовных правонарушений, общая сумма причиненного ими ущерба, количество осужденных и т.д.). Как указывают исследователи, абсолютные показатели характеризуются простотой расчета и оперативностью получения данных, однако, недостаточно информативны, в частности, не дают возможности провести анализ по интенсивности проявления преступлений²¹³. В силу чего любые криминологические анализы, как правило, основаны на выявлении и сопоставлении относительных величин измерения преступности, которые позволяют получить представление о динамике криминальных процессов в обществе (относительном росте или относительном снижении). Однако и здесь полученные данные не всегда могут дать точное представление о происходящих в обществе криминальных процессах, потенциально опасных тенденциях, тем более, если они не имеют явного характера. Также приводятся отдельные частные показатели, детализирующие общую картину состояния преступности в стране (снижение показателей повторной преступности, количества уголовных правонарушений, совершенных женщинами и несовершеннолетними и т.д.). Такого рода показатели, безусловно, имеют некоторое информативное значение и могут свидетельствовать об определенных тенденциях криминальных процессов и практики правоохранительных органов государства. Однако в большей степени подобные подсчеты имеют демонстрационно-иллюстративный характер, содержат весьма обобщенную информацию об уровне преступности в стране. Они, как правило, не отражают тенденций, а лишь констатируют имеющие место факты.

Итак, если с позиции теоретического криминологического исследования наиболее предпочтительной будет являться глубокая дифференциация разновидностей насильственной преступности (что и подтверждает большинство научных исследований по данной проблематике), то для более или менее точного установления тенденций насильственной преступности необходимо ограничить диапазон ее статистического исследования более распространенными (типичными) видами насильственных посягательств. Здесь можно упомянуть о практике зарубежных государств по оценке уровня преступности в стране исключительно по индексным преступлениям, к которым относятся наиболее тяжкие и распространенные уголовно наказуемые деяния. Причем в разных странах количество индексных преступлений существенно варьируется: в США к ним относят 8 составов преступлений, в Германии – 22 состава, во Франции - 20, в Японии - 26. Практика ООН при оценке уровня преступности также отталкивается от восьми индексных преступлений. Мы полагаем, что тенденции насильственной преступности могут быть достоверно представлены именно посредством ограничения области исследования четко определенной группой насильственных посягательств, которые, во-первых, более или менее статично

²¹³ Кайбичев И.А., Кайбичева Е.И. Индекс преступлений в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014.- № 2. - С. 10.

регламентированы уголовным законодательством и, во-вторых, имеют достаточную распространенность. Например, выделение не более 10-15 составов «индексных» насильственных уголовных правонарушений позволит тщательней проследить их динамику, установить более четкие корреляционные связи внутри выделенной группы уголовных правонарушений, провести анализ по заранее определенным частным признакам совершенных уголовных правонарушений. «Для того чтобы криминологическая информация правильно (адекватно) отражала состояние и другие характеристики преступности и меры по ее преодолению, - пишет Е.О. Алауханов, - она должна отвечать, по крайней мере, трем главным методическим требованиям: полноте, своевременности и достоверности»²¹⁴. Очевидно, что обеспечить сочетание всех выделенных автором параметров гораздо проще при четком ограничении круга исследуемых насильственных посягательств.

Как было указано в предыдущем структурном разделе настоящей работы, насильственные преступления во многом «затрудняют» традиционную оценку объекта посягательства как общественных отношений, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда. При этом нами была обоснована межструктурная, консолидированная оценка объекта насильственных посягательств, которая, в целом, сочетается с нашим предложением разработать круг «индексных» насильственных преступлений. Причем в науке высказываются аналогичные суждения, согласно которым насильственные преступления следует рассматривать и исследовать, абстрагируясь от главы, в которой они расположены²¹⁵.

Кроме того, имеются предложения и относительно круга насильственных преступлений, которые следует причислить к «индексным» и в отношении которых требуется отдельный статистический анализ. Так, в частности, Р.Д. Шарапов предлагает включить в данный перечень 32 состава преступления (включая насильственные посягательства против интересов правосудия, государственного управления, воинские насильственные преступления)²¹⁶. Мы полагаем, что это чрезмерно широкий перечень, который неизбежно затруднит вопросы статистического анализа насильственной преступности. Кроме того, мы солидарны с мнением казахстанских исследователей в том, что в настоящее время настоятельно необходимо вводить практику виктимологической статистики потерпевших от насильственных преступлений²¹⁷. Соответственно, виктимологический статистический учет должен находиться в корреляции с основным криминологическим учетом, а в данном случае, как мы полагаем, достаточно ограничиться 15 составами уголовных правонарушений (преимущественно так называемой «общеуголовной» направленности).

Повышенный динамизм уголовного законодательства в последние годы,

²¹⁴ Алауханов Е.О. Криминология. – СПб.: «Юридический центр-Пресс», 2013. - С. 214.

²¹⁵ Иванова В.В. Преступное насилие: учебное пособие для ВУЗов. – М., 2002. - С. 71.

²¹⁶ Шарапов Р.Д. Парадигма взаимодействия уголовного права и криминологии (на примере криминологической теории насильственной преступности) // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2006. - № 4. – С. 79-80.

²¹⁷ Куанышбек Б. Предупреждение тяжких насильственных преступлений против личности: дис. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2010. – С. 10, 84.

дискретные решения в вопросах криминализации и декриминализации деяний, достаточно осязаемое «размывание» границ уголовной и административной юрисдикции неизбежно отражаются на динамике и структуре преступности в государстве. Исследователями давно подмечен тот факт, что для обеспечения эффективности законодательства необходимо диалектическое единство стабильности (статики) и динамики²¹⁸. Любая новая уголовно-правовая норма должна быть социально необходимой, научно обоснованной и практически реализуемой, что, соответственно, предполагает необходимость определенного временного промежутка для ее конструирования и составления прогнозов по поводу правовых последствий ее применения (то, что мы назвали процессом «инфильтрации»). Соответственно, процесс декриминализации также должен происходить не одномоментно, а только при наличии полной уверенности в неэффективности или анахроничности уголовно-правовой нормы.

Динамические факты уголовного законодательства РК в серьезной степени отражаются и на динамике и структуре насильственной преступности. Так, если исследовать весь массив насильственной преступности против личности на протяжении последних нескольких лет, необходимо в обязательном порядке учитывать тот факт, что непоследовательная законодательная практика по криминализации и декриминализации таких составов уголовных правонарушений, как побои и умышленное причинение легкой тяжести вреда здоровью, неизбежно была **связана** с необходимостью корректировки статистических показателей насильственной преступности (возрастание после криминализации с начала 2015 года и снижение после декриминализации в 2017 году). То есть абсолютный показатель в данном случае (практически в диапазоне 5-ти лет) имеет слабое информативное значение. Проанализированный аспект является дополнительным аргументом к ранее изложенному тезису о том, что для эффективности выявления тенденций насильственной преступности необходимо ограничить сферу исследования наиболее статичными составами при условии значительной распространенности фактов их совершения.

Статистические данные, являющиеся источником получения важной криминологической информации, имеют в большинстве случаев решающее значение для оценки текущей ситуации. Так, в частности, как указывает в своем диссертационном исследовании С.Н. Абельцев, для криминологической статистики многих развитых стран (США, Германия, Англия, Франция) является характерным обособление статистики по насильственным преступлениям от других видов преступных посягательств (объем включаемых составов различный, но принципиально подход един)²¹⁹. Соответственно, криминологические анализы, выстраиваемые на основе тех или иных форм и методов статистической отчетности, будут различными. Учитывая тот факт, что большинством исследователей признается особое социально деструктивное

²¹⁸ Баскова И.В. Стабильность и динамизм советского уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1989. – С. 4.

²¹⁹ Абельцев С.Н. Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. – М.: МЮИ МВД, 2000. – С. 51.

значение насильственных форм уголовного поведения²²⁰, мы полагаем, что в Казахстане также следует внедрить практику обособленного статистического анализа насильственных преступлений, для целей которого нужно четко определить группу посягательств, в отношении которых будут оцениваться в том числе и насильственные акты поведения, имеющие в структуре тех или иных составов вариативный характер (например, отдельно выделить насильственное хулиганство).

В настоящее время в статистической правовой информации, формируемой в КПСиСУ Генпрокуратуры РК, сложившейся формой предоставления общей информации по регистрируемым уголовным правонарушениям является таблица, включающая полный перечень всех составов уголовных правонарушений (здесь следует учитывать, что степень репрезентативности официальной уголовной статистики в РК является одной из самых высоких в странах СНГ). Имеется и внушительный перечень специальных разделов, однако в отношении насильственных преступлений обособление происходит только в отношении насилия, применяемого к женщинам и детям²²¹. Мы уже неоднократно указывали, что актуализация проблемы семейно-бытового насилия (в целом, абсолютно обоснованная) привела к несколько «однобокому» влиянию не только на правоприменительную практику, но и на динамику уголовного законодательства. **Как** мы уже указывали, основным аргументом декриминализации побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью явилось указание на сложности в правоприменительной практике именно в контексте семейно-бытового насилия.

Вместе с тем, как-то в стороне остаются многие другие случаи насильственных актов. Однако, как совершенно справедливо указывают исследователи, «самый большой страх населения перед преступностью возникает от криминальных посягательств на улицах. Они, с одной стороны, демонстрируют открытый вызов преступников обществу и государству, с другой – ставят жертву преступлений в наиболее незащищенное положение. В этом сочетании обстоятельств – основной источник страха. Боязнь выходить на улицы в дневное и особенно в вечернее и ночное время – один из характерных признаков криминальных стан, городов, населенных пунктов»²²². Таким образом, не исключая важности анализа и профилактики отдельных форм насилия, имеющих место в социуме, полагаем, что насильственная преступность должна оцениваться в комплексе специально выделенных «индексных» преступлений.

Таким образом, формирование отдельной статистической информации в отношении индексных насильственных преступлений вполне возможно, хотя и потребует решения целого ряда организационно-технических моментов, в

²²⁰ См., например, Варданян А.В. Насильственная преступность и ее предупреждение. - М., 2002; Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. - М., 2001. - С. 4 и др.

²²¹ Аналитическая информация. Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генпрокуратуры РК // <http://pravstat.prokuror.gov.kz/rus>

²²² Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. - М., 1997. - С. 25.

частности, процесса сбора информации от субъектов специально-криминологической профилактики. Автор настоящего исследования **последовательно** акцентирует внимание на том обстоятельстве, что как уголовно-правовая регламентация (начиная с установления уголовно-правового запрета, заканчивая дальнейшими процессами развития уголовного законодательства и правоприменительной практики), так и криминологические исследования в настоящее время должны поменять свой основной вектор в сторону наиболее тщательного учета социологического критерия преступности. Предложенный автором настоящего исследования термин «инфильтрация», призванный отразить процесс органичного проникновения тех или иных социальных процессов в уголовно-правовую сферу, приобретает дополнительное теоретическое подтверждение в контексте виктимологического аспекта профилактики насильственной преступности. Так или иначе, основным адресатом предупредительного воздействия на насильственную преступность являются именно граждане государства, и именно их восприятие насилия, уровень субъективной оценки степени своей защищенности, существующих криминологических угроз и т.д. Именно критерий максимальной защищенности граждан государства приводит казахстанских исследователей не только к построению теоретической концепции «безопасность личности», но и к выводу о необходимости закрепления данного права в Конституции РК²²³. Аналогичные рассуждения мы находим и в работах Ю.М. Антоняна: «Человек, который постоянно держит оборону своего существования, обычно становится более безжалостным, он видит насилие как единственно возможный выход из ситуации»²²⁴.

Анализ специальных исследований, касающихся оценки современных черт и тенденций насильственной преступности позволяет сформулировать ряд основных параметров (характеристик), которые отличают современную насильственную преступность. Так, в частности, проанализировав различные научные исследования по вопросу, к общим параметрам (непосредственно не связанным с гендерными, возрастными, географическими и другими факторами) следует отнести следующие: 1) преимущественно ситуационный характер; 2) наибольшая распространенность в сфере быта и досуга; 3) постепенное возрастание доли преднамеренных преступлений; 4) значительное влияние стрессогенных факторов, связанных с социально-экономическими и иными неблагоприятными факторами, приводящими к вспышкам агрессии; 5) **одними** из факторов, отличающих современную насильственную преступность, постепенно становятся имеющие тенденцию к возрастанию случаи не вызываемых обстановкой чрезмерной жестокости, глумления, садизма; 6) достаточно стабильное влияние фактора криминального профессионализма в совершении актов криминального насилия; 7) интенсификация насильственных актов на фоне снижения уровня толерантности населения к насильственным формам поведения и некоторые

²²³ Роот В.В. Концептуальные основы безопасности личности в уголовном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Астана, 2008. – С. 14.

²²⁴ Антонян Ю.М. Психология убийства. – М., 1997. – С. 288-289.

другие.

Мы полагаем, что при разработке комплексных программ противодействия насильственной преступности в обязательном порядке следует учитывать именно современные тенденции насильственной преступности, поскольку несоответствие профилактических мер («действие по шаблону») не способно привести к более или менее значимым результатам. В данном контексте мы считаем необходимым особо обратить внимание на тот факт, что в настоящее время констатируется снижение толерантности населения к различным формам насильственного поведения (в предыдущей главе мы, в частности, указывали на исследования в отношении вычисления индекса ИПФН – индекса приемлемости физического насилия, который в последние годы имеет тенденцию к снижению). Однако своего рода социальный парадокс заключается в том, что уровень насильственной преступности при этом не снижается, даже, напротив, есть основания утверждать, что она приобретает более жесткие формы. Соответственно, это свидетельствует о том, что действуют достаточно сложные, скрытые от простого эмпирического восприятия механизмы, которые до настоящего времени до конца не изучены. Вместе с тем, такой фактор, как снижение толерантности населения к насильственным формам поведения, следует учитывать как при внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство, так и при разработке программ предупредительного воздействия на насильственную преступность.

Одним из основных предназначений криминологических исследований является оценка факторов, детерминирующих те или иные виды криминального поведения, среди которых насильственные акты стали одним из первых **объектов** исследования в истории научной мысли человеческой цивилизации. Так, к концу XIX века были сформулированы две основные концепции причин насильственного поведения: первая концепция основана на признании насильственного поведения биологической особенностью человека («врожденного преступника»), вторая связывала насильственное поведение с социальными негативными факторами, по причине действия которых, как утверждал Д. Говард, общество не имеет право жестоко обращаться с преступниками, поскольку фактически само сделало их такими²²⁵.

Постепенно происходит научное сближение двух противоположных концепций, и уже к началу XX века начинает признаваться множественность факторов в качестве **детерминант** преступности, в том числе и насильственного ее сегмента. Как указывал по данному поводу Ф. Лист, любое преступление «с одной стороны, продукт личности преступника, а с другой - тех общественных условий, под влиянием которых преступник находится в момент совершения преступления, т.е. продукт одного индивидуального и бесчисленных общественных факторов»²²⁶. Значительное число теорий насилия дала науке

²²⁵ Дубинин Н.П., Карпец ИИ., Кудрявцев В.Н. Генетика. Поведение. Ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). - М., 1982. - С. 57.

²²⁶ Лист Ф. Задачи уголовной политики / Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. - М., 2004. - С. 92.

западная криминологическая мысль: теории, построенные на сочетании социальных и биологических факторов при преобладании первых (Ф. Лист, Лакассен); теория аномии (Э. Дюркгейм); теория расхождения целей и средств (Р. Мертон), «теория подражания» (Э. Сатерленд); теория социального научения агрессии (Дж. Тдеши, Р. Браун).

Начиная с работ И.Я. Фойницкого, М.Н. Гернета, С.В. Познышева, А.А. Пионтковского и некоторых других исследователей, в советской науке стал преобладать социологический вектор исследования причин преступности, который остается приоритетным и до настоящего времени. Парадигмой социологического подхода является признание того фактора, что биологические факторы следует учитывать, но решающее значение имеют исключительно факторы функционирования социума и личности в этом социуме. Таким образом, произошел своего рода **очередной** «виток» научной мысли к признанной еще в античные времена социальной сущности человека. На первое место были выведены факторы воспитания, морально-нравственной сферы человека, его склонности к асоциальным привычкам, пренебрежению социально значимыми благами и т.д. при учете комплексного действия общесоциальных факторов. В зарубежных концепциях XX века отмечается гораздо большее теоретическое разнообразие. Так, в частности, продолжали развиваться исследования, связанные с выявлением биологических факторов преступности: наследственность, генетическая предрасположенность (О. Ланге); органические особенности, конституция человека (Э. Кречмер); факторы эндокринной системы (Ди Туллио); хромосомные нарушения.

Антропологическое направление стало развиваться как биологическое, и были выдвинуты новые гипотезы, в которых склонность человека к совершению преступления, связанного с насилием, объяснялась, в частности, наследственностью (О. Кинберг, О. Ланге, Е. Гейер, Ж. Пинатель, А. Штупль и др.), конституцией человека (Э. Кречмер), особенностями его эндокринной системы (Ди Туллио, В. Фунес и др.), отклонениями в хромосомной структуре половых клеток. Гораздо большую известность получило так называемое психологическое направление причин преступности (Э. Фромм, К. Лоренц, З. Фрейд), которое объясняло проявленные в объективной действительности факты насилия, агрессии бессознательным началом психики человека. Одним из наиболее популярных объяснений причин преступности (в частности, Ю.М. Антонян взял его за основу для наиболее крайних форм проявления насильственного поведения человека)²²⁷ является теория индивидуального и коллективного бессознательного, разработанная К.Г. Юнгом, в основе которой лежит утверждение, что причиной преступности выступает вытесненный из сознания психотравмирующий опыт («невспоминаемый опыт»), как правило, связанный с пережитыми в детстве сильными негативными переживаниями; что же касается коллективного бессознательного, то его К.Г. Юнг расценивал как вытесненный всем человечеством в силу ненужности опыт,

²²⁷ Антонян Ю.М. Отрицание цивилизации (каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм). - М., 2003. - С. 251-252.

возвращающийся к человечеству в те или иные этапы существования. Проблема возрастания численности населения, дефицита ресурсов планеты стали основой для экологической теории причин преступности, определяющей преступность фактически как борьбу за благоприятные условия проживания²²⁸.

Современные исследования причин и условий насильственной преступности основаны в подавляющем большинстве на комплексной оценке факторов, связанных как с общесоциальными, политическими, нравственно-идеологическими и иными условиями существования общества (макроуровень), так и с причинами формирования насильственной мотивации и индивидуального насильственного преступного поведения (микроуровень). В рамках настоящего параграфа мы не будем останавливаться на характеристике причин и условий насильственной преступности (предупредительному воздействию на них будет посвящена следующая глава настоящего исследования). Вместе с тем, считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что исследование причин и условий насильственной преступности в настоящее время приобретает особое значение, связанное с тенденцией возрастания их прикладного значения. В контексте специально-криминологического предупреждения насильственной преступности значение имеет целый конгломерат детерминирующих факторов и условий, непосредственно связанных с актами насильственного поведения. Многие из них при анализе в рамках той или иной статистической общности демонстрируют достаточно стойкие корреляции (например, как указывают исследователи, подавляющее большинство изнасилований совершаются после 23 часов²²⁹, значительное количество убийств и тяжких телесных повреждений совершаются в жилых помещениях, большинство насильственных преступлений приходится на вечер пятницы и многое другое). Следует отметить, что в последние годы стала намечаться тенденция не только «точечного» воздействия на те или иные криминогенные факторы (например, усиленное патрулирование улиц населенных пунктов в наиболее криминогенное время суток), но и выработки комплексных научных методик по оценке рисков совершения повторных правонарушений. Так, в ч. 2 ст. 14 Закона РК от 30 декабря 2016 года № 38-VI «О пробации» предусматривается в рамках досудебной пробации проведение оценки рисков совершения лицом повторных правонарушений. Данные методики получили достаточно широкое распространение в развитых зарубежных странах с длительным опытом функционирования службы пробации, где тактики криминологического воздействия на правонарушителей постепенно эволюционировали с исключительно контрольно-надзорных функций до социального сопровождения правонарушителя, который расценивается как «клиент», получатель необходимого для коррекции поведения набора социальных услуг. Например, в США для принятия решения в отношении условно-досрочного освобождения используются различные статистические инструменты - «Шкала

²²⁸ Классен А.Н., Анохин А.Ю. Физическое и психическое насилие в уголовном праве. - Челябинск, 2006. - С. 12.

²²⁹ Блэкборн Р. Психология криминального поведения. – СПб., 2004. - С. 230-232.

оценки статистической информации о рецидивах», «Опросник для оценки уровня надзора» (Level of Supervision Inventory; Andrews, 1982), «Базовая оценка прогноза» (Base Expectancy Score; Gottfredson & Bonds, 1961); известна также система оценки правонарушителей «OASIS», разработанная в Великобритании, и др. В самом упрощенном варианте содержание данных систем можно охарактеризовать следующим образом: на основе наиболее стойких выявленных корреляций между теми или иными криминогенными (деликтогенными) факторами, подтвержденными статистическими данными, составляется шкала оценки рисков в отношении того или иного вида уголовного правонарушения (отклонения в поведении поднадзорного лица). **Полученные** данные, своего рода криминологическая квинтэссенция всех наиболее значимых факторов, формируются в структурированную программу, на основе которой и осуществляется прогноз относительно рисков последующих правонарушений со стороны исследуемого лица. Например, к наиболее криминогенной корреляции в контексте насильственных преступлений было отнесено сочетание таких факторов, как проблемы в жилищно-бытовых условиях, частое употребление алкоголя и подверженность насилию в детском возрасте (это, опять же, упрощенный вариант). Соответственно, выявление всех трех факторов у конкретного исследуемого лица может свидетельствовать о значительных рисках его дальнейшего насильственного поведения.

Национальный эксперт по пенитенциарным вопросам Е.А. Саламатов, анализируя современное состояние досудебной пробации в РК, обращает внимание на целый ряд факторов, связанных со сложностью реализации данного нововведения (неготовность практики и общества, отсутствие специалистов соответствующего профиля, значительные временные затраты и т.д.) и указывает, что в вопросах досудебного исследования личности отсутствует единообразие²³⁰. Что касается методики оценки рисков, то она до настоящего времени не разработана.

Полагаем, что разработка и апробация соответствующих методик – это своего рода перспективы криминологического «обслуживания» предупредительного воздействия на насильственную и иные виды преступности. Соответственно, речь идет о кардинальном изменении значений криминологических исследований, сопряженным с их переводом в прикладную плоскость, когда весь массив статистической информации, переработанной с точки зрения выявления наиболее значимых корреляций криминогенных факторов, будет применяться в контексте оценки риска повторного уголовного правонарушения со стороны конкретного лица. О значении тщательной оценки мотивации криминального поведения задолго до актуализации анализируемых прикладных методик высказывались казахстанские специалисты. Так, У.С. Джекебаев, Т.Г. Рахимов, Р.Н. Судакова в конце 80-х годов XX века писали: «Без изучения и познания закономерностей процесса мотивации

²³⁰ Саламатов Е.А. Досудебная пробация: проблемы и пути решения // <https://www.zakon.kz/4927553-dosudebnaya-probatsiya-problemy-i-puti.html> (дата обращения 4 июля 2018 года)

человеческого поведения невозможно прогнозирование индивидуального и группового поведения, управление процессом воспитания, обучения и социализации личности в целом, а по отношению к проблеме профилактики преступлений невозможна выработка действенной теории предупреждения правонарушений и ее практическое применение»²³¹. По нашему мнению, это является дополнительным аргументом в пользу того, что насильственные преступления должны быть выделены в отдельную статистическую группу, в рамках которой и **будет** проводиться сбор необходимой для разработки соответствующей методики информации. Интерес к подобным методам коррекции поведения проявляют и специалисты соседних государств. В качестве примера приведем Методику «Оценки рисков и возможностей (ОРВ)», **разработанную российскими авторами** в рамках социального проекта помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации²³². Методика построена на четком структурировании различных групп факторов, которые характеризуют статичные и динамичные параметры, характеризующие жизненную ситуацию конкретного подростка, на основе суммирования которых и личной оценки лица, производящего исследование, производится оценка соответствующего риска. До настоящего времени действует **и** методика «Портрет» (составитель К.Н. Тараленко), разработанная в 2003 г. в Томском государственном университете. Данная методика используется сотрудниками УИИ для соответствующих прогностических выводов в отношении условно осужденных лиц²³³. Вместе с тем, специалисты указывают на необходимость выработки новых методик (в частности, по причине необходимости актуализации отдельных параметров оценки), причем для более широкого круга адресатов²³⁴.

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время производится достаточно заметное смещение акцентов с обобщающей, систематизирующей и информативной функции криминологических исследований в прикладную плоскость, связанную с прогнозированием индивидуального преступного поведения на основе выявленных статистическим путем связей, закономерностей, интенсивности тех или иных факторов, детерминирующих насильственную преступность.

Одним из важных факторов для оценки тенденций насильственной преступности **должны**, на наш взгляд, являться диагностика и оценка динамики некриминальных форм насильственных проявлений как потенциального генератора насильственной преступности. В криминологии, равно как и в других сферах общественного познания, практически аксиоматичным является утверждение о том, что «насилие порождает насилие». Более того, исследователи констатируют не только факты регрессного насилия, но и

²³¹ Джекебаев У.С. Мотивация преступления и уголовная ответственность / У.С. Джекебаев, Т.Г. Рахимов, Р.Н. Судакова. - Алматы, 1987. - С. 171.

²³² Дрейзин А. и др. Метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего. – М., 2010. – 40 с.

²³³ Ольховик Н.В., Тараленко К.Н. Индивидуальное криминологическое прогнозирование поведения условно осужденных // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации. - М.: PRI, 2001.

²³⁴ Новиков Е.Е. Об основах прогнозирования индивидуального поведения осужденных к альтернативным наказаниям и мерам // Актуальные проблемы российского права. – 2016. - № 8 (69). - С. 155.

тенденцию к его кумуляции и воспроизведению в более общественно опасных формах. Повышенное внимание казахстанского законодателя и общественности к фактам бытового насилия в последние годы в этой связи представляется весьма своевременным, поскольку данные инциденты требуют постоянного мониторинга и профилактики. Как указывают казахстанские исследователи, одной из принципиальных особенностей бытового насилия является системный характер такого насилия, причем системность проявляется в самих принципах его функционирования: «это повторяющиеся во времени инциденты (паттерн) множественных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического)»²³⁵. Нельзя отрицать в данном случае действия закона диалектики о переходе количественных изменений в качественные, когда насилие становится моделью поведения, личностно-формирующим мотивом и постепенно перерастает в более опасные формы. Отсутствие своевременного воздействия на лицо, совершающее некриминальные акты насилия, а равно профилактической работы с жертвами такого насилия, особенно когда оно принимает систематическую форму, способно с большой долей вероятности привести уже к криминальным формам насилия. В связи с декриминализацией побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью работа по оценке некриминальных форм насильственных проявлений как потенциального генератора насильственной преступности должна осуществляться особенно тщательно и в полной корреляции с оценкой состояния регистрируемого криминального насилия. В этом случае статистические сопоставления представляются весьма значимыми, поскольку данные формы насильственного деликвентного поведения при воздействии тех или иных факторов (ситуационных, с накопительным эффектом и т.д.) могут трансформироваться в собственно криминальное насилие. Как указывают отечественные психологи, имеет место межпоколенная эстафета агрессивных и насильственных моделей поведения, т.е. передача модели насильственных отношений от одного поколения к другому осуществляется через трансляцию родителями агрессии детям²³⁶. Следовательно, факт бытового насилия в одной семье может транслироваться на дальнейшее насильственное поведение детей в их семьях, что уже способно привести к возрастанию насильственных форм поведения. Постепенная кумуляция насилия, его безнаказанность способны модифицировать его в криминальные формы проявления. Собственно, этот тезис вполне употребим и вне рамок семейно-бытового насилия, а в целом в отношении насильственных посягательств.

Следует отметить, что обособленный статистический учет преступлений, совершаемых женщинами и несовершеннолетними лицами, имеет под собой вполне четкие криминологические основания. Полагаем, что в контексте насильственной преступности криминальное поведение данных категорий лиц

²³⁵ Балтабаев С.А. К вопросу о бытовом насилии в отношении женщин // Вестник КарГУ. – 2015. - № 2 (78). - С. 110-113.

²³⁶ Фурманов И.А. Механизмы межпоколенной эстафеты агрессии и насилия в семье // Вестник Инновационного Евразийского университета. – 2013. - № 4. – С. 74-79.

представляется весьма тревожным фактором, поскольку оно, как правило, обуславливается наиболее деструктивными социальными процессами. Тот факт, что женская преступность и преступность несовершеннолетних имеют значительное количество специфических характеристик, отличающих их от взрослой мужской преступности, уже давно установлен криминологической наукой. Более того, исследователями даже предлагается к обороту термин «субкультура женской преступности»²³⁷. Гендерная и возрастная дифференциация (ассиметрия) уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных норм стала уже традицией казахстанского законодательства, основанной на принципе гуманизма, экономии мер репрессивного воздействия, учете социальных и репродуктивных функций женщины, психологических особенностей и специфики исправительного воздействия на несовершеннолетних лиц. Иными словами, возрастание насильственных проявлений со стороны женщин всегда должно вызывать настороженность, поскольку насильственные формы разрешения конфликта не сочетаются с гендерным дисплеем женщины. Как указывают исследователи, «выделяются преступления, в которых отражается стереотип поведения, сложившийся под влиянием конкретной, характерной именно для женщин микросреды или ситуации в определенный период. Также отличен характер изменений женской преступности и не всегда совпадает с характером изменений мужской преступности. Всегда, например, менее низкими темпами росла насильственная преступность женщин»²³⁸. Соответственно, должны иметь место серьезные криминогенные факторы, побуждающие женщину применять насилие. Что касается насильственного криминального поведения несовершеннолетних, то данный вопрос требует постоянного и оперативного мониторинга, поскольку, во-первых, оно потенциально способно развиться во взрослую насильственную преступность, а во-вторых, временной промежуток для коррекционного воздействия весьма незначителен, равно как и потенциал гуманистических начал уголовного законодательства. Именно по указанным причинам вопросы насильственных посягательств женщин и несовершеннолетних будут отдельно исследованы в следующем параграфе настоящей главы исследования.

Как мы уже указывали, в чертах современной насильственной преступности отдельные исследователи стали выявлять такой, ранее практически не констатируемый, феномен, как случаи не обусловленной обстоятельствами и механизмом совершения преступления жестокости, садизма, издевательства. В особенности данные факторы исследователи отмечают в структуре насильственной преступности несовершеннолетних. Как пишет Н.В. Торопова, «не редкостью стали убийства без желания убить», что во многом определяется тем фактором, что стирается грань между реальностью

²³⁷ Макаев А.А. Криминальная субкультура и профилактика женской преступности // Вестник казахско-русского международного университета. – 2016. - № 1 (14). - С. 141.

²³⁸ Гуданова З.Н., Исаев Н.А. Гендерный подход к женской преступности, культурально-криминологический аспект // <http://www.rusnauka.com/NIO/Pravo/gudanova%20z.n..doc.htm> (дата обращения 11 января 2018 года).

и увиденным по телевизору, в компьютерных играх²³⁹. Таким образом, фиксация и анализ нетипичных форм насильственных проявлений, отличающихся от основных тенденций насильственной преступности, необходимы для того, чтобы прогнозировать «картину» насильственных преступлений в ближайшем будущем, учитывая стремительную скорость развития не только позитивных, но и негативных социальных процессов. Теоретические исследования и профилактическое воздействие всегда направлены на типичные, среднестатистические разновидности насильственных проявлений – убийства из хулиганских побуждений, групповые нападения на граждан и организации, изнасилования, причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии опьянения и многие другие подобные уголовно наказуемые посягательства, в совокупности представляющие собой реальную картину современной насильственной преступности. Вместе с тем, общественности часто становятся известны из СМИ факты насильственных посягательства с трудно диагностируемой мотивацией (то, что можно условно назвать «немотивированное насилие»). Мы узнаем о крайне жестоком насилии над детьми в благополучных семьях, о неадекватных насильственных реакциях на незначительные бытовые поводы, о массовом убийстве одноклассников и учителей, совершенном учеником школы, о серийных убийствах пассажиров таксистом, о воплощении в реальной жизни компьютерной игры с массовыми убийствами, о жестокой расправе над животными и т.д.

В современных условиях корреляция такого рода деяний с общими тенденциями насильственной преступности практически не прослеживается. Иными словами, «немотивированную» насильственную преступность мы объективно не можем причислить к тенденциям насильственной преступности в целом. Вместе с тем, на протяжении последних десятилетий вопрос о росте такого рода немотивированного насилия с регулярностью возникает в зарубежных средствах массовой информации, причем в подавляющем большинстве этот факт относится к странам с достаточно высоким уровнем жизни населения. Можно отметить целый ряд кинематографических произведений, в которых феномен «немотивированного» насилия раскрыт в разнообразных сюжетах («Инцидент», 1967 г.; «Забавные игры», 1997 г.; «Это случается рядом с вами», 1992 г. и некоторые другие). Проблемы немотивированного насилия уже становятся объектами научного внимания в зарубежных странах, причем демонстрируются результаты самых различных исследований, часто весьма неожиданных. В частности, на семинаре «Немотивированное насилие», который состоялся 22 октября 2007 года в г. Хайфа (Израиль), был представлен медицинский доклад Г.И. Брехмана, в котором систематизировались научные исследования по поводу влияния на случаи немотивированного насилия условий пренатальной (дородовой) стадии. В данном докладе указывается, что негативные эмоции, переживания, деструктивные состояния матери (в том числе и попытка

²³⁹ Торопова Н.В. Психолого-криминалистический подход к изучению преступного поведения и личности несовершеннолетнего, совершившего насильственное преступление // Вестник ТГПУ. – 2012. - № 12 (127). – С. 168.

прервать беременность) могут оказывать непосредственное влияние на формирование немотивированной насильственной мотивации, что подтверждается результатами специальных исследования в последние 2-3 десятилетия²⁴⁰. Соответственно, нельзя исключать **того**, что в будущем данные факты могут получить тот или иной вариант инфильтрации в уголовное законодательство. Конечно, следует признать, что и в настоящее время уголовный закон определяет женщину, находящуюся в состоянии беременности, в качестве «привилегированного» потерпевшего. Однако, если к указанным выше результатам будут привлечено внимание широкой общественности (что, скорее всего, неизбежно случится при возрастании реальных случаев немотивированного насилия), то не исключены и серьезные «подвижки» в уголовном законодательстве (в частности, в контексте повышенной пенализации угрозы в отношении беременной женщины).

Как указывают казахстанские исследователи, преступность представляет собой явление динамичное и приспособительное, она постоянно мимикрирует в новые сферы человеческих отношений и человеческой деятельности. В связи с чем изучение причинного комплекса преступности должно быть постоянным и непрерывным, с учетом изменяющейся структуры общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества²⁴¹. Современная уголовно-правовая наука и криминология изобилуют значительным количеством исследований понятия, форм и видов криминального насилия. Вместе с тем, нами был обнаружен явный дефицит теоретических исследований типологии личности насильственного преступника, а также типологии основных форм насильственной мотивации. Преимущественно теоретические исследования строятся на выделении отличительных черт насильственных преступников по сравнению с преступниками другого типа либо на типологии отдельных групп насильственных преступников (женщин, несовершеннолетних, рецидивистов и т.д.). Приведем отдельные типологические характеристики личности насильственного преступника, имеющиеся в современной криминологической науке. Так, согласно общепризнанной в науке классификации насильственных преступников, предложенной Н.Ф. Кузнецовой, **выделяются** четыре основных типа насильственных преступников: 1) случайные насильственные преступники, насильственные действия которых представляют собой неадекватную реакцию на внезапно возникший конфликт либо связаны с разовым попаданием в обстановку группового давления. В данном случае, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, насильственная мотивация возникает под воздействием чувства обиды либо солидарности с теми, кого преступник считает «своими», может возникнуть под воздействием подстрекательства и быть спровоцированным употреблением алкоголя, психоактивных веществ либо поведением потерпевшего от преступления; 2) замыкающиеся на конфликте насильственные преступники, чьи преступные действия завершают

²⁴⁰ Брехман Г.И. Пренатальные (дородовые) истоки немотивированного насилия // Вестник Ивановской медицинской академии. – 2008. – Т. 13. - № 34. – С. 66-72.

²⁴¹ Беркинбаев Н.С. Преступность в Республике Казахстан в постсоветский период: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. - С. 12.

перманентный или быстро протекающий конфликт, при этом под воздействием конфликта растет внутренняя напряженность жертвы, размываются сдерживающие от агрессии параметры нравственно-психологической характеристики. Ключевыми точками формирования насильственной мотивации у данных лиц обычно выступают чувство обиды, мести, ревности, возможна также и групповая солидарность с действиями других лиц; 3) отрицательно ориентированные насильственные преступники, у которых, как правило, присутствует предшествующий опыт нарушения общественного порядка и других правонарушений, в силу чего насильственное поведение носит демонстрацию пренебрежительного отношения к общественным устоям. В контексте данного типа насильственного преступника побудительной причиной к агрессивному поведению может явиться любое слово, действие потерпевшего, расцениваемое им как предлог для ссоры или драки. Здесь фактически идет речь о хулиганском типе насильственного поведения со всеми сопутствующими характеристиками личности виновного лица; 4) злостные насильственные преступники преимущественно совершают предумышленные насильственные действия, их насильственное поведение фактически превращается в поведенческий стереотип. Таким лицам свойственны эгоцентризм, жестокость, озлобленность и агрессивность, они трудно поддаются исправительному воздействию и нередко допускают рецидив насильственных преступлений²⁴². Во многом сходная классификация насильственных преступников предложена другим видным исследователем Э.Ф. Побегайло. Взяв за основу характер антиобщественной направленности личности, автор выделяет три основных типа насильственных преступников: 1) с четко выраженной агрессивно-насильственной направленностью (45-55 % исследованных лиц); 2) в целом отрицательно характеризующийся тип личности, ранее совершающей различные правонарушения против личности без явно выраженной насильственной направленности (20 %); 3) случайные преступники, впервые совершившие насильственное посягательство, до него положительно или нейтрально характеризовавшиеся (30 %) ²⁴³. Поскольку данная классификация во многом схожа с ранее приведенной, мы позволили себе представить ее схематично, с целью продемонстрировать основные тенденции криминологической мысли.

Несколько иная типология личности насильственного преступника предложена Ю.М. Антоняном: 1) неуправляемый тип (крайняя жестокость, импульсивность, стремление к лидерству, низкий уровень интеллекта. К данному типу личности относятся серийные преступники, сексуальные маньяки); 2) возбудимый тип (менее выраженная жестокость, преимущественно импульсивный характер поведения. К данному типу Ю.М. Антонян отнес сексуального маньяка А. Чекатило); 3) упорный тип (высокий уровень интеллекта, организованность, тщательное планирование преступления); 4) безвольный тип (недостаток волевых качеств, трусость, часто совершают

²⁴² Криминология: учебное пособие / под редакцией Кузнецовой Н.Ф. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. - С. 74-75.

²⁴³ Побегайло Э.Ф. Понятие и общая характеристика насильственной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2007. - № 2(13). - С. 58-83.

преступления под влиянием других лиц, «воровской романтики»); 5) активный тип (оптимист, склонен к смене деятельности, риску, что нередко приводит к потере самоконтроля и самообладания); 6) демонстративный тип (внешне привлекательный, располагает к себе, жесток, коварен, эгоистичен, склонен к спонтанным действиям); 7) демонстративно застревающий тип (чрезмерные амбиции, стремление к лидерству, жесткость, достижение цели с учетом ориентации на внешние обстоятельства)²⁴⁴. Более лаконичные варианты типологии личности насильственного преступника предлагает Г.Н. Чехов. Так, в зависимости от степени общественной опасности и устойчивости антиобщественной направленности личности автор выделяет: 1) криминально-злостный тип (глубокая нравственная деформация, планирование преступной деятельности); 2) агрессивно-ситуационный тип (действует спонтанно, используя сложившуюся ситуацию); 3) привычный (инфантильный тип). В зависимости от личных мотивов преступного поведения Г.Н. Чехов выделяет: корыстный, насильственный, сексуально-девиантный, «атипично-мотивированный» типы²⁴⁵.

Несмотря на, казалось бы, значительную дифференциацию типов насильственных преступников, предложенную известными криминологами, мы полагаем, что современная картина типологии личности преступника будет не полной без учета особенностей такого типа личности насильственного преступника, который совершает преступное посягательство в отношении лица, находящегося в беспомощном или зависимом от виновного лица положении. В частности, мы полагаем, что именно к такому типу следует отнести значительное количество преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, которые в настоящее время объединяются в рамках социально-криминологического феномена «семейно-бытовое насилие». В современной криминологической науке уже появились самостоятельные исследования личности «бытового» преступника, в структуре которого констатируют значительное количество типологических черт (безответственность, эгоизм, низкий уровень эмоциональной чувствительности, социальная апатия и т.д.), однако они производятся обособленно, не сопоставляются с другими типами насильственных преступников²⁴⁶.

Отметим, что значительное количество составов уголовных правонарушений в качестве конститутивных или квалифицирующих признаков содержат указание на его совершение в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии. Закономерно предположить, что насильственная мотивация в данном случае может и даже должна обладать определенными особенностями по сравнению с иными видами насильственных посягательств. Исследователи вопроса указывают на существующие на практике сложности с

²⁴⁴ Антонян Ю.М. Насильственная преступность в России. – М.: ИНИОН, 2001. – С. 89-90.

²⁴⁵ Чехов Г.Н. Личность современного насильственного преступника как объект криминологического изучения: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. – С. 9.

²⁴⁶ Некрасов А.П., Насреддинова К.А. Социально-демографическая характеристика личности преступника, совершившего бытовые преступления, и их причины // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 4 (359). – С. 159-162.

квалификацией деяний, совершенных в отношении заведомо для виновного беспомощного лица²⁴⁷. Судебная практика складывается таким образом, что к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые; малолетние дети; лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. Что же касается доктринального **толкования** понятия «беспомощное состояние», то к нему принято относить также любые виды бессознательного состояния, в том числе состояние сильного опьянения, пребывание в состоянии сна, а также беременность потерпевшей, слепота потерпевшего, нахождение под воздействием гипноза и некоторые другие²⁴⁸. Ввиду отсутствия унифицированного подхода к отнесению к беспомощному состоянию того или иного физиологического или патологического состояния потерпевшего, существуют теоретические споры и практические коллизии в трактовке и применении данного понятия. В частности, в науке имеет место и однозначное признание пребывания во сне как беспомощного состояния, лишаящего возможности осознавать происходящие внешние процессы²⁴⁹, и полное отрицание данного решения, основанное на признании сна нормальным физиологическим состоянием человека²⁵⁰.

Если с точки зрения уголовно-правовой квалификации особенности насильственной мотивации в том или ином уголовном правонарушении, совершенном в отношении беспомощного лица, не имеет принципиального значения, то в криминологическом плане механизм совершения конкретного уголовного правонарушения может многое сказать о личности насильственного преступника. Если мы имеем дело с ситуационным типом личности насильственного преступника, то степень нравственно-психологической деформации в данном случае может не отличаться от любого другого механизма преступного поведения (не связанного с беспомощным состоянием потерпевшего). Например, при желании причинить смерть конкретному человеку виновное лицо предпочло совершить данное деяние, воспользовавшись состоянием сильного алкогольного опьянения жертвы. Другое дело, если преступник намеренно избирает в качестве жертвы беспомощное лицо. Например, совершает серию корыстно-насильственных уголовных правонарушений в отношении пожилых лиц, инвалидов или малолетних. Такой тип личности недостаточно исследован в криминологической литературе. Полагаем, что в случаях, когда тенденция преступного поведения насильственного преступника связана преимущественно с насильственным поведением по отношению к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, и, в целом, более слабым в

²⁴⁷ Шиян В.И. Беспомощное состояние потерпевшего как объективный признак в преступлениях против личности, совершаемых с применением насилия // Уголовное право. -2014. - № 5. - С. 103-105.

²⁴⁸ См., например: Щерба С., Зайцев О., Сарсенбаев Т. Потерпевший в беспомощном состоянии: особенности судебного разбирательства // Российская юстиция. - 1995. - № 5 - С. 20; Бородин С.В. Преступление против жизни. - СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. - С. 132.

²⁴⁹ Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. - СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. - С. 289.

²⁵⁰ Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: дис. ... докт. юрид. наук. – Майкоп, 2002. - С. 67.

физическом или психологическом аспекте, необходимо говорить об ином типе насильственного преступника, который мы предлагаем назвать «гиперкомпенсационным типом насильственного преступника». Термин «гиперкомпенсация» хорошо известен психологической науке и имеет как позитивный, так и негативный аспекты. В позитивном аспекте интенсивная работа по преодолению собственных недостатков и даже физических недугов способствует совершенствованию личности, достижению серьезных успехов в работе, спорте. Что же касается негативного аспекта гиперкомпенсации, то здесь имеет место озлобленность, психологическая слабость, закомплексованность, в связи с чем самореализация для данного индивида возможна, как правило, посредством вымещения своих психологических проблем на более слабых, уязвимых людях. Известный психолог Альфред Адлер, изучая истоки негативной гиперкомпенсации в раннем детстве, выделил три основные причины ее возникновения: 1) физические недостатки, которые расцениваются как препятствие для самореализации и приводят к озлобленности и скрытой агрессии; 2) излишняя опека со стороны родителей, по причине которой в дальнейшем, столкнувшись с реальным **миром**, лицо начинает испытывать дискомфорт от отсутствия внимания, поощрения со стороны окружающих; 3) жестокое воспитание, которое в итоге приводит к бессердечности, пренебрежению к переживаниям **других** и даже брезгливому отношению к людям²⁵¹.

Выделение гиперкомпенсационного типа насильственного преступника должно иметь не только теоретическое, но и практическое значение. Учитывая глубинные причины формирования **данной** разновидности насильственной мотивации, необходимо разрабатывать специальные формы исправительного воздействия на данных лиц, а также методы профилактики первичных и повторных насильственных посягательств лиц гиперкомпенсационного типа.

Если беспомощное состояние лица, пусть и преимущественно в контексте отдельно взятых составов уголовных правонарушений, получает трактовку в актах официального судебного толкования, то понятие зависимого положения потерпевшего от виновного остается недостаточно изученным. Безусловно, его следует отличать от беспомощного состояния, однако механизм формирования виктимности в данном случае идентичен, поскольку волевая сфера потерпевшего оказывается значительно ограниченной ввиду той или иной формы зависимости от виновного лица в каждом конкретном случае. **В** данном случае речь должна идти, как мы полагаем, о любой форме зависимости, в том числе и об эмоциональной зависимости (которая наиболее типична именно в системе семейно-бытовых отношений). Такого доведение до самоубийства, совершенное в **отношении** лица, находящегося в материальной или иной зависимости от потерпевшего (ч. 2 ст. 105 УК РК), истязание в отношении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от потерпевшего (п. 1 ч. 2 ст. 110 УК РК), и некоторые другие составы уголовных правонарушений (именно по этой причине мы предложили в предыдущей главе

²⁵¹ Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. – М.: Когито-Центр, 2002. - С. 129.

дополнить их квалифицирующим признаком «то же деяние, совершенное в семейно-бытовой сфере»).

Однако имеются и принципиально иные случаи, которые в рамках нашего криминологического исследования представляют научный и практический интерес. К ним следует отнести такие варианты зависимого положения потерпевшего, когда лицо, применяющее насилие, находится выше потерпевшего в той или иной социальной иерархии по причине определенного законом или произвольно присвоенного особого статуса. В первом случае мы имеем в виду случаи применения насилия лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций (т.е. лиц, чей особый социальный статус определен законом). К таким формам насильственных посягательств следует отнести пытки (ст. 146 УК РК), применение насилия или угроза его применения при превышении власти или должностных полномочий (п. 1 ч. 4 ст. 362 УК РК), превышение власти как воинское уголовное правонарушение (п. 1 ч. 2 ст. 451 УК РК). Что касается незаконных форм социальной иерархии, продуцирующих особую разновидность насильственной преступности, то к ним можно отнести предусмотренный уголовным законодательством состав нарушения уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 440 УК РК), а также угрозу применения насилия в отношении положительно характеризующегося осужденного в контексте состава ст. 429 УК РК. В отношении второй выделенной нами разновидности можно, помимо формально определенных уголовным законом, выделить иные возможные криминологические варианты насильственной мотивации (например, случаи насильственного воздействия на членов преступных организаций при наличии обусловленной преступным образом жизни иерархии). Так, в частности, Р. Джансараева, осуществляя типологию личности осужденных, совершающих преступления в местах лишения свободы, особо выделяет доминирующий тип личности – осужденных, стремящихся посредством совершения преступления добиться определенного положения в тюремной иерархии²⁵². В данном случае следует учитывать тот факт, что именно тюремная иерархия, обусловленная субкультурными отношениями, способствует тому, что определенная группа осужденных находится в зависимом положении от лидеров спецконтингента.

Особенностью перечисленных разновидностей насильственных посягательств является тот факт, что в формировании соответствующей незаконной мотивации существенную роль играет факт некоего превосходства виновного над потерпевшим, являющийся причиной **парализации** воли потерпевшего противостоять незаконным насильственным действиям. В случае применения насилия лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, у потерпевшего может возникнуть иллюзия законности совершаемых в отношении него насильственных действий, страх оказать сопротивление и подвергнуться еще более интенсивному насилию, неверие в возможность

²⁵² Джансараева Р. Вопросы типологии личности осужденных, совершающих преступления в исправительных учреждениях // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2005. - № 2 (24). - С. 56.

доказать незаконный характер действий, совершаемых наделенным властью лицом. Что касается такого состава уголовного правонарушения, как пытки, то исследователи вопроса совершенно справедливо указывают на полное подавление воли подозреваемого или обвиняемого лица посредством различного рода угроз по принципу «был бы человек, а статья найдется»²⁵³.

Следует отметить, что в криминологических исследованиях насильственная мотивация представителей государственных органов выделяется не всегда. В частности, Ю.М. Антонян выделяет такую форму насилия как «репрессивное насилие со стороны представителей государства и его органов, в том числе связанное с национальной и расовой дискриминацией»²⁵⁴. И.А. Кудрявцев и Н.А. Ратинова назвали данный вид насильственной мотивации «агрессией, обусловленной неадекватной актуализацией профессиональных стереотипов»²⁵⁵. Вместе с тем, на наш взгляд, исследований данной формы насильственной мотивации в настоящее время недостаточно, что, безусловно, препятствует и эффективной профилактике подобных уголовных правонарушений.

Что касается насильственных посягательств при наличии незаконных форм иерархической зависимости потерпевших, то в данном случае следует констатировать влияние соответствующей субкультуры (криминальная субкультура, субкультура воинских взаимоотношений и т.д.), вопросы нейтрализации которой не входят в предмет настоящего исследования. Большинство ученых совершенно справедливо указывают, что наличие подобных иерархических взаимоотношений обычно признается и виновными, и потерпевшими²⁵⁶.

Исследование данного вопроса позволило нам выделить два самостоятельных вида насильственного поведения (типа личности насильственного преступника) в отношении зависимых лиц. Первый вид – дискреционное насилие – применяется по произволу лица, совершающего соответствующие насильственные действия, оно может быть мотивировано желанием показать свое превосходство, бравадой властными полномочиями или авторитетом в соответствующей среде, может иметь место без видимой необходимости, своего рода «насилие ради насилия». Второй вид – репрессивное насилие – применяется как акт мести за какие-либо совершенные потерпевшим действия (например, за сотрудничество осужденного с администрацией учреждения, за отрицание подозреваемым своей причастности к совершенному уголовному правонарушению и т.п.). Соответственно указанным видам насильственного поведения можно выделить общий «дискреционный» тип насильственного преступника.

В заключение данной части общих вопросов криминологического анализа

²⁵³ Брамонтов Р. Проблемы применения пыток оперативными работниками органов внутренних дел // Вестник КарГУ. Серия Право. - 2016. - № 1(81). - С. 32.

²⁵⁴ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. - М.: Норма Инфра-М, 2010. - С. 216.

²⁵⁵ Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. - С. 115.

²⁵⁶ Калужный А.С. Психология взаимоотношений в подразделении. - Нижний Новгород, 2004. - С. 24.

насильственной преступности следует отметить, что в науке разработано значительное количество частных исследований отдельных **составов** (групп) насильственных уголовных правонарушений. Данные исследования обладают безусловной значимостью, поскольку способствуют формированию общего представления о наиболее значимых криминологических параметрах насильственной преступности в целом. Вместе с тем, комплексных криминологических **исследований** насильственной преступности, основанных на строгом выделении «индексной» группы насильственных посягательств, в науке до настоящего времени практически нет. В данном аспекте существуют вполне объективные сложности, по причине которых даже на уровне диссертационных и монографических исследований происходит акцентирование внимания не на общей группе насильственных посягательств, а лишь на отдельных, наиболее распространенных и показательных составах уголовных правонарушений. Данное обстоятельство, на наш взгляд, подтверждает верность избранной нами методологии узкого подхода к трактовке насильственных преступлений и обоснованию необходимости четкого определения «индексных» насильственных преступлений.

В целом, следует отметить, что криминологические исследования, связанные с расширительной трактовкой понятия «насильственная преступность» преследуют иные цели, нежели настоящее исследование. Мы последовательно акцентируем теоретические выводы лишь в отношении той группы преступных посягательств, в которых насильственная мотивация является доминантой (или, как минимум, одной из доминант, если есть основания говорить о паритетной мотивации). Полагаем, что только такой вектор исследования способен реально выявить специфические криминологические параметры насильственной преступности.

Обоснованный нами в ходе теоретического исследования уголовно-правовых аспектов межструктурный (консолидированный) объект насильственных преступлений имеет значение и в контексте криминологического изучения насильственной преступности, поскольку на его основе можно выделить группу «индексных» насильственных преступлений, в отношении которых следует осуществлять обособленные статистические исследования (по примеру многих зарубежных стран). Количество насильственных преступлений в группе «индексных» преступлений не должно быть более 15 составов, что позволит обеспечить более качественный анализ состояния и тенденций насильственной преступности в стране, изучить параметры характеристики лиц, совершающих данные преступные посягательства, выработать меры профилактического воздействия. Кроме того, в рамках этих же «индексных» преступлений следует осуществлять и виктимологическое статистическое исследование, что позволит осуществить двухвекторный криминологический анализ и воздействие.

Исследование значительного массива криминологических исследований, посвященных отдельным проблемам предупреждения тех или иных насильственных преступлений, продемонстрировало тот факт, что по-прежнему профилактическое воздействие идет в одновекторном направлении: от

субъектов профилактики к ее адресатам. Однако, на наш взгляд, тенденцией современных криминологических исследований, в том числе и насильственной преступности, должно стать их смещение в прикладную плоскость. Преимущественно данные процессы обусловлены включением в правоприменительную практику РК института пробации, в рамках которой предполагается изучение и прогнозирование рисков криминального поведения конкретного лица на основе имеющихся выявленных статистических закономерностей и корреляций. Соответственно, уголовно-правовая статистика должна быть переориентирована с измерения преступности исключительно на основе абсолютных показателей на статистическое измерение факторов и условий, связанных с совершением конкретных насильственных преступлений, их суммирование, выявление наиболее критичных состояний (корреляций) с точки зрения потребностей изучения криминальных рисков.

Как мы полагаем, нельзя оставить без внимания и те формы насильственного поведения, которые не находятся в сфере уголовно-правовой юрисдикции, но достаточно плотно к ней «примыкают». Учитывая тот факт, что значительная часть случаев совершения менее тяжких форм насильственных деяний (умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои) в настоящее время находится в сфере административно-правовой юрисдикции, требуется их постоянный тщательный мониторинг и сопоставление с уголовно-правовыми формами насильственного поведения. В данном случае следует учитывать, что насильственное поведение имеет свойство кумуляции, перерастания в более тяжелые формы, равно как необходим учет также такого фактора, как трансляция насильственного опыта последующим поколениям.

Ценность любого исследования, в особенности, криминологического, во многом определяется возможностью на основе полученных данных, анализа тенденций развития соответствующих криминальных процессов и явлений дать более или менее реальный прогноз относительно возможных перспективных состояний исследуемого объекта. Мы, в частности, полагаем, что к перспективам криминологических исследований следует отнести так называемое «немотивированное» насилие как особый феномен современности, имеющий тенденцию к росту и не связанный до настоящего времени с более или менее четкими параметрами криминологической оценки.

Одним из необоснованно статичных, «замерших» направлений по исследованию насильственной преступности нам представляются вопросы типологии насильственных преступников. Проведенное исследование продемонстрировало тот факт, что обобщенных типологий в науке явно недостаточно, равно как и имеет место недостаточный учет ряда специфических типов насильственного поведения и личности насильственного преступника. В частности, современные типологии не учитывают такого типа насильственных преступников, которые совершают посягательства в отношении лиц, находящихся в беспомощном или в зависимом от виновного лица положении. Соответственно, мы выделили два самостоятельных типа насильственного преступника – «гиперкомпенсационный» (для которого

совершение преступления в отношении более слабого человека является элементом психологической гиперкомпенсации) и «дискреционный» (применяющий насилие «по произволу», используя свое положение в той или иной социальной иерархии). Гиперкомпенсационный тип насилия наиболее **характерен** для сферы семейно-бытовых отношений, что же касается дискреционного типа, то он, в частности, устанавливается в таких деяниях, как пытки, неуставные отношения между военнослужащими.

2.2 Некоторые специальные вопросы криминологической характеристики насильственной преступности

Традиционным для современных криминологических исследований является обособленное изучение женской преступности, преступности несовершеннолетних, пожилых лиц, а также дифференцируемых по другим криминологически важным основаниям микро-сегментов преступности (в городской и сельской местности, первичной и рецидивной, единоличной и групповой и т.д.). Сообразно данным отраслям исследований, выделяют такие специальные отрасли криминологической науки, как феминология, ювенология, геронтология, региональная криминология и др. Современная правовая статистика также учитывает значимость отдельных специфических факторов, обособляя статические показатели преступности в отношении тех или иных лиц, обстоятельств совершения уголовного правонарушения и т.д. Обособление статданных в отношении женщин, несовершеннолетних, равно как и их самостоятельное изучение, имеет целый ряд объективных оснований, поскольку процесс **криминализации** женщин, несовершеннолетних лиц (равно как и лиц пожилого возраста) имеет существенные отличительные особенности, как и характер совершаемых ими уголовных правонарушений. Причем проявляются данные особенности в любом сегменте преступности, включая и насильственные формы криминального поведения.

В любом обществе, с любым уровнем социально-экономического развития, политических процессов, культурного «кода» тенденции роста женской преступности, в особенности, насильственных видов уголовных правонарушений, **дают** основание констатировать наличие серьезных социально-экономических проблем, поскольку процесс криминализации женщины и механизм формирования ее криминального поведения, как правило, значительно более глубокий и продолжительный по времени. Женщине в обществе отведена важнейшая социальная функция: она, в первую очередь, жена, мать, хранительница семейного очага. В последние годы возросла операционность термина «гендерный дисплей», введенного в научный оборот Ирвином Гофманом и означающего социально обусловленное многообразие проявления половой принадлежности на уровне межличностного общения²⁵⁷.

²⁵⁷ Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия / под ред. С. Жеребкина. - Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. - С. 306-335.

Данное понятие призвано отделить восприятие мужской и женской дихотомии традиционного общественного бытия от исключительно анатомо-физиологической принадлежности, иными словами, половая принадлежность определяется с рождения, а гендер формируется в ходе развития соответствующих социальных взаимодействий по поводу половой принадлежности. При этом, гендерный дисплей не является универсальным понятием, он детерминируется культурой и властными отношениями, сложившимися в конкретном обществе. В связи с чем справедливы утверждения исследователей насильственной женской преступности в том, что изучать феномен женского насилия не следует посредством простого сопоставления с формами мужского насилия, поскольку в данном случае мужское насилие воспринимается как своего рода «образец», а женское насилие начинает рассматриваться как некое подражание мужскому насилию²⁵⁸.

В целом, как мы полагаем, в современных самостоятельных исследованиях женской преступности следует исходить именно из понимания гендера как особой социальной роли, основанной на различиях, связанных с биологическим полом. Так, в частности, учет беременности как особого состояния женщины, влияющего на оценку любых параметров криминального насилия (как самой женщины, так и направленного против нее), конечно же, преимущественно основан на биологических отличиях женщины и мужчины. Неизбежны данные отличия и в сравнении чисто физических параметров, имеющих значение, например, для совершения акта физического насилия (хотя, в данном случае они более относительны, поскольку женщина может быть хорошо развита в физическом плане, иметь значительную мускульную силу). В контексте женской преступности, как указывают практически все исследователи (начиная с Ч. Ломброзо), решающее значение играют социально-экономические факторы, а также факторы личной жизненной ситуации (семейное благополучие, стабильные отношения с партнером и т.п.) и нравственно-психологические характеристики (уровень воспитания, **отношение** к семейным ценностям, способность к самообладанию, отношение к употреблению алкоголя, наркотиков и т.д.). Любое сопоставление женского насилия с насильственными формами мужского насильственного поведения, даже при объективном сходстве поведенческих актов, необходимо производить с учетом серьезной специфики формирования насильственной мотивации у женщин. Так, например, судебно-следственная практика и психологические исследования показывают, что насильственные посягательства на почве ревности у мужчин, как правило, направлены на саму женщину, а у женщин – преимущественно на соперницу (либо на неодушевленные предметы, принадлежащие неверному супругу). Весьма наглядно гендерный аспект преступности в целом и **насильственной** преступности в частности индицируется посредством исследования участия женщин в совершении

²⁵⁸ Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2008. – С. 5

террористических преступлений. Исследователи данной формы криминального поведения женщин акцентируют внимание на том факте, что женщины достаточно часто используются в качестве террористок-смертниц, при этом объектом вовлечения в террористическую деятельность становятся «подходящие» лица женского пола, в первую очередь вдовы погибших террористов или другие близкие родственники, а также женщины, которые по тем или иным причинам становятся изгоями в обществе, ведут замкнутый образ жизни, по причине которого достаточно быстро радикализируются²⁵⁹. Подвижность гендерного дисплея особенно сильно проявляется при сопоставлении социальных функций и свободы женщины в развитом светском обществе и в обществе фундаментального религиозного типа. В последнем случае женщина, как известно, фактически подвержена значительным ограничениям, к ее поведению предъявляются серьезные социальные ограничения, в результате чего диспропорция социальных взаимодействий мужчины и женщины является чрезвычайной. В смежных криминологических исследованиях указывается, в частности, на такой способ вовлечения женщины в совершение терактов, как умышленная провокация с целью создания имиджа моральной распущенности женщины (вплоть до надругательства с фиксацией данного факта с помощью видеозаписи) с последующим убеждением, что очистится теперь она может только посредством самоподрыва в результате теракта²⁶⁰.

Таким образом, женская насильственная преступность должна исследоваться как своеобразный симбиоз двух самостоятельных криминологических феноменов – собственно насильственной преступности со всеми ее специфическими формами проявления и женской преступности как таковой с обязательным учетом параметров гендерного дисплея женщины в соответствующих социальных реалиях. Еще раз акцентируем внимание на том обстоятельстве, что следует окончательно изменить вектор исследования женских (фемининных) форм криминального поведения исключительно посредством сопоставления с традиционными формами мужского (маскулинного) криминального поведения. Что же касается женской насильственной преступности, то данный факт сам по себе должен рассматриваться как тревожный сигнал дисфункции существующих социальных взаимодействий в обществе, приводящих к деформации соответствующего гендерного дисплея. Исследователь вопросов женской преступности в РК И.В. Корзун достаточно подробно перечислил причины современной **женской** преступности, которые непосредственно связаны с нежелательной трансформацией сложившегося гендерного баланса в обществе: подрыв существующей системы ценностей, в частности, падение

²⁵⁹ Кулешов Р.В. Криминалистически значимые особенности субъектов преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: гендерный аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. - № 2 (24). - С. 89-93.

²⁶⁰ Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2014. - № 3 (30). - С. 166.

нравственности и семейных устоев; неблагоприятные социально-экономические условия жизни значительного числа женщин, по причине которых они вынуждены фактически выполнять традиционные «мужские» функции; экспансия культуры, пропагандирующей свободные отношения, коммерциализацию внешней привлекательности, развитие различных форм секс-индустрии и т.д.²⁶¹. Вполне закономерно, что указанные факторы привели к серьезному изменению в структуре женской преступности, которые диагностировались казахстанскими исследователями еще в начале 2000-х годов: рост насильственной, корыстно-насильственной преступности, а также масштабное вовлечение женщин в наркотрафик, чему способствовали серьезные социально-экономические проблемы, высокий уровень безработицы среди женщин, возрастание количества женщин, в одиночку воспитывающих детей²⁶². Отечественные исследователи стали также отмечать тот факт, что женская преступность приобрела тенденцию к омоложению, стала заметно зависима от таких факторов, как употребление алкоголя, наркотиков, возрастанию доли участия в структуре тяжких и особо тяжких преступлений²⁶³. В более поздних теоретических изысканиях отмечены еще более тревожные тенденции. Так, в частности, указывается, что «среди особо опасных тенденций современного женского криминального поведения выделяются такие, как интенсивный рост тяжких деяний, устойчивый удельный вес рецидивных преступлений, снижение возраста (омоложение) преступниц, и, вместе с тем, увеличение количества женщин пожилого и старческого возраста, а также инвалидов среди осужденных. Жестокость, насильственные способы разрешения конфликтных ситуаций, продуманность преступных актов стали характерными признаками многих преступлений, совершаемых женщинами»²⁶⁴.

В Концепции семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года указывается, что, несмотря на определенные достижения в области гендерной политики, остается целый ряд проблем, приводящих к гендерной диспропорции: продолжает сохраняться стереотипность при определении области получения профессионального образования, по-прежнему невысокий процент женщин на руководящих должностях и их значительно меньший потенциал влияния на принятие управленческих решений, низкий процент соотношения с «мужской» зарплатой по сравнению с развитыми в социально-экономическом плане государствами и т.д.²⁶⁵. Все эти факторы также должны иметь непосредственное влияние на вопросы изучения причин и форм криминализации женского поведения.

²⁶¹ Корзун И.В. Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин (по материалам Республики Казахстан): дис. ... докт. юрид. наук. - Алматы, 2001. - С. 64, 104.

²⁶² Алауханов Е.О. Криминологическая характеристика преступности среди женщин // Фемида. - 2006. - № 11(131). - С. 13.

²⁶³ Ким Н.П., Кенжеалиева А.В. Об основных направлениях профилактики женской преступности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2008. - № 2. - С. 46-47.

²⁶⁴ Жумагазин А. Специфика женской преступности // Вестник казахско-русского международного университета. - 2013. - С. 48.

²⁶⁵ Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384.

В рамках исследования указанной проблемы неизбежно следует остановиться на рассмотрении вопросов, касающихся насильственной половой преступности под призмой современной трактовки гендера и современной гендерной политики мирового сообщества в целом и Казахстана в частности. Речь идет о современных тенденциях в социологии, сексологии и других сферах, затрагивающих вопросы сексуальной жизни, динамику их развития и изменения. Данный вопрос частично уже был затронут нами в первой главе настоящего исследования. Так, для уголовного законодательства Казахстана, как и большинства стран постсоветского пространства, при определении параметров уголовной ответственности за насильственные половые посягательства по-прежнему характерным является обособление изнасилования как насильственного полового посягательства мужчины на женщину в естественной форме от иных форм сексуального насилия (помимо стран СНГ и Балтии, такого рода законодательная регламентация изнасилования имеет место в уголовном законодательстве Пакистана, Венгрии, Индии, КНР, Болгарии, Уганды)²⁶⁶. Безусловно, с позиции превалирующих до настоящего времени представлений казахстанских граждан в контексте сексуальных отношений изнасилование в действующей уголовно-правовой регламентации представляет собой более общественно опасную форму сексуального насилия, поскольку оно непосредственно детерминировано естественными биологическими отличиями между мужчиной и женщиной, между маскулинностью и фемининностью. Учитывая тот факт, что значительная часть современного социума в настоящее время целенаправленно пропагандирует политику равенства полов и даже нередко идет по пути выделения гендеров, не основанных на анатомо-физиологическом поле (так называемых трансгендеров), закономерной представляется и практика отказа многих стран от отдельного выделения состава изнасилования в том виде, как он предусмотрен в отечественном уголовном законодательстве. В результате, уголовное законодательство многих стран (например, Франции, Германии, Нидерландов, Бельгии, США, Англии, Испании и др.) в качестве объективной стороны состава изнасилования предлагают различные варианты такого деяния, которое можно объединить термином «проникновение», при этом в ряде случаев **отсутствуют** специальные признаки потерпевшего от данного преступления, то есть предполагается уголовная ответственность за изнасилование не только в отношении мужчин, но и женщин. В целом, конечно, несмотря на стремительные изменения в вопросах сексологии и определения гендеров, мировая практика свидетельствует о том, что проявление сексуального насилия со стороны женщин представлено весьма редкими случаями, что объясняется анатомо-физиологическими особенностями и гендерным дисплеем женщин в современном обществе. Так, анализ статистических данных Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генпрокуратуры РК за период с 2011 по 2018 год показывает, что

²⁶⁶ Антонян А.П., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилование: причины и предупреждение. - М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1990. – С. 68.

случаи совершения женщинами насильственных действий сексуального характера в среднем не превышают 3,5-4,5 % от общего количества зарегистрированных соответствующих уголовных правонарушений, менее 0,28 % составляют случаи участия женщин в качестве соисполнителей изнасилования²⁶⁷. Вместе с тем, нельзя исключать и вероятность пересмотра уголовно-правовой регламентации изнасилования в казахстанском законодательстве с учетом стремительно меняющегося отношения к гендеру в общемировой практике.

Необходимо констатировать, что гендерные особенности криминального поведения женщин в обязательном порядке находят свое отражение как в рамках характеристики насильственной преступности в целом, так и в вопросах оценки отдельных форм насильственных посягательств. Согласно криминологическим исследованиям по вопросам женской насильственной преступности, подавляющее большинство насильственных посягательств совершается женщинами в сфере семейно-бытовых отношений. Незначительный, но достаточно стабильный процент «женского» насилия имеет место также в контексте совершения корыстно-насильственных посягательств. Официальная статистика демонстрирует незначительные колебания количественных посягательств корыстно-насильственных посягательств женщин, но в среднем за период 2011-2018 гг. процент участия женщин в грабежах и разбоях не превышает 7,6 %²⁶⁸. Данные сферы занимают практически весь сектор женской насильственной преступности, незначительные факты имеют также место в контексте пенитенциарной насильственной преступности и участия в совершении преступлений экстремистско-террористического характера (последнее обстоятельство больше относится к общемировым тенденциям преступности).

Систематизация научных публикаций по вопросам женской насильственной преступности позволила автору настоящей работы выделить некоторые наиболее типичные формы «женской» агрессии при совершении насильственных посягательств: 1) применение насилия как защиты при нападении; 2) применение насилия как упреждающей меры при наличии основания ожидать нападения (наиболее типично при семейно-бытовом насилии); 3) применение насилия для устранения сложной или неблагоприятной ситуации (здесь достаточно высока вариативность: и детоубийство, и устранение соперницы, и применение насилия к лицу, осведомленному о каких-либо интимных обстоятельствах жизни виновной, и т.д.); 4) применение «отсроченного» насилия как мести потерпевшему за ранее совершенные им действия в отношении виновной. Возможны и другие варианты, однако, перечисленные, безусловно, преобладают.

Следует отметить, что для женщин являются достаточно характерными случаи привлечения для совершения насильственных посягательств третьих лиц, преимущественно, мужского пола. В таких ситуациях женщина выступает

²⁶⁷ Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // www.pravstat.kz

²⁶⁸ Там же.

в роли подстрекателя и (или) организатора насильственного посягательства. Объясняется это анатомо-физиологическими особенностями женщин, которые в большинстве своем не склонны к личной реализации физической агрессии в силу более слабой конституции и иных физиологических особенностей.

Механизм формирования индивидуального преступного поведения женщины, **формирующегося** на основе насильственной мотивации, также неизбежно определяется гендерными особенностями. Так, направленность агрессии можно условно разделить на три возможных направления, и в каждом из данных направлений «женское» насилие будет существенным образом отличаться от «мужского». Здесь следует учитывать тот факт, что среднестатистическая женщина в силу своей фемининности, обусловленной биологически определенными физическими и психическими параметрами, обладает небольшой мускульной силой и психически не склонна к применению физического насилия. В силу **этого** использование нетипичных для фемининного склада форм поведения, как правило, имеет иную причину, а насильственный способ поведения избирается либо по причине предпочтительности в данном случае, либо по причине критической напряженности ситуации, когда насилие является неизбежной реакцией. Во-первых, насильственное посягательство может быть направлено на более слабого в физическом плане потерпевшего. В данном контексте наиболее типичны убийства новорожденных детей (причем как в привилегированном, так и в основном составе), применение насилия к детям старшего возраста либо к пожилым лицам, а также к животным. Во-вторых, насильственное посягательство может быть направлено на «равного» по физической силе потерпевшего, т.е. на другую женщину (превалирующим в данном случае является мотив ревности, но также возможен и целый ряд иных мотивов: личная неприязнь, зависть; у женщины, отбывающей наказание в виде лишения свободы – стремление самоутвердиться, обеспечить собственную безопасность и т.д.). И, наконец, в-третьих, насильственное посягательство может быть направлено на более сильного в физическом плане потерпевшего, т.е. на мужчину. Такого рода посягательства, как уже ранее указывалось, преимущественно совершаются как акт самозащиты либо упреждающего насилия в целях обеспечения собственной безопасности и происходят преимущественно в сфере семейно-бытовых отношений.

Значительные особенности проявления гендерного аспекта имеют место в контексте пенитенциарной преступности женщин, в особенности насильственных ее форм. Гендерным дисплеем женщины как характеристики, обусловленной спецификой социальных взаимодействий, предопределено более сильное тяготение к определенной социальной функции, преимущественно к традиционной функции женщины-матери, женщины-супруги. По этой причине нахождение в изолированном социуме идентичных по анатомо-физиологическому полу лиц способно оказывать существенное деформирующее воздействие на структуру и проявление гендерного дисплея у женщины, отбывающей наказание в виде лишения свободы. Потребность в выполнении определенной социальной роли, более сильное тяготение, нежели у

мужчин, к ощущению стабильности социальных взаимодействий нередко побуждает прибегать к сублимациям обычных, стереотипных моделей поведения. Как в обычной жизни женщина способна использовать насилие для защиты своего привычного уклада жизни (сохранения партнера, стабильного уклада семейной жизни, материального благополучия и т.п.), так она способна применить насилие и для защиты сублимированного состояния в условиях несвободы. Исследователи приводят наиболее типичные формы насильственного (агрессивного) поведения женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы: около 80 % составляют в совокупности случаи физической расправы и угроз применения насилия, остальная часть приходится на клеветнические высказывания в адрес потерпевшей, направленные на ее психическое «уничтожение» посредством распространения о ней порочащих сведений. Для пенитенциарной насильственной преступности женщин весьма характерен **корыстный** мотив насильственного поведения, а также насильственные действия под воздействием подстрекательства со стороны других осужденных либо под воздействием провокации²⁶⁹. Кроме того, следует учитывать тот факт, что для женщин в значительно большей степени деструктивными, нежели для мужчин, являются длительные сроки лишения свободы, что обусловлено преимущественно более болезненными переживаниями по поводу разлуки с детьми, значительно более коротким репродуктивным периодом, чем у мужчин. В результате чего имеются значительные риски различных психологических фрустраций, снижение восприятия собственной гендерной самоидентичности, развитие пессимистического взгляда на жизнь - все это в комплексе способно стать генератором нового всплеска насильственного поведения, включая и аутоагрессию (насилие, направленное против самой себя).

Равно как и в комплексе детерминирующих факторов, гендерный аспект преступности оказывает неизбежное влияние и на типологию женщин, совершающих насильственные преступные посягательства. В предыдущем параграфе мы приводили наиболее функциональные типологические характеристики личности насильственного преступника безотносительно к половой принадлежности (хотя, следует признать, что они представляются более функциональными в разрезе мужской преступности). Соответственно, отдельный теоретический интерес представляет типология женщин, совершающих насильственные преступления. Как мы уже упоминали, одним из первых, кто осуществил типологию женщин-преступниц, был Ч. Ломброзо. По его мнению, всех преступниц женского пола можно отнести к четырем основным группам: 1) врожденные (с наибольшей степенью нравственной деформации, самые опасные); 2) случайные (состоят из двух самостоятельных подтипов – совершающих преступления под влиянием внушения и **прибегающих** к преступным действиям из-за стечения личных обстоятельств); 3) «преступницы по страсти» (преимущественно молодые женщины, поскольку

²⁶⁹ Касимова Э.Р. Женская насильственная преступность в исправительных учреждениях // Вестник Вятского государственного университета. – 2011. - № 2-5. - С. 192-195.

Ч. Ломброзо непосредственно связывал данный тип с периодом расцвета половой жизни, который нередко связан с нравственно-деформированным восприятием и аффектами); 4) самоубийцы (данный тип Ч. Ломброзо также включил в типологию женщин-преступниц, указывая, что женщины в пять раз более склонны к суициду по причине физических страданий, нищеты, любви)²⁷⁰. Безусловно, данная типология преимущественно имеет значение исключительно в рамках историко-теоретического исследования. Однако мы привели ее с той целью, чтобы продемонстрировать тот факт, что специфические признаки женской преступности, в том числе и женского насилия, стали предметом исследования достаточно давно. В современных классификациях (типологиях) женщин, совершающих насильственные преступления, отсутствует методологическое единство, поскольку, как правило, критерием обособления того или иного типа является либо сравнительно-сопоставительный анализ с типом мужчин, совершающих акты насилия, либо типология в контексте конкретных видов преступных посягательств. Так, в частности, С.А. Попова предлагает типологию насильственного поведения на основе направленности и роли агрессии в механизме преступного поведения и выделяет следующие типы агрессии: 1) инструментальная (средство для достижения цели, самоутверждения, разрешения внутренних психологических проблем); 2) враждебная (своего рода «насилие ради насилия», связана с жестокостью, получением удовольствия от страдания жертвы); 3) защитная (связана с реакцией на насилие, эмоциональная защита, выражающаяся в обиде, мести за причиненные физические или психические страдания). Автор приходит к выводу, что для женщин, совершающих насильственные преступления, наиболее характерной является защитная агрессия и практически не констатируется враждебный тип²⁷¹. Данные выводы находятся в полной корреляции с ранее приведенными нами теоретическими выводами о специфике женского насильственного поведения.

Определенный теоретический интерес представляют типологии женщин в рамках совершения исключительно «женского» насильственного преступления - детоубийства. Так, в частности, исследователями определяются следующие типы женщин, совершающих данные насильственные акты: 1) асоциальный (для них рождение ребенка является нежелательным, как правило, вследствие асоциального образа жизни, пьянства, бродяжничества, беспорядочных половых связей); 2) легкомысленно-конформный (как правило, молодые женщины, нередко из благополучных семей, для которых беременность и рождение ребенка оказались нежелательными, идущими вразрез с их жизненными планами, а также связанными с нежелательной оглаской, осуждением); 3) последовательно-злостный (наиболее опасный тип преступниц, обычно планирующих детоубийство, у которых, как правило, уже есть дети, к

²⁷⁰ Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка / Ч. Ломброзо, Г. Ферреро. – Ставрополь: Торба, 1991. – С. 220-228.

²⁷¹ Попова С.А. К вопросу о личностных характеристиках женщин, совершающих насильственные преступления / С.А. Попова // Российский следователь. – 2007. – № 21. – С. 24–26.

которым они также относятся без достаточного внимания и заботы)²⁷². Также обращает на себя внимание и типология женщин, совершающих насильственные преступления в группе, в рамках которой выделяют: 1) женщину-лидера (как правило, имеет место в ситуациях, о которых мы уже упоминали, когда женщина выступает организатором, заказчиком преступления; 2) женщина, зависимая от лидера (преимущественно это зависимость от мужчины, с которым женщина находится в браке или сожительствует, по причине чего она содействует ему в подготовке, совершении или сокрытии следов совершенных преступлений); 3) «женщина-приманка» (обычно молодые или среднего возраста женщины, внешне привлекательные, используемые в механизме совершения преступления, которые нередко сами могут стать жертвой насильственных действий)²⁷³.

В **заключение** криминологического исследования женской насильственной преступности еще раз акцентируем внимание на том обстоятельстве, что мотивационная сфера женщин имеет существенные отличительные особенности, обусловленные гендерным фактором. Так, казахстанские исследователи подчеркивают, что независимо от вида, характера и сферы совершения преступного посягательства у женщин преобладающими являются «семейные мотивы», причем в данном понятии объединяются не только собственно семейные отношения, но и любые другие формы отношений, имеющие важное значение для виновной (сожительство с мужчиной, другие формы личной привязанности, в том числе и забота о детях, пожилых родителях и т.д.)²⁷⁴. Соответственно, при разработке мер предупредительного воздействия на женскую насильственную преступность необходимо учитывать «оздоровительный» характер наиболее значимых факторов: социальную защищенность женщин, равенство социальных возможностей (в первую очередь, в вопросах трудоустройства, достойного материального вознаграждения за труд), необходимость поддержки семьи и семейных ценностей (данные вопросы будут дополнительно проанализированы в третьей главе настоящего исследования).

Приведенный краткий теоретический анализ позволил выявить наиболее значимые специфические факторы, определяющие причину, особенности формирования насильственной мотивации и механизма совершения насильственных преступлений женщинами. Самую непосредственную связь с анализом женской насильственной преступности имеет и криминологическое исследование насильственной преступности несовершеннолетних лиц: риски формирования насильственной мотивации у несовершеннолетних, как правило, также (а, скорее, даже в большей степени) обусловлены семейными факторами, обстановкой в семье, процессом воспитания, наличием возможностей для самореализации подростка и, конечно же, фактором наличия насильственного

²⁷² Фетодов И.С. Расследование детоубийств : учеб. пособие / И.С. Фетодов. – М.: Юрлитинформ, 2003. – С. 43.

²⁷³ Соловьева Н.А., Елфимова Е.И. Криминалистическая типология женщин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2010. - № 2 (13). – С. 152-154.

²⁷⁴ Сембекова Б.Р. Установление обстоятельств преступлений, совершаемых женщинами // Вестник КарГУ. – 2014. - № 3 (75). - С. 98.

паттерна в «первичной», родительской семье. Так, в частности, отечественные исследователи преступности несовершеннолетних в РК, наряду с общими факторами, непосредственно воздействующими на любой сегмент преступности (экономическое развитие региона, политические, демографические и др.) называют проблемы снижения роли семьи в воспитательном воздействии на подростков и предупреждении девиантного поведения на ранних стадиях, а также сложившиеся негативные обстоятельства, при которых «система образования как институт воспитания детей и один из основных субъектов предупреждения преступности несовершеннолетних не выполняет в полном объеме свои функции и задачи»²⁷⁵. «Преступность несовершеннолетних, - указывают Е.О. Алауханов, З.С. Зарипов, А.Ж. Тукеев, - как и преступность вообще, является социальным фактором, зависящим от различных обстоятельств в жизни общества и в первую очередь от социально-экономических, демографических, миграционных процессов»²⁷⁶. Что касается насильственных форм криминального поведения несовершеннолетних, то, как указывают исследователи, данный способ достижения своих целей (самоутверждения, протеста, удовлетворения потребностей) нередко становится наиболее простым, действенным и своего рода престижным («культ силы»), что обуславливается недостаточным уровнем образования, социальной зрелости²⁷⁷.

Следует отметить, что действующий УК РК в контексте ответственности несовершеннолетних за насильственные преступления практически связывает наиболее строгие пределы ответственности именно с фактами насильственных посягательств. Так, в частности, ст. 15 УК РК, предусматривающая перечень уголовных правонарушений, за которые уголовная ответственность наступает с 14-летнего возраста, содержит 29 составов, из которых 13 составов непосредственно связаны с применением насилия, еще в нескольких составах насилие присутствует в вариативной части возможного механизма совершения преступления (например, при угоне транспортного средства, хищениях наркотических средств, психотропных веществ, хулиганстве). В ряде случаев факт совершения насильственного преступления (в частности, убийства, причинения тяжкого вреда здоровью) указывается в качестве обстоятельства, являющегося препятствием для применения к осужденному норм об освобождении от уголовной ответственности (ч. 3 ст. 83 УК РК).

Вместе с тем, следует отметить и весьма спорный характер некоторых законодательных установлений. Так, согласно части 2 ст. 65 УК РК, предусматривающей случаи исключения возможности освобождения от уголовной ответственности при наличии деятельного раскаяния, в перечне преступных посягательств, препятствующих применению положений части

²⁷⁵ Каржаубаева Л.М. Преступность несовершеннолетних в Республике Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - С. 8.

²⁷⁶ Алауханов Е.О., Зарипов З.С., Тукеев А.Ж. Преступность несовершеннолетних и ее профилактика: **монография**. - Алматы, 2009. - С. 25-26.

²⁷⁷ Щербаков И. В. Криминологические особенности изучения личности несовершеннолетних преступников и лиц молодежного возраста, отбывших наказание в виде лишения свободы // Российский следователь. - 2004. - № 12. - С. 35-36.

первой данной статьи, содержится указание на совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. При этом имеется указание, что данное наказание не распространяется на лиц, совершивших данные преступления в возрасте от 14 до 18 лет. Аналогичное установление имеет место и в ряде других статей УК РК (ч. 4 ст. 68, ч. 8 ст. 72, ч. 2 ст. 73, ч. 2 ст. 76, ч. 2 ст. 78 УК РК). Таким образом, можно утверждать, что данное положение имеет практически «сквозной» характер, хотя, например, в ч. 6 ст. 69 УК РК (устанавливающей ограничения на возможность освобождения от уголовной ответственности с установлением поручительства) указывается просто факт совершения преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, без детализации возрастных параметров виновного. Анализируемое законодательное решение представляется нам в корне противоречащим как необходимости охраны такого важного объекта, как половая неприкосновенность несовершеннолетнего лица, так и оценке механизма совершенного преступления с позиции виктимологического аспекта. Достаточно странным будет предположение, что законодатель в данном случае руководствовался тем, что насильственное половое посягательство со стороны несовершеннолетнего лица будет воспринято жертвой преступления менее болезненно. Отметим, что в рамках специальных исследований вопросов насильственной преступности несовершеннолетних высказываются мнения относительно того, что «несовершеннолетний, совершивший агрессивно-насильственные формы поведения, воспринимается жертвой иначе, чем посягающий взрослый, и в дальнейшем этот эмоциональный надрыв становится преградой в общении с другими несовершеннолетними или влечет негативные к ним проявления, что в меньшей степени присуще последствиям преступных посягательств взрослых лиц»²⁷⁸. Полагаем, что данное утверждение в особенности имеет значение для несовершеннолетних потерпевших, поскольку им в дальнейшем придется преимущественно общаться именно с близкими по возрасту молодыми людьми.

Кроме того, анализируемое законодательное установление вносит некоторую непропорциональность в учет степени общественной опасности насильственных деяний, совершаемых несовершеннолетними. Одним из основных критериев (показателей) признаваемой и фиксируемой законодателем степени общественной опасности того или иного уголовного правонарушения, безусловно, является санкция соответствующей уголовно-правовой нормы. Так, например, в ч. 3 ст. 83 УК РК указывается на возможность освобождения несовершеннолетнего лица от уголовной ответственности по правилам ст. 68 УК РК (примирение с потерпевшим), за исключением случаев причинения смерти или тяжкого вреда здоровью человека. При этом следует отметить, что в отношении квалифицированных видов изнасилования и насильственных действий сексуального характера степень пенализации устанавливается равной умышленному убийству (мы в рамках настоящего исследования не ставим

²⁷⁸ Стабровская Е.А. Насильственная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение уголовно-правовыми мерами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 9.

вопрос об обоснованности указанной пенализации, а лишь констатируем данное обстоятельство). Соответственно, как минимум, имеется явное нарушение логики законодательных предписаний.

Не следует также сбрасывать со счетов, что несовершеннолетние, в целом, представляют меньшую по численности категорию (в общепринятых возрастных криминологических классификациях), в связи с чем насильственная половая преступность, безусловно, по численности, уступает преступности взрослых лиц, категории которых, как правило, охватывают более широкие возрастные группы. Насильственная половая преступность у несовершеннолетних лиц имеет ряд специфических детерминирующих факторов, на которые указывают исследователи проблемы. Так, в частности, А.В. Кулаков приходит к выводу, что на преждевременное появление у подростков интереса к сексуальным отношениям влияют такие факторы, как достаточно скученное проживание большинства семей, где подростки нередко становятся свидетелями тех или иных проявлений интимной близости, а также нередко аморальное поведение самих взрослых в вопросах межполовых отношений, что неизбежно фиксирует внимание подростка на данной сфере отношений, пробуждает нездоровый интерес. По этой причине они впоследствии стремятся воспроизвести соответствующее поведение со своими сверстниками или младшими по возрасту подростками²⁷⁹.

Можно предположить, что законодатель связывает данные установления с тем обстоятельством, что «степень виновности» взрослых лиц, совершающих насильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, является более высокой в силу того, что ими должен в более осознанной форме восприниматься уголовно-правовой запрет в отношении половых посягательств на несовершеннолетних лиц. Но следует учитывать тот факт, что параметры уголовной ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, предусмотренные уголовным законом, являются одинаковыми для всех возрастных категорий (уголовная ответственность, согласно ст. 15 УК РК, наступает с 14-летнего возраста). Кроме того, как указывает Б.Р. Сембекова, ссылаясь на зарубежные исследования криминальной педофилии, в двух из пяти групп лиц, имеющих соответствующие наклонности, констатируется именно молодой возраст виновного лица²⁸⁰. Более того, исследователи специально акцентируют внимание на опасности насильственных половых посягательств на половую свободу, совершаемых несовершеннолетними лицами, выделяя их в особую категорию, «опасность которых достигает критической оценки»²⁸¹. При этом, по данным отдельных авторов, в случаях,

²⁷⁹ Кулаков А.В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты насильственных действий сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2004. - С. 140.

²⁸⁰ Сембекова Б.Р. Криминологическая характеристика насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Вестник КапГУ. - 2013 // <https://articlekz.com/article/7927> (дата обращения 10 июня 2018 года).

²⁸¹ Шляпникова О.В., Паршин Н.М. Особенности криминологической характеристики и классификация преступников, совершающих сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2013. - № 6 (95). - С. 179.

когда несовершеннолетний, совершающий насильственное половое посягательство, действует в одиночку, то его жертвами становятся преимущественно потерпевшие более младшего возраста (в группе посягательства могут совершаться на женщин разных возрастных групп)²⁸². Необходимо указать также, что имеются и противоположные точки зрения, согласно которым в ряде случаев ужесточение ответственности за половое посягательство на несовершеннолетнего, совершенное несовершеннолетним виновным, нельзя признать обоснованным²⁸³. В частности, указывается также, что не следует однозначно признавать признак «беспомощное состояние» исходя из возрастного параметра потерпевшего в случаях, когда виновное лицо также является несовершеннолетним²⁸⁴. Вместе с тем, мы полагаем, что в отношении насильственных половых преступлений (ст. 120 и ст. 121 УК РК), связанных с посягательством на половую неприкосновенность несовершеннолетних, никакие изъятия в отношении несовершеннолетних виновных применяться не должны, поскольку это, как минимум, нарушает логику установленного законодателем уголовно-правового запрета.

При оценке насильственной преступности несовершеннолетних в целом следует учитывать целый ряд факторов, непосредственно влияющих на оценку данного криминологического явления. Во-первых, насильственную преступность несовершеннолетних, равно как и женскую насильственную преступность, следует анализировать не в контексте противопоставления (сравнения) с преступностью взрослых лиц. Слишком большой объем специфических факторов, продуцирующих насильственную преступность подростков, требует ее обособленного исследования. Так, в частности, исследователи в качестве причин, формирующих криминальные мотивы у подростков, называют: семейную, бытовую неустроенность несовершеннолетних, пренебрежительное и безразличное отношение со стороны окружающих, недостаточный контроль со стороны родителей и организаций образования, стремление подражать старшим, самоутвердиться среди сверстников, пагубное влияние средств массовой информации, ранний возраст употребления алкоголя и т.д.²⁸⁵ Кроме того, как указывает, в частности М.С. Нарикбаев, для преступности несовершеннолетних характерен более или менее стабильный качественный состав характерных преступных посягательств (своего рода «индексная» преступность), среди которых наиболее тяжкие насильственные преступления составляют не более 8 %²⁸⁶. В данном случае статистические сопоставления, в частности выделение доли насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в общих качественно-

²⁸² Дикусар Я.С. Особенности совершения насильственных половых преступлений несовершеннолетними // Уголовное право. – 2016. - № 3. - С. 53.

²⁸³ Ларина Л.Ю. Некоторые проблемы отражения в законодательстве влияния признаков личности на уголовно-правовое воздействие // Юридическая наука. – 2015. – № 2. – С. 74.

²⁸⁴ Пантюхина И.В. Роль сочетания несовершеннолетнего возраста субъекта и потерпевшего в половых преступлениях // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2016. - № 4. – С. 226.

²⁸⁵ Биекенов К.У., Джаманбалаева Ш.Е. Динамика и механизм детерминации подростковой преступности в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2003. - № 1. – С. 58-66.

²⁸⁶ Нарикбаев М.С. Особенности преступности несовершеннолетних // Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 2008. – С. 27.

количественных показателях насильственной преступности, как мы полагаем, не **обладают** достаточной степенью информативности. Нам представляется совершенно справедливой теоретической позицией А.Н. Ли относительно того, что структура преступности несовершеннолетних является значительно менее дифференцированной, нежели преступность взрослых (как минимум, по той причине, что они не могут быть субъектами многих преступных деяний), в силу чего удельный вес преступности несовершеннолетних следовало бы устанавливать по отношению к тем преступлениям, субъектами которых они могут являться²⁸⁷.

Во-вторых, не только детерминирующие насильственную преступность несовершеннолетних факторы, но и сама мотивация, механизм насильственного преступного поведения несовершеннолетних будет обладать целым рядом характерных особенностей, непосредственно **связанных** с возрастными параметрами виновного лица. Недостаточный уровень социализации, несформировавшаяся ценностно-ориентационная сфера, специфический уровень самооценки (чрезмерно завышенная или, напротив, слишком низкая), инфантилизм, неразвитая система самоконтроля и чувства ответственности за совершаемые поступки – эти и многие другие факторы у несовершеннолетних лиц, совершающих насильственные посягательства, будут приводить и к специфике реализуемых мотивов. Так, в частности, для несовершеннолетних лиц при совершении насильственных актов характерным является выражение протеста, своего несогласия с теми или иными внешними обстоятельствами, складывающимися в семье или вне ее; стремление к самоутверждению, признанию в своей возрастной среде, показать свою «зрелость» перед более старшими товарищами; недостаточный уровень социальной компетентности, умения разрешать конфликты, последовательно отстаивать свою позицию перед взрослыми в семье, школе, колледже может привести к реализации такого типа насильственной мотивации, которую мы в предыдущем параграфе назвали «гиперкомпенсационным» типом, то есть направленной на более слабых, не способных оказать сопротивление потерпевших. Это лишь вариативная часть тех возможных деформаций и искажений в мотивационной сфере несовершеннолетнего, которые могут привести к совершению насильственных актов. В частности, сексуально-насильственная мотивация у несовершеннолетних также неизбежно будет иметь целый ряд особенностей, связанных не только с факторами социального характера (недостатки воспитания, низкий уровень родительского контроля, отсутствие необходимых знаний в сфере культуры межполовых отношений, пропаганда свободных отношений в средствах массовой информации и др.), но и с чисто биологическими факторами (гормональные процессы, связанные с периодом полового созревания). Кроме того, исследователями констатируется заметно высокий процент групповой формы совершения преступных посягательств со стороны несовершеннолетних лиц (как минимум, каждое пятое деяние

²⁸⁷ Ли А.Н. Проблемы предупреждения преступности учащихся общеобразовательных школ Республики Казахстан. – Алматы: «Издательство Норма-К», 2003. - С. 12.

совершается в группе лиц)²⁸⁸.

В-третьих, следует также учитывать тот факт, что уголовно-правовая и криминологическая категория «несовершеннолетние» является весьма динамичной в силу незначительной возрастной маржи, в рамках которой общественно опасное поведение несовершеннолетнего является предметом уголовно-правового воздействия и криминологического исследования. Так, в соответствии со ст. 80 УК РК, несовершеннолетними признаются лица, которым исполнилось 14 лет, но не достигшие 18-летнего возраста. Соответственно, исследование насильственной преступности несовершеннолетних фактически должно актуализироваться практически каждый 1-2 года, учитывая постоянную динамику внутри данной возрастной группы. В связи с чем мы полагаем, что возрастное структурирование исследований насильственной преступности должно быть более дифференцированным, в частности, считаем необходимой выделение возрастной группы 18-21 год, по крайней мере в отношении тех лиц, кто привлекался к уголовной ответственности в несовершеннолетнем возрасте. Иными словами, резкий «скачок», переход во взрослую возрастную группу существенно нивелирует криминологические особенности насильственного поведения лиц, которые только недавно перешли рубеж совершеннолетия. При этом следует учитывать тот факт, что индивидуальные параметры личности совершеннолетнего лица в 20 лет могут существенно не отличаться от индивидуальных параметров личности 18-летнего лица, учитывая различные условия воспитания, персональные особенности развития, в частности, более медленные темпы биологического созревания, социализации, которые, тем не менее, находятся в рамках медицинской и социальной нормы.

Наконец, в-четвертых, в обязательном порядке следует учитывать такой фактор, как уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами, и их уголовной ответственности, которая в последние годы стабильно находится в векторе гуманизации, минимизации вовлечения несовершеннолетнего в сферу уголовно-правовой юстиции, расширении мер воспитательного воздействия. Вместе с тем, гуманизация уголовной ответственности даже в отношении такой социально уязвимой категории, как несовершеннолетние, не может быть безграничной, о чем наглядно свидетельствуют факты роста ювенальной преступности, начиная с 2016 года. Так, если за период с 2010 по 2015 год происходило стабильное снижение количества совершенных несовершеннолетними лицами преступлений (с 6070 преступлений в 2010 году до 2538 уголовных правонарушений, из которых 103 уголовных проступка, - в 2015 году)²⁸⁹, то в последующих периодах наблюдается рост. Так, в частности, в конце 2016 года на заседании Правительства РК Министр внутренних дел (в указанный период

²⁸⁸ Бузаубаева Д.К. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с несовершеннолетними (некоторые аспекты) // Вестник Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, 2010 // <https://articlekz.com/article/magazine/133> (дата обращения 10 марта 2018 года).

²⁸⁹ Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // <http://service.pravstat.kz>

времени ведомство возглавлял К. Касымов) указал на заметный рост преступности несовершеннолетних по сравнению с предшествующими периодами (+11%)²⁹⁰. Причем показатели преступности несовершеннолетних по регионам Казахстана в течение последних лет имеют существенные расхождения. К примеру, если в первой половине 2018 года, в целом, констатировалось незначительное снижение ювенальной преступности (на 2,2 %), то по отдельным регионам констатировался заметный рост (в Астане он составил порядка 45 %) ²⁹¹.

В незначительных промежутках времени достаточно трудно установить, имеется ли та или иная закономерность в том, что происходят резкие «скачки» уровня преступности в том или ином ее сегменте. Данное утверждение в особенности значимо в отношении преступности несовершеннолетних лиц. Однозначно связывать рост преступности с политикой гуманизации, как нам представляется, будет неверным, поскольку уже давно доказано теорией и практикой, что ужесточение ответственности способно привести только к временным, нестойким результатам. Соответственно, в данном направлении **необходимы** тщательный мониторинг ситуации (не ежегодный, а ежеквартальный, учитывая ранее указанный динамизм в структуре лиц, совершающих преступления в несовершеннолетнем возрасте), тщательный анализ и оперативное принятие мер. Полагаем, что особого учета требуют случаи повторного привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, поскольку именно их повторная криминализация, скорее всего, может указать на недостатки в применяемых к ним мерах уголовного наказания или воспитательного воздействия. Учитывая тот факт, что, как мы уже указывали, время для коррекционного воздействия на несовершеннолетнего у субъектов специально-криминологической профилактики весьма ограничено (поскольку по достижении 18 лет на молодых преступников уже не распространяются вопросы коррекционного психолого-педагогического воздействия), то своевременное выявление недостатков имеет важное значение для профилактики воспроизводства преступности во взрослом возрасте. Фактически после достижения совершеннолетия преступность еще достаточно молодых лиц, не всегда еще отличающихся социальной зрелостью, готовностью нести ответственность за свою жизнь и поступки, резко «обезличивается», необоснованно приравнивается к преступности взрослых лиц, что нам представляется в корне неверным. Как пишут исследователи в отношении лиц, преодолевших возраст совершеннолетия, «в этом возрасте ещё сохраняются некоторые установки и стереотипы, свойственные предшествующему поколению. Отсюда в поведении молодёжи парадоксальное сочетание противоречивых качеств и черт: стремление к идентификации и

²⁹⁰ Подростковая преступность в Казахстане в этом году выросла на 11 % // <https://zonakz.net/2016/10/05/podrostkovaja-prestupnost-v-kazakhstan-e-v-eh-tom-godu-vyros-la-na-11/> (дата обращения 30 апреля 2018 года).

²⁹¹ В Казахстане снизилось число преступлений, совершенных несовершеннолетними // <http://www.kp.kz/9363-v-kazakhstan-e-s-nizilos-chislo-prestupleniy-sovershennykh-nesovershennykh-nesovershennykh> (дата обращения 10 июня 2018 года)

обособление, конформизм и негативизм, подражание и отрицание общепринятых норм, стремление к общению и уход, отрешённость от внешнего мира. Неустойчивость и противоречивость молодёжного сознания оказывают влияние на многие формы поведения и деятельность личности»²⁹². Следует отметить, что в большинстве социологических источников в настоящее время в категорию лиц, которую принято назвать «молодежь», относят молодых лиц в возрасте от 14 до 29 лет (14-16 лет – подростки, 17-19 лет – юношество, 20-24 года – собственно молодежь, 25-29 лет – старшая молодежь). В среднем, такие же возрастные параметры определяются в настоящее время и во многих зарубежных странах: в Великобритании и в Нидерландах - 0-25 лет, Испании - 14-30 лет (нередко граница смещается до 32-34 лет), в Люксембурге - 15-25 лет, в Японии – 14-29 лет²⁹³. Аналогично (от 14 до 29 лет) определяется понятие «молодежь» и в ст. 1 Закона РК от 7 июля 2004 года № 581-ІІ «О молодежной политике в Республике Казахстан»²⁹⁴.

Конечно же, выделение соответствующих возрастных параметров преимущественно связано с необходимостью реализации различных уровней социальной поддержки, ресурсного обеспечения молодых людей, семей, расширению возможностей для их образования, трудоустройства и т.д. Вместе с тем, в рамках предмета нашего исследования считаем необходимым подчеркнуть важность поэтапного криминологического сопровождения девиантного и криминального поведения молодых лиц не только в параметрах уголовно-правовых конструкций, предусматривающих особые условия ответственности лиц в возрасте от 14 до 18 лет, но и в отношении лиц, недавно преодолевших 18-летний рубеж. Это не только будет отражать обоснованные социологами «подвижные» поведенческие модели несовершеннолетних лиц и лиц чуть более старшего возраста, но и позволит решить ряд значимых криминологических задач, в частности, преемственность и информативность статистической информации. Мы полагаем, что в официальной криминологической статистике должно получить отражение преступности возрастной категории от 18 до 21 года, причем в структуре преступности данной возрастной группы особо должны быть выделены лица, которые совершали уголовные правонарушения в несовершеннолетнем возрасте. Данная группа должна стать объектом самостоятельного криминологического исследования, поскольку в данном возрасте респонденты способны уже более или менее четко формулировать собственные выводы относительно того, почему предшествующие меры уголовно-правового воздействия оказались в отношении них недостаточно эффективными.

Весьма важным аспектом в вопросах оценки преступности несовершеннолетних, по мнению многих исследований, является тот факт, что

²⁹² Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов. - М.: Тривола, 1999. – С. 168.

²⁹³ Георгиевская Ю.В. Молодежь как объект социального воздействия: некоторые факторы, формирующие девиантное поведение в молодежной среде / Ю.В. Георгиевская // Гуманитарные исследования. - 2005. - № 4. - С. 42-51

²⁹⁴ О молодежной политике в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 7 июля 2004 года № 581-ІІ.

она имеет достаточно высокую степень латентности. Латентная преступность – это самостоятельная сфера криминологических исследований, берущая начало приблизительно с середины 60-х годов XX века, когда она начала определяться как «совокупность преступлений, не выявленных органами милиции, прокуратуры и суда и соответственно не нашедших отражение в учете уголовно-наказуемых деяний»²⁹⁵. В последующем теория латентной преступности развивалась, стали выделяться виды латентной преступности: естественная латентность (совокупность преступлений ..., по каким-либо причинам не ставших известными компетентным правоохранительным органам)²⁹⁶, **искусственная** латентность (неучтенная или скрываемая органами уголовного преследования), в том числе такая ее разновидность, как «субъектная» латентность (не полностью раскрытые преступления)²⁹⁷, пограничная (известно о преступлении, но **не известны** совершившие их лица)²⁹⁸. По мнению отечественных **исследователей**, латентный характер значительной части преступности несовершеннолетних лиц связан с тем обстоятельством, что «значительная часть преступлений, совершаемая ими, рассматривается окружающими как проявление озорства, незрелости, шалости (хулиганские действия, небольшие кражи). Поэтому о многих преступлениях не сообщается в правоохранительные органы, что само по себе увеличивает и без того значительную долю латентной преступности, мешает своевременному реагированию правоохранительных органов на преступления несовершеннолетних, их регистрации»²⁹⁹. Кроме того, **как** совершенно справедливо указывает И.В. Щепалин, причину высокой степени латентности несовершеннолетних (помимо уже указанной) следует усматривать и в том, что общественно опасные посягательства преимущественно совершаются в своей возрастной среде и по этой причине далеко не всегда становятся известны взрослым³⁰⁰. Вместе с тем, такие процессы крайне нежелательны, поскольку, как совершенно справедливо отмечает Д.Ж. Муканов, только максимальный учет общественно опасных деяний, различные приемы преодоления латентизации способны обеспечить более или менее действенную систему государственного контроля над преступностью³⁰¹.

Конечно же, насильственная преступность, как правило, относится к наименее латентным видам преступности, но и в данном случае в контексте насильственного поведения несовершеннолетнего могут иметь место факторы, способствующие тому, что преступление останется неизвестным или

²⁹⁵ Панкратов В.В. Косвенные методы изучения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1967. - С. 7

²⁹⁶ Конев А.А. Некоторые специфические признаки латентной преступности // Проблемы борьбы с преступностью. - Омск. 1977. - С. 139.

²⁹⁷ Акутаев Р.М. Латентная преступность: современное понимание: пособие. - СПб., 1998. - С. 22.

²⁹⁸ Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. - М., 1999. - С. 402.

²⁹⁹ Наурзалиева А.М. Преступность несовершеннолетних в Республике Казахстан // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2016. - № 8. – С. 33.

³⁰⁰ Щепалин И.В. Криминогенные детерминанты преступности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 2003. - С. 58.

³⁰¹ Муканов Д.Ж. О некоторых приоритетах государственно-правового контроля над преступностью в Республике Казахстан // Юристы-Правоведь. – 2009. - № 3. – С. 101-104.

нераскрытым. Причем преимущественно факторы латентизации насильственных **преступлений** несовершеннолетних лиц связаны с тем, что они преимущественно совершаются в отношении сверстников или лиц более младшего возраста либо же в отношении взрослых, которые не могут оказать сопротивления в силу болезни, инвалидности, маргинального образа жизни. Соответственно, сами потерпевшие могут скрывать факты учинения насилия над ними, опасаясь подвергнуться дальнейшему насильственному воздействию. Так, в частности, исследователи отмечают тот факт, что только пятая часть лиц (не более 20 %), которые в несовершеннолетнем возрасте подверглись корыстно-насильственным посягательствам, обращались с соответствующими заявлениями в правоохранительные органы, и только порядка 35 % потерпевших сообщили о случившемся родителям³⁰².

В **заключение** теоретического блока, связанного с общим анализом насильственной преступности несовершеннолетних, отметим, что вопросы типологии несовершеннолетних преступников в криминологической теории преимущественно решаются на основе типологии насильственных преступников в целом. Так, авторы коллективной монографии «Личность преступника» (1975) выделяют четыре типа несовершеннолетних преступников, для которых совершение соответствующего преступного посягательства было: а) случайным, противоречащим общей направленности личности; б) вероятным вследствие общей неустойчивости личностной направленности; в) соответствующим общей направленности личности, но случайным с точки зрения повода и ситуации; г) соответствующим преступной установке личности и включающим поиск или создание необходимых повода и ситуации»³⁰³. Схожую классификацию в контексте преступных посягательств несовершеннолетних мы обнаруживаем у Г.М. Миньковского. Он также выделял четыре типа личности несовершеннолетнего преступника, исходя из двух основных критериев - общей направленности личности и сложившейся ситуации: 1) положительно ориентированные, случайно совершившие преступление под влиянием ситуации; 2) неустойчивые («шатающиеся»), совершающие преступления при совокупном воздействии ряда внешних факторов; 3) совершившие преступление преимущественно по причине общей отрицательной направленности личности при относительно слабой роли внешних факторов; 4) с преступной установкой, находящиеся в поиске подходящей ситуации, а также сами создающие данную ситуацию³⁰⁴. Схожие классификации приводят и современные исследователи насильственной преступности несовершеннолетних лиц. В частности, выделяют следующие типы: 1) ситуационный тип, для которого решающее значение имеют сложившиеся внешние обстоятельства (социальный инфантилизм, отсутствие

³⁰² Иванова Л.М. Латентность корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 9. - С. 95.

³⁰³ Личность преступника / редкол.: В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров. – М.: Юридическая литература, 1975. - С. 62.

³⁰⁴ Миньковский Г.М. К вопросу о типологии несовершеннолетних правонарушителей // Проблемы судебной психологии. Тезисы докладов и сообщений. - М., 1971. - С. 31-32.

интеллектуальных, эмоциональных и волевых ресурсов, неспособность прогнозировать последствия своих поступков); 2) неустойчивый тип (насильственная мотивация не является превалирующей, как правило, характеризуются деликвентным поведением до совершения преступления); 3) устойчивый тип (с выраженной агрессивно-насильственной мотивацией, стереотипами насильственного способа достижения целей); 4) агрессивно-сексуальный тип (характерна моральная распушенность, примитивизм во взглядах на взаимоотношения полов, азарт, стремление развлечься, пренебрежение переживаниями жертвы)³⁰⁵. Имеются и другие варианты типологии, в частности, деление насильственных несовершеннолетних преступников на две основные группы – с «низким порогом агрессивности» (агрессивное поведение слабо контролируется самим лицом) и «высоким порогом агрессивности» (проявления агрессии находятся под достаточно высоким контролем несовершеннолетнего).

В целом, следует отметить, что вопросы типологии лиц, совершающих насильственные посягательства, отличаются в криминологической теории значительным разнообразием. При этом выделение типов несовершеннолетних преступников преимущественно осуществляется по аналогии с типологией взрослых лиц, что, на наш взгляд, не в полной мере нацелено на практический (прикладной) аспект. Вместе с тем, именно прикладной аспект, как мы уже указывали ранее, в настоящее время приобретает все большее значение ввиду того, что акцент значимости криминологической информации смещается в сторону прогнозирования рисков индивидуального криминального поведения отдельно взятой личности. Так, в частности, более практико-ориентированной нам представляется типология несовершеннолетних правонарушителей, оставленная М.С. Нарикбаевым, который выделяет следующие группы: 1) совершающие преступления из озорства, скуки; 2) совершающие преступления под влиянием сверстников, чтобы завоевать авторитет среди них; 3) совершающие преступления под влиянием взрослых наставников; 4) совершающие преступления в силу нужды; 5) совершившие преступления при защите от посягательств взрослых³⁰⁶. Несмотря на тот факт, что данная классификация преимущественно связана не столько с личностной сферой несовершеннолетних преступников (как ранее представленные) и носит несколько «смешанный» характер (поскольку объединяет и мотивацию, и внешние факторы совершения посягательств), тем не менее, она не является «обезличенной», а отражает именно те спецификации, которые непосредственно связаны с ювенальными аспектами преступного поведения.

Безусловно, вопросы женского насилия и насилия, совершаемого несовершеннолетними, не исчерпывают всего круга специальных вопросов криминологической характеристики насильственных преступлений. Вместе с тем, именно эти два сегмента имеют явно выраженный самостоятельный

³⁰⁵ Рудь В.Г. Типы личности несовершеннолетнего насильственного преступника // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. - № 1 (15). - С. 59-61.

³⁰⁶ Нарикбаев М.С. Уголовно-правовая охрана детства в Республике Казахстан: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 1997. – С. 296.

характер, обусловленный значительным набором специфических факторов и параметров характеристики, требующих эффективной системы социального контроля и профилактики по причине серьезного деструктивного потенциала насильственного поведения данных категорий лиц.

Постановочно (минуя глубокий теоретический анализ, поскольку данные вопросы непосредственно не входят в предмет нашего исследования) считаем необходимым также остановиться на геронтологическом аспекте насильственной преступности (равно как и других ее видов). Несмотря на тот факт, что вопрос о необходимости специальной нормативной регламентации прав пожилых лиц в РК уже становился предметом внимания исследователей социальных вопросов³⁰⁷, **современных** геронтологических исследований, в том числе и в контексте преступности лиц пожилого возраста, в Казахстане практически нет. Вместе с тем, отрицать специфику данной разновидности криминального насилия будет ошибочно. Аксиомой криминологической науки является подтверждаемое практикой правило о том, что лица пожилого возраста являются наименее активной с точки зрения криминогенных форм поведения группой. Данное обстоятельство вполне объяснимо, поскольку у данных лиц происходит снижение социальной и физической активности, заметное сужение сферы потребностей, которые преимущественно начинают ограничиваться вопросами поддержания здоровья и удовлетворения элементарных повседневных потребностей (следует отметить, что в Казахстане пожилым человеком является лицо от 60 лет и старше, то есть еще **до** достижения пенсионного возраста)³⁰⁸. Авторами социологических исследований геронтологической преступности предлагается следующая типология данной возрастной группы преступников: 1) «группа неисправимых пожилых заключенных, чьи преступные действия характеризуются как рецидивные»; 2) «группа, принадлежащая «старческой преступности», когда первый опыт преступной деятельности отмечен только лишь в пожилом возрасте»; 3) «транзитивная группа», представители которой совершили преступные действия до пенсионного возраста, а в ситуации заключения оказались в третьем возрасте»³⁰⁹. Полагаем, что наибольший криминологический интерес должна представлять вторая из выделенных групп, поскольку возникновение преступной мотивации в пожилом возрасте, являющимся практически «нейтральным» с точки зрения криминальной активности, следует расценивать как весьма тревожный фактор. **Следует** также отметить, что в немногочисленных криминологических исследованиях, посвященных обозначенной проблеме, мы обнаруживаем теоретические позиции, согласно которым лиц пожилого возраста следует расценивать как

³⁰⁷ Ажигулова Х.К. Принятие закона «О правах пожилых людей в Республике Казахстан» в целях повышения правовой культуры и защищенности лиц пожилого возраста // <http://konkurs.zakon.kz/4623231-prinjatie-zakona-o-pravakh-pozhilykh.html> (дата обращения 20 мая 2018 года).

³⁰⁸ **Об утверждении Стандарта организации оказания гериатрической и геронтологической помощи в Республике Казахстан:** приказ Министерства здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 23 октября 2015 года № 822.

³⁰⁹ Темаев Т.В. Социальный контекст геронтологической преступности: дис. ... канд. социолог. наук. – Саратов, 2005. – С. 116.

своего рода привилегированных субъектов (смягчение параметров уголовной ответственности данных лиц) и привилегированных потерпевших (необходимость усиления ответственности за преступления, связанные с посягательством на пожилых людей)³¹⁰. В целом, заметна тенденция объединения проблемы геронтологической преступности с преступностью против пожилых лиц³¹¹, что, скорее всего, обоснованно. И это, на наш взгляд совершенно обоснованно, поскольку насильственное поведение лиц пожилого возраста практически во всех случаях – это своего рода акт защиты против насилия, притеснения, ущемлений в повседневной жизни. Следует вспомнить, что еще Э. Фромм выделял такой тип насилия, который проистекает из ситуации человеческого отчаяния, связанного с осознанием бессмысленности своего существования, «экзистенциальным вакуумом»³¹². Исследователи называют следующие факторы, которые имеют непосредственное отношение к анализируемой проблеме: заметное возрастание в последние годы численности лиц пожилого возраста, что приводит к специфической социальной конкуренции лиц молодого возраста с пожилыми людьми, своего рода «борьбу за ресурсы»; сохраняющийся до настоящего времени стереотип восприятия пожилого возраста как периода утрат, одиночества, снижения уровня социальных контактов (своего рода «доживание»); преимущественно низкий уровень реальной социальной защищенности лиц пожилого возраста, что неизбежно ставит их в зависимость от близких родственников (соответственно, весьма значительный уровень виктимности данных лиц)³¹³. Полагаем, что вопросы геронтологического насилия (в обоих выделенных аспектах), учитывая перечисленные факторы, следует отнести к перспективам криминологических исследований в Республике Казахстан.

Таким образом, избрав в качестве специальных вопросов насильственной преступности проблему совершения соответствующих посягательств женщинами и несовершеннолетними лицами, мы, во-первых, учли сложившуюся в отечественной криминологии традицию обособленного исследования преступности данных категорий лиц, а, во-вторых, выявили целый ряд значимых криминологических факторов, которые в обязательном порядке следует учитывать при предупреждении насильственной преступности со стороны женщин и несовершеннолетних.

Так, в частности, отдельные криминологические исследования насильственной женской преступности являются необходимыми по той причине, что они диагностируют серьезные социальные дефекты, поскольку насильственная мотивация у женщин, как правило, не является доминирующей, а представляет своего рода производную реакцию на другие значимые для преступницы факторы. При криминологическом исследовании насильственной

³¹⁰ Барсукова О.В. Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста: криминологические и уголовно-правовые проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2003. – С. 9.

³¹¹ Пучков П.В. Концептуальные основания превенции геронтологического насилия в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. - Самара, 2009. - С. 6.

³¹² Фромм Э. Душа человека. Ее способность к добру и злу. - М.: Директмедиа Пабли- шинг, 2008. - С. 114.

³¹³ Вишневецкая Т.И. Геронтологическая преступность как новая проблема современности // Наука. Мысль: электронный юридический журнал. – 2016. - № 5-1.

женской преступности следует отказаться от любых форм ее сопоставления с мужскими видами насильственного поведения, поскольку детерминирующие ее факторы являются качественно отличными. К наиболее значимым параметрам криминологической характеристики женской насильственной преступности следует отнести следующие обстоятельства: 1) она неизбежно связана с дефектами в структуре гендерного дисплея женщины на макро-уровне (отсутствие необходимых социальных гарантий, гендерные стереотипы, слабые механизмы для реализации возможностей, слабая защита материнства и детства и т.д.) либо на микро-уровне (личная неблагоприятная ситуация, семейные проблемы, при которых женщине приходится нередко выполнять «мужские» функции); 2) решающее значение в насильственной преступности женщин имеют социально-экономические и «семейные» факторы; 3) насильственное поведение женщин крайне редко имеет агрессивный тип, преимущественно оно представляет собой защиту, «упреждение» насилия или мести.

Что же касается насильственной преступности несовершеннолетних лиц, то она также обладает значительным количеством специфических характеристик, по причине которых требует самостоятельного исследования и анализа. Причем сопоставление насильственной преступности несовершеннолетних с преступностью взрослых представляется методологически неверным, поскольку для нее характерны совершенно специфические детерминанты, а также механизм совершения преступных посягательств. В частности, для несовершеннолетних типична протестная форма насильственного поведения, стратегия самоутверждения, удовлетворения любопытства, действие механизма психологической компенсации и гиперкомпенсации. Для насильственной преступности несовершеннолетних характерна также более высокая степень латентности, связанная, с одной стороны, со снисходительным отношением взрослых, а с другой стороны, с тем, что она преимущественно имеет место в отношении сверстников или лиц младшего возраста.

В целях повышения эффективности криминологических исследований и профилактического воздействия на насильственную преступность несовершеннолетних мы предлагаем следующие мероприятия: 1) учитывая тот факт, что структура данной возрастной группы максимально подвижна (в силу ограниченности возрастной маржи), а также неблагоприятные тенденции ювенальной преступности, следует производить ежеквартальный мониторинг ее состояния; 2) необходимо отказаться от резкого «скачка» в криминологических исследованиях насильственной преступности несовершеннолетних и взрослых, сформировав промежуточную возрастную группу (18-21 лет) как самостоятельный сегмент исследования. Особое внимание в данной группе следует уделить тем молодым **людям**, которые привлекались к уголовной ответственности в несовершеннолетнем возрасте, поскольку они могут стать действенным индикатором «просчетов» уголовной политики в отношении несовершеннолетних преступников.

Признавая, в целом, что политика гуманизации реализации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних лиц обоснованна и отвечает

общемировым тенденциям, полагаем, что она не должна приводить к казуистичным решениям законодателя. Следует в обязательном порядке учитывать тот факт, что недостаточная реакция на факты совершения общественно опасных деяний способна генерировать более тяжкие преступные посягательства со стороны несовершеннолетних лиц. Нам представляется необоснованной позиция законодателя, сформулированная в ч. 2 ст. 65, ч. 4 ст. 68, ч. 8 ст. 72, ч. 2 ст. 73, ч. 2 ст. 76, ч. 2 ст. 78 УК РК, относительно того, что на несовершеннолетних, совершивших посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, не распространяются ограничения по применению соответствующих институтов. Данное решение представляется нам ошибочным по следующим причинам: 1) оно нарушает логику повышенной уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних в действующем УК РК (степень ответственности за квалифицированные виды изнасилования и насильственных действий сексуального характера приравнивается к ответственности за убийство); 2) не учитывается виктимологический фактор, согласно которому преимущественно потерпевшими от насильственных действий несовершеннолетних являются лица того же или даже более младшего возраста. Причем основания для констатации меньшей травматичности насильственного полового посягательства для несовершеннолетней жертвы отсутствуют. Соответственно в указанном перечне статей следует произвести оговорку в отношении составов ст. 120 и 121 УК РК, оставив его в силе только в отношении ненасильственных форм половых посягательств.

Как мы уже неоднократно указывали, динамизм социальных процессов неизбежно отражается и на криминальной сфере, что требует быстрого и адекватного реагирования. Некоторое отставание закона и правоприменительной практики – это, в целом, нормальное явление, однако это отставание не должно быть чрезмерным. Так, в частности, в настоящее время есть все основания для актуализации исследований геронтологической насильственной преступности. Учитывая тот факт, что возрастная группа старше 60 лет (официальный порог пожилого или, согласно новой терминологии, «третьего» возраста в РК) обычно демонстрирует очень низкий порог криминальной активности, насильственные акты со стороны данных лиц должны вызывать особую тревогу. Отдельного исследования требуют случаи «пожилой» или «старческой» насильственной преступности, когда лицо впервые совершает преступление в данном возрасте. Причины насильственной преступности пожилых людей отличаются от причин насильственного поведения в другом возрасте: 1) социальная необустроенность, физическая немощь, болезни, которые ставят их в зависимость от близких; 2) сохраняющиеся стереотипы в отношении пожилого возраста, возрастающие на фоне увеличения численности пожилого населения тенденции эйджизма (дискриминации, притеснения по признаку пожилого возраста).

2.3 Виктимологический аспект насильственной преступности

Как указывается в одном из наиболее ранних виктимологических исследований советского периода, «преступное поведение личности - две параллели, которые, тем не менее, сойдутся, а личности столкнутся; кто из них окажется преступником, а кто жертвой покажет ситуация, сложившиеся обстоятельства, характер личности и многое другое». Уголовно-правовой аспект учета параметров характеристики жертвы преступления, равно как и учета ее поведения в механизме преступного поведения, достаточно ограничен. Во-первых, это выделение группы привилегированных потерпевших (несовершеннолетнее лицо; женщина, заведомо для виновного лица находящаяся в состоянии беременности; лицо, находящееся в беспомощном состоянии, а также лица, посягательство на которых связано с выполнением ими профессионального или общественного долга). Во-вторых, учитывается аморальное или противоправное поведение потерпевшего в механизме насильственного посягательства виновного лица (привилегированные составы убийства и причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта). И, наконец, в третьих, предполагается учет интересов потерпевшего лица при решении вопросов об освобождении лица от уголовной ответственности (в обстоятельствах, связанных с деятельным раскаянием виновного лица, примирением с потерпевшим от уголовного правонарушения).

Криминологический аспект учета жертвы преступления в механизме формирования и реализации криминальной мотивации является гораздо более широким. Вместе с тем, как отмечают исследователи, достаточно большой, почти вековой, разрыв между началом виктимологических исследований в зарубежных странах (конец XIX века) и началом их развития в советской криминологической школе (советский период, 60-70-е годы XX века) привел к тому, что по-прежнему складывается достаточно своеобразное отношение к потерпевшему от преступления, нередко так называемое «клеймение» жертвы³¹⁴. Достаточно часто в исследованиях можно встретить мнение о том, что зачастую действия самого потерпевшего выступают как своего рода провокация на совершение в отношении него насильственного посягательства³¹⁵. Вместе с тем, такого рода подходы несколько сужают диапазон исследования, даже если предположить достаточную распространенность подобных ситуаций. Для криминологии имеет значение целый ряд обстоятельств, связанных с элементами участия жертвы преступления в механизме его совершения: понятие виктимных свойств личности, имеющих значение в механизме совершения преступления (почему преступник выбирает именно эту жертву для посягательства?), степень влияния тех или иных качеств жертвы преступления и ее поведения на механизм конкретного посягательства, деструктивные последствия преступного

³¹⁴ Абельцев С.Н. Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных посягательств: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2000. - С. 203.

³¹⁵ Минская В.С. Личность потерпевшего и ее криминологическое значение // Потерпевший от преступления. – Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 1974. - С. 87-89.

посягательства для потерпевшего, риски его повторной виктимизации, соотношение тех или иных факторов виктимности, их роль в общем процессе виктимизации и т.д. Фактически можно сказать, что основной задачей виктимологических исследований до настоящего времени является ответ на вопрос: насколько и как поведение жертвы влияет на преступление и как снизить (нейтрализовать) влияние данных факторов со стороны потенциальных жертв преступлений. Следует признать, что это весьма важная задача, поскольку, как указывал известный криминолог Г.Й. Шнайдер, 64 % преступников, совершивших преступления, в детстве или юношеском возрасте сами были потерпевшими от преступных посягательств; что касается тех, кто не подвергался преступному воздействию в детском и молодом возрасте и совершил преступления во взрослом возрасте, то их процент ниже более чем в три раза (21 %) ³¹⁶. Мы также уже упоминали о том, что факт трансляции насильственного опыта из поколения в поколение, от жертв насильственных посягательств к их потенциальной склонности к насильственному поведению в будущем является практически неопровержимым в современной криминологии. Соответственно, ему должно уделяться повышенное внимание при прогнозировании индивидуального криминального поведения лица, подвергавшегося насилию. Конечно же, криминологические исследования в отношении параметров потерпевшего не исчерпывают всего многообразия оценок его личностных параметров и моделей поведения, поскольку криминология, как правило, исследует те основные факторы жертвы преступления, которые в большей или меньшей степени влияют на механизм совершения криминального посягательства. Вместе с тем, существенные особенности поведения жертвы преступления могут быть диагностированы и в постпреступной стадии. В частности, казахстанские процессуалисты указывают, что поведение потерпевшего может «неоднократно претерпевать изменения по динамике, степени интенсивности, повторяемости, и оно может в разные временные этапы характеризоваться некритичностью, неосознанностью или снижением их степени в той или иной мере. Потерпевший, как и свидетель, в отдельных случаях выступает в качестве добросовестного и недобросовестного лжесвидетеля. Потерпевший всегда заинтересован в исходе уголовного дела и, как правило, занимает сторону обвинения» ³¹⁷.

Однако не только своего рода «социальный ген» насилия, связанный с наличием отрицательного социального опыта, тревог и страха по поводу перенесенного насилия (потенциальный насильственный преступник), но и особые формы взаимодействия преступника и жертвы, сочетание тех или иных личных качеств, жизненных ситуаций, моделей поведения и т.д., которые в каждом конкретном случае приводят к совершению насильственных актов, требуют системного изучения, анализа, выявления наиболее характерных корреляционных взаимодействий. Мы в рамках настоящего исследования

³¹⁶ Шнайдер Г.Й. Криминология / пер. с немец. - М., 1994. - С. 358.

³¹⁷ Рахимова Г.Н. Роль и значение виктимологического фактора в уголовном судопроизводстве // Вестник Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева. - 2015 // <https://articlekz.com/article/21568> (дата обращения 10 мая 2018 года).

неоднократно обращали внимание на необходимость социологического сопровождения уголовно-правовой теории и правоприменительной практики, на прикладное значение статистической информации, которая в настоящее время должна являться научно обоснованным инструментарием для прогнозирования индивидуального преступного поведения. Как указывают зарубежные исследователи, между преступником и жертвой преступления нередко происходит своего рода обмен элементами причинности (интеракция), когда сам потерпевший нередко «идет навстречу» преступному посягательству против самого себя или своих близких³¹⁸. В текущем состоянии статистического сопровождения преступности в Республике Казахстан (официальная статистика КПСиСУ Генпрокуратуры РК) виктимологические факторы не имеют выраженного значения и преимущественно концентрируются в вопросах насилия, совершаемого в семейно-бытовой сфере (против женщин и лиц несовершеннолетнего возраста). Вместе с тем, значительное количество обстоятельств, непосредственно связанных с процессом виктимизации и виктимного поведения, могут иметь важное значение для профилактического воздействия на насильственную преступность. В этом плане мы согласны с исследователями теоретических проблем потерпевшего от преступления, что требуется «трансформировать научные факты и эмпирические данные в специальную информацию»³¹⁹, которая может быть использована в правоприменительной практике. Безусловно, любые прикладные методики, основанные на статистических закономерностях (тех или иных наиболее значимых корреляциях), всегда обладают определенной неполнотой, избирательностью. Вместе с тем, следует учитывать, что любое противодействие преступности, как правило, связано с воздействием на наиболее криминогенные и наиболее виктимные социальные факторы³²⁰. Причем, как мы уже ранее указывали, прикладной вектор современного воздействия на насильственную преступность связан с перемещением акцента на прогнозирование индивидуального криминального поведения лица. Что же касается виктимологического фактора, то в данном случае индивидуальный характер профилактического воздействия становится еще более значимым, поскольку, как совершенно справедливо указывают отечественные исследователи, «жертва преступления – всегда «одинокая» жертва»³²¹.

Криминологически значимую информацию относительно совершаемых насильственных преступлений могут представлять данные: 1) относительно предшествующих форм взаимоотношений виновного лица и жертвы (мы полагаем, что совершение насильственного преступления против незнакомого лица может дать ценную информацию относительно того, какие факторы

³¹⁸ Стендли А. Последствия виктимного поведения // В кн.: Социология преступности / пер. с англ. - М., 1969.

³¹⁹ Фаргиев И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2005. – С. 15.

³²⁰ Беркинбаев Н.С. Изменения преступности в Казахстане // Республиканский правовой научно-практический журнал «Заң» («Закон»). - 2003. - № 5. - С. 5-7.

³²¹ Сайлибаева Ж.Ю. Понятие жертвы преступления: виктимологическая характеристика // Вестник КазНПУ. – 2017 // <https://articlekz.com/article/18711> (дата обращения 11 апреля 2018 года).

вливают на то, что преступник избирает данную, своего рода «обезличенную», жертву для своего посягательства); 2) относительно конкретных обстоятельств и условий, на фоне которых реализовывался механизм конкретного насильственного преступления (например, совместное распитие спиртных напитков, пребывание в ночных заведениях, в неблагополучных в криминальном отношении районах населенного пункта и т.д.); 3) сведения о предшествующих насильственных актах виновного лица в отношении данного потерпевшего, причем как на предкриминальном уровне, так и в форме криминального насильственного поведения, оставшегося латентным, и т.д. К примеру, в специальных исследованиях перечисляются следующие факторы, которые самостоятельно или в совокупности с другими способствуют тому, что конкретное лицо избирается в качестве жертвы убийства или умышленного причинения вреда здоровью: «повышенная агрессивность, конфликтность; злоупотребление спиртными напитками; провокация путем совершения противоправных действий; выполнение общественного долга, положительное поведение, невыгодное другому лицу; особые половозрастные характеристики; особая профессиональная принадлежность или род занятий; наличие обязательственных либо иных правовых отношений между жертвой и виновным, если устранение первой выгодно последнему; нахождение жертвы в роли очевидца аморальных или противозаконных действий виновного; нескритичность при совершении крупных сделок, правовая безграмотность; прямое волеизъявление (для эвтаназии); определенная национальность или раса»³²². Степень интенсивности примененного к жертве насилия также нередко свидетельствует о тех или иных типических особенностях потерпевших от соответствующих преступлений. Так, в частности, Д.К. Шайкенова, производя исследование убийств, совершенных с особой жестокостью, по материалам РК, указывает, что «наиболее характерными из них (качеств потерпевшего – *прим. автора*) являются низкий самоконтроль, импульсивность, беспечность, тревожность, завышенная самооценка, злоупотребление спиртными напитками, пренебрежительное отношение к закону...»³²³.

Безусловно, чрезмерная акцентуация вопросов криминального насилия на жертве преступного посягательства будет методологически неверной, поскольку в целом ряде насильственных посягательств индивидуализация жертвы вообще не происходит либо она имеет место в обобщенном, слабо персонифицированном аспекте. К такого рода насильственным посягательствам можно отнести, в частности, ранее упоминавшиеся нами случаи так называемого «немотивированного» насилия, когда жертвами насильственных посягательств становятся люди независимо от их взаимоотношений с виновным, либо когда имеет место не их персональная идентификация виновным, а отнесение к той или иной группе (например, маргинальные элементы или, наоборот, лица, выполняющие профессиональный или

³²² Шинкевич Н.Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дис. ... канд. юрид. наук. – Смоленск, 2004. – С. 199.

³²³ Шайкенова Д.Т. Убийство, совершенное с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 9.

общественный долг). Так, в частности, в настоящее время начинает развиваться такое направление виктимологических исследований, как виктимология терроризма, которое, безусловно, также будет иметь дело с определенной спецификой оценки жертв терроризма, поскольку для лиц, совершающих теракты, как правило, решающим являются не столько вопросы персонификации жертв (хотя в ряде случаев они также могут быть предметом избирательной деятельности террористов), сколько вопросы количества пострадавших и некоторые другие (в частности, социальная значимость объектов, посягательство на которые способно привести к наибольшему устрашению общества). Несмотря на тот факт, что персонифицировать жертву терроризма в предкриминальной стадии достаточно сложно, нам представляются оправданными теоретические позиции исследователей относительно необходимости мониторинга и статистического виктимологического учета жертв терроризма³²⁴.

Типология жертв в криминологической теории производится по самым разнообразным критериям. Одной из наиболее распространенных и несколько, на наш взгляд, упрощенных классификаций является деление жертв на случайных (ставшими потерпевшими по причине случайного стечения обстоятельств безотносительно к каким-либо личным качествам или поведенческим характеристикам), пассивных (в целом, неосмотрительные, легкомысленные) и активных (провоцирующих совершение посягательств в отношении самих себя или своих близких)³²⁵. Непосредственно в контексте насильственной преступности авторами обосновываются следующие типы потерпевших от насильственных преступлений: агрессивные, активные, инициативные, пассивные, некритичные, нейтральные³²⁶. Расшифровка предложенной классификации, предложенная авторами, выглядит достаточно убедительной и включает значительный диапазон характерологических, поведенческих моделей жертв насильственных преступлений. Другие исследователи выделяют следующие виды потерпевших: 1) потерпевшие, чьи действия были направлены на пресечение преступного посягательства; 2) потерпевшие, чьи действия не находятся в причинно-следственной связи с действиями виновного лица; 3) потерпевшие с виктимным поведением (отрицательным, аморальным, рискованным, провокационным)³²⁷. В иных классификациях выделяются универсальный, избирательный, ситуативный, случайный, профессиональный тип жертвы посягательства³²⁸. Несмотря на убедительность разработанных типологий, очевидно, что приведенные классификации без подробной расшифровки являются недостаточно

³²⁴ Кабанов П.А. Виктимология терроризма: вопросы формирования и развития // Виктимология. – 2016. - № 4 (10). - С. 15.

³²⁵ Ахмедшина Н.В. Криминологическая виктимология: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск. – 2010. - С. 10.

³²⁶ Юзиханова Э.Г., Нифонтов В.А. Виктимологическая обусловленность насильственной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. - Тюмень: Изд-во ТЮИ МВД России, 2013. - № 4 (26). - С. 45.

³²⁷ Ривман Д.В. Криминальная виктимология. — СПб.: Питер, 2002. - С. 40.

³²⁸ Сорокотягина Д.А. Виктимологический анализ при расследовании преступлений // Криминалистическая виктимология. Вопросы теории и практики. - Иркутск, 1980. – С. 43-44.

информативными. Кроме того, не следует исключать своеобразную «подвижность» любой из приведенных классификаций, когда жертва насильственного преступления может вести себя по различному выделенному типу поведения (например, в одном случае выступать как агрессивный тип, а в другом - как пассивный). Кроме того, возможно сочетание (например, пассивного и нейтрального типов). В целом, следует согласиться с функциональностью подобного рода классификаций, поскольку «способ взаимодействия потерпевшего с окружающей средой в силу проявления индивидуально-личностных свойств, способствующих, провоцирующих субъекта преступной деятельности к реализации субъективной направленности в ситуации взаимодействия, определяет механизм конфликтного взаимодействия»³²⁹.

Анализ различных теоретических концепций привел нас к выводу, что с точки зрения влияния поведения потерпевшего на механизм насильственного преступного поведения можно выделить следующие типы (уровни) виктимологического фактора: 1) нейтральный или почти нейтральный (здесь предполагаются случаи, когда индивидуальные параметры характеристики личности потерпевшего и его поведение практически не **влияют** или **влияют** крайне слабо на формирование и реализацию насильственной мотивации); 2) генерирующий или кумулирующий тип (здесь предполагаются такие варианты, когда потерпевший отсутствием должной реакции на те или иные виды незначительного физического или психического (психологического) воздействия фактически способствует, не препятствует тому, что насилие переходит в криминальные формы. Данный тип **ВИКТИМНОГО** поведения в особенности типичен для сферы семейно-бытовых отношений и иных отношений, связанных с постоянным контактом преступника и жертвы); 3) провоцирующий (практически единственный тип, которому придается уголовно-правовое значение в механизме преступного поведения, когда аморальное или противоправное поведение самого потерпевшего приводит к акту насильственного посягательства, что закономерно ставит вопрос о снижении параметров уголовной ответственности); 4) катализирующий тип (как правило, лица со сниженной системой самоконтроля и самозащиты, легкомысленно относящиеся к вопросам обеспечения собственной безопасности); 5) регрессный тип (лица, которые становятся жертвами насильственных посягательств со стороны тех, к которым они сами применяли насилие, то есть ставшие фактически жертвами собственного предшествующего поведения).

Предупреждение насильственных преступлений без учета превентивного воздействия на поведенческие модели (стереотипы) поведения людей, детерминирующих потенциальную угрозу становления человека жертвой насильственного посягательства, теоретически и практически невозможно. Исследование типичных признаков (особенностей) жертв насильственных

³²⁹ Сембекова Б.Р. Личность потерпевшего в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию // Вестник КарГУ. - 2010.

посягательств нередко способствует активизации процесса расследования уголовных правонарушений, построению наиболее достоверных версий относительно обстоятельств совершенного уголовного правонарушения и лица, его совершившего³³⁰. Исследователи виктимологического вектора предупреждения преступности указывают, что виктимология представляет собой «... совокупность мер предупреждения, направленных на виктимное поведение, связанных с устранением, нейтрализацией или уменьшением факторов, обуславливающих или способствующих виктимности»³³¹. Соответственно, совершенно справедливым следует признать утверждение о необходимости такого направления предупредительного воздействия на преступность, как «виктимологическая профилактика»³³². Современная криминологическая ситуация в стране уже достаточно убедительно свидетельствует о том, что некоторые традиционные специально-криминологические методы профилактики не в полной мере способны обеспечить адекватную и действенную реакцию на новые криминальные угрозы. Виктимологический аспект профилактики до настоящего времени не получил в Казахстане достаточного научного обоснования, которое могло бы способствовать выработке частных прикладных методик для повышения уровня осведомленности и самозащиты граждан от тех или иных видов насильственных посягательств.

Мы солидарны с мнением современных казахстанских исследователей вопросов виктимологии насилия, которые обращают пристальное внимание **на зарубежный опыт** виктимологической профилактики преступлений, где положительных результатов достигают различные формы информирования населения о наиболее результативных средствах индивидуальной защиты, а также привлечения общественности к охране общественного порядка, теоретического обучения, начиная со школьного возраста, в рамках прикладной виктимологии и т.д.³³³ Однако, как мы уже неоднократно указывали, в данном случае необходим не просто статистический набор тех или иных факторов, которые связаны с ролью жертвы преступления в механизме того или иного насильственного акта, а их динамическая характеристика, то есть установление наиболее значимых (часто повторяющихся в тех или иных формах взаимодействия) корреляций, которые **позволили** бы установить максимально значимые для правоприменителей «зоны» виктимологической профилактики.

Анализ теоретических исследований, посвященных вопросам виктимологической характеристики насильственных преступлений, позволил автору настоящего исследования выделить две самостоятельные группы факторов, **относящихся** как непосредственно к личности потенциальной жертвы насильственного посягательства, так и к объективным факторам

³³⁰ Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений. – Л., 1977. - С. 16.

³³¹ Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2000. - С. 168.

³³² Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учебное пособие / под ред. С.Я. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. - С. 6.

³³³ Сарсенбаева Г.Ш., Тайлакова М.М. Виктимологическая профилактика преступлений в РК и за рубежом // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012. - С. 22-23.

окружающей среды, продуцирующим снижение фактора самосохранения конкретного лица.

К субъективным факторам виктимности (т.е. факторам, относящимся исключительно к параметрам характеристики самого потерпевшего или его поведения) при насильственных посягательствах следует отнести следующие: 1) возраст потенциальной жертвы насильственного преступления; 2) гендерные признаки потерпевшего; 3) имущественное положение («сословная» принадлежность); 4) национальная, этническая, расовая, социальная конфессиональная принадлежность потенциальной жертвы; 5) состояние здоровья, уровень интеллектуального и психического развития потенциальной жертвы преступления; 6) зависимость (в любой форме) потерпевшего от посягателя; 7) злоупотребление алкоголем, наркотическими средствами или психотропными веществами; 8) персонификация жертвы для виновного; 9) стереотипы поведения жертвы, снижающие уровень самосохранения. Большинство из них (за исключением последних двух) затрагиваются в специальных криминологических исследованиях. Выделение двух последних субъективных факторов виктимологической характеристики насильственных преступлений стало результатом изученных нами уголовных дел, а также анализа публикаций в СМИ, касающихся описательной части взаимодействия «преступник-жертва».

Не вызывает сомнения тот факт, что необходимо учитывать различные возрастные параметры жертв насильственных преступлений (в частности, в предыдущем параграфе мы подвергли исследованию возрастные параметры преступника и жертвы в насильственных половых посягательствах). Если речь идет о несовершеннолетнем возрасте, то профилактическое антивиктимное воздействие должно быть преимущественно **направлено** на самих несовершеннолетних согласно **возрастным особенностям** психики данного возраста. Однако с обязательным учетом того фактора, что несовершеннолетние практически всегда находятся в зависимом положении от взрослых (родителей, учителей, опекунов, спортивных тренеров и т.д.), а также от агрессивного поведения «авторитетных» сверстников. Возрастные параметры, определяющие высокую степень виктимности пожилых лиц, могут иметь серьезную вариативность, обусловленную состоянием здоровья, полноценностью умственной деятельности, физической активности данных лиц. Преимущественно не сам по себе пожилой возраст, а сопряженные с ним факторы существования в социуме пожилого человека имеют значение для виктимизации пожилых лиц и их подверженности насильственным посягательствам. Лица пожилого возраста не поспевают за стремительным потоком информации, часто бывают весьма доверчивы к людям, особенно если они представляются служащими государственных органов и служб, нередко становятся жертвами издевательств со стороны младших по возрасту родственников и т.п. В силу **этого** профилактическое воздействие в данном случае должно учитывать возрастные особенности мышления и поведения данных лиц, а также случаи так называемого «старческого социального сиротства», и быть направленным как в сторону самих пожилых людей

(доступное информирование), так и носить характер социальных программ, обеспеченных институтами гражданского общества, своего рода социального патронажа, например, как предлагают исследователи вопроса – «соседского контроля»³³⁴. Что же касается малолетних детей, в особенности детей в возрасте от 1 до 5 лет, то виктимологическая профилактика насильственных посягательств в данном случае может быть направлена исключительно на нейтрализацию факторов, продуцирующих насильственную деятельность виновных лиц (если речь идет о насилии со стороны родителей или иных родственников), а также на повышение информированности и бдительности родителей (если речь идет о насильственных посягательствах на детей со стороны посторонних лиц). Так, исследователи совершенно справедливо акцентируют внимание на том обстоятельстве, что исследование причин детоубийств, совершаемых родителями, с точки зрения обобщения и анализа мотивов, внешних факторов, условий существования семьи и т.д. способны дать представление о том, в каких обстоятельствах необходим более тщательный контроль в отношении семьи, где появляется ребенок³³⁵.

Фактор персонификации жертвы насильственного посягательства практически не исследован в криминологии. Вместе с тем, он имеет непосредственное (а нередко - решающее) значение для формирования криминально-насильственной мотивации и соответствующего механизма криминального поведения. Конкретно определенная персоналия жертвы насильственного посягательства существенно снижает роль виктимологического фактора в механизме совершения соответствующего насильственного посягательства, поскольку сужает диапазон возможного влияния тех или иных поведенческих моделей на механизм совершения уголовного правонарушения. Так, если в качестве предполагаемой жертвы выступает лицо, которое в судебном порядке требует от виновного лица возвращения денежного долга, то особенности поведения потенциального потерпевшего в данном случае не имеют решающего значения, поскольку при любой поведенческой модели виновный стремится причинить вред именно данному конкретному лицу. **Исключение** составляют случаи, когда потерпевший сам своим предшествующим поведением спровоцировал акт насильственного посягательства. Противоположная ситуация складывается в случаях, когда персонификация жертвы для виновного отсутствует. В подобных обстоятельствах виновный применяет насилие к любому потерпевшему, параметры характеристики которого соответствуют его криминальным «притязаниям». Так, например, автор виктимологического исследования Н.В. Ахмедшина приводит такой вид взаимодействия «преступник-жертва», в котором жертва по причине значительного набора виктимных черт «притягивает» в себе преступника (автор называет данный тип

³³⁴ Репецкая Ю.О. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в отношении лиц пожилого возраста: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2010. - С. 153.

³³⁵ Старовойтова О.Э. Детоубийство как следствие кризиса общественного сознания // Юридическая мысль. – 2009. - № 4(54). - С. 115.

«схемой магнита»)³³⁶. Если изучение личности и параметров поведения персонифицированных жертв насильственных посягательств преимущественно имеет значение при досудебном расследовании и в судебном разбирательстве по конкретному уголовному делу, то изучение моделей поведения неперсонифицированных жертв в механизме криминального поведения насильственного преступника требует тщательного исследования, систематизации и анализа с точки зрения выработки специальных и индивидуальных мер криминологической профилактики (прикладной виктимологии насильственных преступлений).

Стереотипность поведения жертвы, как мы полагаем, следует также отнести к виктимологическим аспектам субъективного характера. Что следует понимать под стереотипным поведением жертвы? Здесь возможны различные варианты поведенческой модели потенциальной жертвы насильственного посягательства, по причине которых особая (виктимная) модель поведения потерпевшего фактически предопределяет направленность криминального «притязания» виновного лица именно в отношении данной конкретной жертвы. Одним из наиболее распространенных стереотипов виктимного поведения следует признать отношение к насильственному поведению со стороны жертв бытового насилия, которое нередко воспринимается потерпевшими в качестве диапазона нормального поведения. Причины подобного восприятия могут быть различными, однако, требуют исследования в силу распространенности подобных наказуемых деяний. В других случаях под стереотипностью поведения потерпевшего мы понимаем различные случаи утраты бдительности и чувства самосохранения ввиду существования иллюзии собственной безопасности. В частности, один из распространенных стереотипов поведения можно условно назвать «в своем районе мне не страшно», в силу чего потенциальный потерпевший не принимает во внимание тот факт, что для виновного лица безразлично, в каком районе совершать насильственное нападение. Потерпевший же, полагая, что в знакомом районе он может без серьезных опасений находиться в ночное время на улице, имея при себе значительные денежные средства либо пребывая в состоянии алкогольного опьянения, нередко сам создает условия для совершения в отношении него насильственного посягательства. Данный факт можно подтвердить также тем обстоятельством, что большинство случаев пропаж детей с последующим применением в отношении них насилия происходили именно в районах их проживания, когда родители утрачивали бдительность и позволяли детям некоторое время оставаться без присмотра. Несмотря на то, что исследователи практически не выделяют самостоятельно данный фактор, в отдельных работах можно встретить указание на аналогичные обстоятельства. Например, указывается, что существенно снижается вероятность насильственного посягательства на несовершеннолетних лиц в том случае, когда они избегают посещения криминогенных мест, не гуляют в одиночестве, стараются

³³⁶ Ахмедшина Н.В. Указ. соч. - С. 10.

находиться в людных местах³³⁷.

Что касается объективных параметров виктимологической характеристики насильственных преступлений, то они носят общий (объективный) характер, поскольку практически не зависят от особенностей личности потерпевшего, моделей его поведения и т.д. В частности, исследователи в области виктимологии называют одним из факторов чрезмерной виктимности общества то обстоятельство, что имеет место недостаточная обеспеченность механизма защиты прав человека, низкий уровень защищенности граждан (на порядок уступает европейскому уровню защищенности)³³⁸. В этом контексте совершенно справедливы указания исследователей на тот факт, что «виктимность должна рассматриваться как сложное, двуединое явление (свойство), в котором, с одной стороны, выражается незащищенность личности от преступных посягательств на уровне макросреды, а с другой - субъективная предрасположенность личности стать жертвой преступления, которая снижает ее способность противостоять насилию»³³⁹.

Объективные факторы виктимологической характеристики насильственной преступности, в отличие от субъективных, существенно снижают влияние поведения личности, подвергшейся насильственному нападению, на механизм формирования криминальной мотивации и поведения виновного лица. Иными словами, в ситуации включения объективных факторов, пусть даже эти факторы являются производными человеческой деятельности, виктимологический аспект в значительной степени нивелируется, типологический портрет жертвы того или иного вида насильственного посягательства существенно «размывается», утрачивает роль более или менее значимого фактора. Могут иметь место различные варианты указанных ситуаций, в том числе в случаях природных катаклизмов, стихийных бедствий, техногенных катастроф и т.д. Особо следует обозначить два типа противоположных ситуаций с объективными факторами виктимности.

Во-первых, это насильственные посягательства, в механизме совершения которых безразличны те или иные личностные качества (свойства) личности потерпевшего, особенности его поведения. Таковыми, как правило, являются террористические акты, когда для виновных жертвы совершенно неперсонифицированы, поскольку преследуются цели оказания воздействия на государственные органы и должностных лиц, устрашение населения. Террористы в значительно большей степени обеспокоены успешностью террористической операции, а также ее масштабностью, которая чаще всего измеряется количеством пострадавших. Таким образом, направленность действий террористов больше будет определяться объективными факторами – определением места наибольшего скопления людей. Если же террористы и

³³⁷ Степанова М.А. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. - № 4. - С.40.

³³⁸ Ривман Д.В. Криминальная виктимология. — СПб.: Питер, 2002. - С. 64.

³³⁹ Мусаев Д.У. Виктимологическая профилактика преступлений против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2012. – С. 9.

учитывают личностные свойства потенциальных жертв террористического акта (например, захват школы с детьми, самолета с известными спортсменами на борту и т.п.), то опять-таки в целях достижения эффекта наибольшего устрашения, более болезненной реакции общества на случившееся. Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что нейтрализация индивидуальной виктимности в данном случае хоть и имеет значение, но преимущественно профилактика должна проходить в рамках государственных программ.

Во-вторых, насильственные посягательства, в которых свойства потерпевшего, напротив, имеют решающее значение, но потерпевший практически лишен возможности изменить сложившуюся ситуацию, поскольку данные свойства либо не могут подлежать коррекции (например, этническая, расовая принадлежность), либо, в другой ситуации, представляют собой нетрадиционные формы социального существования с соответствующей атрибутикой (представители секс-меньшинств, различных молодежных неформальных объединений и т.д.). Так, при посягательствах скинхедов и других подобных объединений виктимологический аспект фактически может быть сведен исключительно к этнической либо расовой принадлежности лица. В подобных ситуациях криминологическая профилактика также должна быть представлена мерами общего характера, поскольку с виктимологической точки зрения профилактика возможна только при наличии стойкой криминальной ситуации соответствующего характера, по причине которой у потенциальной жертвы появляются основания опасаться насильственного нападения.

Подводя итог теоретическому анализу виктимологического аспекта насильственной преступности, можно сформулировать некоторые основные выводы. Так, в приоритетном аспекте мы полагаем, что настоящее время вопросы виктимологической профилактики насильственной преступности (в том числе в рамках специальных прикладных методик) должны стать объектом пристального внимания. Для выявления наиболее значимых виктимогенных факторов требуется разработка новой формы статистической отчетности, которая должна выявить наиболее значимые виктимные обстоятельства и их совокупности (корреляции), способные дать конкретный инструментарий для адресной виктимологической профилактики. Мы предлагаем виктимологическую статистику вести в корреспондирующем порядке с общей криминальной статистикой в рамках группы «индексных» насильственных преступлений.

Исследовав имеющиеся в науке немногочисленные типологии жертв насильственных преступников, мы предлагаем собственную типологию жертв насильственных преступлений, в рамках которой предлагаем выделять следующие типы: 1) нейтральный или почти нейтральный (не влияет или влияет крайне слабо на формирование и реализацию насильственной мотивации); 2) генерирующий или кумулирующий тип (допускающий те или иные формы насилия, постепенно переходящие в более тяжкие посягательства); 3) провоцирующий (непосредственно вызывающий насильственный акт по причине аморального или противоправного поведения); 4) катализирующий тип (сниженная система самоконтроля и самозащиты, легкомыслие);

5) регрессный тип (лица, ставшие жертвой насильственного акта по причине того, что сами применяли насилие).

В криминологии общие виктимологические факторы насильственной преступности более или менее стройной классификации не подвергались, преобладают те или иные теоретические акцентуации авторов. Нами предложена авторская классификация виктимных факторов на объективные и субъективные. Объективные факторы преимущественно относятся к макроуровню виктимизации всего населения (слабый уровень правовой защищенности, недостатки в деятельности правоохранительных органов, дефекты общественного сознания и т.п.), в силу чего требуют выработки комплексных государственных профилактических мер. Субъективные факторы (возраст, пол, состояние здоровья, употребление алкоголя, наркотиков, имущественное положение и др.), как мы полагаем, требуют самостоятельного исследования в рамках виктимологической статистики. Кроме того, нами обращено внимание на тот факт, что наиболее эффективные виктимологические методики могут быть выработаны на основе статистического анализа насильственных посягательств, в которых жертва не была персонифицирована для виновного лица (лицо избрано в качестве «подходящей» жертвы). Необходимо вести информационно-разъяснительную работу на преодоление поведенческих стереотипов, которые нередко приводят к виктимизации.

3 ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НАСИЛЬСТВЕННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

3.1 Общепредупредительное воздействие на насильственную преступность в Республике Казахстан: оценка современных социально-экономических, политических и нравственно-идеологических факторов

В предыдущих теоретических блоках настоящей работы нами были освещены аспекты современного состояния уголовно-правовой и криминологической оценки насильственных преступлений в Республике Казахстан и сформулированы ряд предложений по современному формату теоретического исследования данной проблемы, а также по совершенствованию отдельных аспектов уголовно-правовой регламентации насильственных посягательств. Значимым вектором любого уголовно-правового и криминологического исследования является **конструирование предложений** и рекомендаций относительно совершенствования механизма противодействия негативным тенденциям в том или ином сегменте преступности. Соответственно, перейдем к исследованию доступного к настоящему времени инструментария предупредительного воздействия на насильственные преступления в Республике Казахстан.

Поскольку в контексте теоретических исследований относительно насильственных преступлений центральным звеном является вопрос о защите личности (человека), то, соответственно, и вопросы профилактики насильственных форм поведения консолидируются вокруг одного основного понятия - «безопасность личности» или, точнее, «безопасность человека». В рамках нашего исследования данные понятия будут исследованы как синонимичные, хотя мы согласны с тем, что они, безусловно, имеют определенные отличия. Вопросы предупредительного воздействия на преступность являются итогами научных исследований в том или ином сегменте преступности. Что же касается защиты личности от актов физического или психического (психологического) насилия, то в данном случае речь следует вести о нескольких самостоятельных блоках, в контексте которых необходимо разрешать данную проблему: 1) общий уровень обеспечения безопасности личности со стороны государства и его институтов; 2) специально-криминологическое воздействие на факторы, продуцирующие и способствующие реализации насильственной мотивации посредством сдерживающих механизмов и специальной коррекции в случае уже свершившегося акта уголовно наказуемого насильственного поведения; 3) специальный уровень защиты лиц, которые потенциально находятся в зоне риска (в отношении которых есть основания говорить о потенциально высоком индексе виктимизации); 4) самозащита личности как необходимый элемент обеспечения ее безопасности (здесь следует вести речь и о совершенствовании законодательных механизмов, и о выработке психологических механизмов

самозащиты).

Безусловный приоритет в обеспечении безопасности личности, в том числе в контексте насильственных посягательств, всегда отмечался и сохраняется до настоящего времени за государственными институтами, поскольку именно стабильность политических, социально-экономических, нравственно-идеологических процессов в обществе во многом обеспечивает и стабильность криминологической безопасности личности. По образному выражению Н.А. Бердяева, «в иррациональном, безумном мире нет ни материальной, ни духовной безопасности жизни, нет больше ни для кого никаких гарантий. Человек угрожаем со всех сторон, и не знает, что будет завтра»³⁴⁰. Таким образом, известный философ констатирует, что криминологическая защищенность человека не может ограничиваться исключительно его самозащитой без достаточной системы обеспечения безопасности личности со стороны государства. В целом, криминологическая безопасность является, на наш взгляд, специальным термином по отношению к понятию «безопасность личности», **предполагающим** защиту личности от преступных посягательств³⁴¹. По нашему мнению, криминологическая безопасность граждан представляет собой необходимое и сбалансированное сочетание объективных и субъективных факторов, на основании которого можно говорить о достижении определенного уровня криминологической защищенности граждан как в общегосударственном значении, так и с позиции личной (субъективной) оценки граждан. В частности, исследователи указывают на тот факт, что, несмотря на определенные улучшения в социально-экономических факторах жизнедеятельности общества и стабилизации политической обстановки, граждане по-прежнему чувствуют себя слабо защищенными, чему основная причина – это по-прежнему высокий уровень преступности в большинстве государств современного мирового сообщества³⁴².

Динамика социальных процессов и их отражение в научных исследованиях привели к тому, что в настоящее время преимущественно речь идет не о борьбе с преступностью, а о противодействии ей либо о контроле посредством сдерживания в безопасных пределах. В более ранних криминологических исследованиях политика борьбы с преступностью преимущественно трактовалась как комплекс мер, которые прямо или косвенно **направлены** на воздействие в отношении данного криминального явления (преступности)³⁴³. Уже традиционным стало включение в систему противодействия преступности не только специальных мер (уголовно-правовых, криминологических, оперативно-розыскных, уголовно-

³⁴⁰ Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. - М., 1994. - С. 323.

³⁴¹ Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних. - М., 1998. - С. 4-5; Лебедев С.Я. Криминологическая безопасность личности, общества, государства // В кн.: Правовая наука на рубеже XXI столетия: сборник научных трудов. - Омск, 2000. - С. 13.

³⁴² Ревягин А.В., Бойко О.А., Жайворонок А.В., Теохаров А.К. Обеспечение криминологической безопасности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. - № 2(57). – С. 54.

³⁴³ Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. – М., 1979.

исполнительных и т.д.), но и мер общесоциального, экономического, политического и т.д. характера³⁴⁴. Это означает, что в сферу противодействия преступности включается, по существу, вся деятельность государства и общества, имеющая социальную направленность. Еще Ч. Беккариа писал: «Лучше предупреждать преступления, чем наказывать. В этом - главная цель всякого хорошего законодательства, которое является искусством вести людей к возможно большему счастью или возможно меньшему несчастью, если говорить об общем итоге добра и зла в жизни»³⁴⁵.

Как указывает Б.Х. Толеубекова, необходимость формирования национальной казахстанской модели противодействия преступности предопределяет неотложность следующих мер: разработку национальной стратегии противодействия преступности и контроля над нею; признания стратегически значимыми и методологически обоснованными отказ от идеологии борьбы с преступностью и восприятие идеологии противодействия преступности и контроля над нею; разработку государственной комплексной долговременной программы противодействия преступности и контроля над нею; разработку пакета проектов законодательных актов по вопросам противодействия преступности и контроля над нею»³⁴⁶. Вместе с тем, как будет нами указано далее, вопросы программного обеспечения противодействия преступности в Республике Казахстан в настоящее время реально не решены. Воздействие ограничено отдельными сегментами (профилактика бытового насилия, деликвентного поведения несовершеннолетних, специально-профилактическое воздействие в отношении правонарушений и т.д.), но отраслевой программный документ (комплексная государственная долговременная программа, как подчеркивает Б.Х. Толеубекова) по противодействию преступности к данному моменту отсутствует.

Таким образом, понятие «борьба с преступностью» постепенно уступает свои позиции, хотя и продолжает употребляться, что, по нашему мнению, не является существенным методологическим противоречием. Однако и без него в криминологической науке имеет место значительное терминологическое многообразие. В частности, условно синонимичными можно признать следующие термины: «предупреждение», «предотвращение», «профилактика» «пресечение», «превенция», «противодействие» и т.д. Нередко данные понятия используются несколько произвольно, поскольку не усматривается существенная разница в их этимологическом значении. В целом, на наш взгляд, это допустимое отождествление, поскольку решение криминологической задачи по предупреждению насильственной преступности несущественно зависит от терминологического сопровождения (в принципе и термин «борьба с преступностью», скорее, был исключен из обихода как наследие советской

³⁴⁴ Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Советское государство и право. - 1979. - № 4. - С. 9.

³⁴⁵ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. - М., 2004. - С. 150.

³⁴⁶ Толеубекова Б.Х. Перспективы государственной политики Республики Казахстан по противодействию преступности // Вестник КазНПУ. - 2014 // <https://articlekz.com/article/10199> (дата обращения 14 октября 2018 года).

эпохи). Хотя некоторые из указанных понятий, безусловно, имеют несколько более узкую трактовку, например, «пресечение» и «предотвращение». В частности, группа известных криминологов (Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков и др.) исследуют предупреждение преступности как совокупность сложившихся в одну систему объективных и субъективных факторов, устраняющих либо нейтрализующих причины и условия, приводящие к воспроизводству преступности, поддерживающие ее существование и развитие. Что же касается профилактики, то в данном случае исследователи подразумевают недопущение совершения конкретных преступлений со стороны тех или иных представителей общества, т.е. сдерживание, предотвращение конкретных актов преступных посягательств. Совершенно справедливо, на наш взгляд, указание на тот факт, что вмешательство в уже начатую преступную деятельность с целью ее прекращения следует именовать «пресечение преступления», а воспрепятствование на еще более ранних стадиях (на стадии формирования умысла, приготовления к преступлению) – «предотвращение преступления»³⁴⁷. Таким образом, предупреждение является термином более общего порядка, **включающим** в себя дифференцированные формы воздействия. Причем функциональность данного термина распространяется как на впервые совершаемые преступные деяния, так и на повторные посягательства. Кроме того, совершенно справедливо указание А.И. Долговой на тот факт, что такие термины, как «предотвращение», «пресечение», «профилактика», как правило, употребимы только в контексте конкретных преступлений (видов преступлений), что же касается термина «предупреждение», то он в наибольшей степени имманентен комплексному воздействию на преступность в целом³⁴⁸. Аналогичные умозаключения мы находим и у других авторитетных исследователей³⁴⁹.

Как уже ранее указывалось, ведущие казахстанские исследователи приоритетным считают термин «противодействие», что, на наш взгляд, также является обоснованным. В отличие от термина «предупреждение», «противодействие» предполагает не только комплексное превентивно-сдерживающее воздействие, но и формирование системы мер, противостоящих преступности. Иными словами, термин «противодействие» по своему содержательному наполнению, отражающему интенсивность воздействия на преступность, фактически приближается к ранее употребляемому термину «борьба с преступностью». Полагаем, что в контексте нашего исследования, применительно к сдерживающему воздействию на насильственную преступность, методологически верно употребление всех терминов в зависимости от уровня, на котором производится предупредительное воздействие.

Традиционным для криминологии является выделение уровней

³⁴⁷ Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд., доп. и перераб. - М., 2006. - С. 293, 299-300.

³⁴⁸ Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. - М., 2002. - С.431-432.

³⁴⁹ Иванов В.Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях их проявления. - Ростов-на-Дону, 2000. - С. 226-327.

предупредительного воздействия, так сказать, «по вертикали», по субъектам предупредительного воздействия, по приоритетным способам воздействия и т.д. Наиболее функциональным считается выделение уровней «по вертикали» с переходом от общесоциальных предупредительных мер к индивидуальной профилактике (такая модель превалирует до настоящего времени в большинстве криминологических исследований). Уровнями предупреждения в данном случае являются: государство, государственная политика в отношении основных направлений развития общества – специально-криминологическое воздействие на отдельный сегмент преступности или отдельную группу граждан – индивидуально-предупредительное воздействие на механизм преступного поведения конкретного лица. В отношении индивидуально-предупредительного воздействия на насильственную преступность в настоящее время многие исследователи (мы присоединяемся к данным позициям) утверждают также важность виктимологического направления профилактики. Таким образом, индивидуальное предупреждение двуедино, и смысл его заключается в том, чтобы «сдержать» потенциального насильственного преступника от совершения преступного акта, а потенциальную жертву обеспечить действенным инструментарием защиты психолого-поведенческого характера.

Вариативность выделения уровней предупреждения преступности у различных авторов имеет место, однако преимущественно в рамках выше приведенной системы. Так, в частности, О.В. Старков выделяет следующие уровни предупреждения (профилактики) в зависимости от масштабов и способов реализации предупредительной деятельности: 1) общесоциальный (в традиционном понимании, т.е. как совокупность политических, социально-экономических, культурных, идеологических и др. факторов); 2) личностно-микросредовой; 3) индивидуальный. При этом личностно-микросредовой он делит на два подуровня: а) микросредовой (воздействие на неблагоприятные факторы микросреды, приводящие к формированию криминальной мотивации); б) групповой (также ориентированный на внешние причины формирования и становления криминальной мотивации, формирующие соответствующую жизненную ситуацию, основанные на взаимодействии социальных групп, их совместимость). К индивидуальному уровню профилактики О.В. Старков относит психические и психофизиологические особенности личности, усваиваемую криминологически значимую информацию, жизненный опыт, мотивацию и т.д., то есть все, что воздействует на механизм индивидуального преступного поведения³⁵⁰.

Несколько иную классификацию уровней предупреждения приводят К.Е. Игошев и В.С. Устинов. По их мнению, существуют следующие уровни предупреждения: 1) общесоциальный, сдерживающий преступность на уровне неспециальных форм воздействия, непосредственно не направленных на преступность; 2) специально-криминологический, непосредственно связанный с воздействием на причины и условия преступности для их нейтрализации.

³⁵⁰ Старков О. В. Предупреждение преступлений. - М., 2005. - С. 13-14.

Специально-криминологический уровень исследователи подразделяют на: а) общую (неперсонифицированную) профилактику, направленную на микросреду преступного поведения; б) индивидуальную профилактику, объектом которой является личность человека, от которого можно ожидать совершения преступления³⁵¹.

В ходе исследования теоретического и нормативно-правового материала и формулировки выводов мы будем придерживаться традиционной градации мер предупредительного воздействия на общесоциальные (общепреупредительные), специально-криминологические меры и меры индивидуальной профилактики насильственных преступлений (включая виктимологическую профилактику), однако произведем акцент не на воспроизводстве достижений научной криминологической мысли, а на актуализации некоторых новых форм предупредительного воздействия, которые в настоящее время становятся востребованными и требуют научной разработки и апробации.

Мы полагаем, что в современных условиях функционирования нашего государства, в том числе и формирования системы мер криминологической безопасности граждан, целесообразно также выделять и международный уровень предупреждения преступности, который формируется благодаря документам международного характера, **содержащим** рекомендации по повышению уровня защищенности определенных групп населения (в частности, препятствующие дискриминации и насилию в отношении женщин, детей, трудовых мигрантов и других групп), по повышению профессионализма и соблюдению прав человека в деятельности лиц, участвующих в осуществлении правосудия (кодексы поведения должностных лиц, полиции и т.д.), а также международным соглашениям по совместному противодействию наиболее опасным формам преступных деяний (например, конвенции по противодействию терроризму, торговле людьми и др.). Как указано в Конституции Республики Казахстан, международные документы включаются в правовую систему нашего государства³⁵². Значение данных документов в том, что они оказывают стимулирующее, моделирующее, вспомогательное воздействие на национальную систему криминологической безопасности. В частности, решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 года (г. Душанбе) была принята Межгосударственная программа совместных мер по борьбе с преступностью. Данной программой, которая принята на смену истекающему по сроку действия предшествующему аналогичному документу, в частности, предусмотрены вопросы консолидации и координации усилий по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, **торговле** людьми и незаконной **миграции**, а также **посягательствам** в сфере информационно-коммуникационных технологий³⁵³.

³⁵¹ Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений: учебное пособие. - Горький, 1977.

³⁵² Конституция Республики Казахстан: принята 30 августа 1995 года.

³⁵³ О принятии Межгосударственной программы совместных мер по борьбе с преступностью: Решение Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 года (г. Душанбе).

Данные направления профилактического воздействия являются превентивными и по отношению к предупреждению насильственной преступности. В частности, между незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и насильственными преступлениями исследователями всегда констатируется достаточно четкая корреляция, равно как и с действиями, связанными с торговлей людьми.

Итак, общесоциальные меры непосредственно не воздействуют на те факторы, которые продуцируют насильственную преступную деятельность (по крайней мере, их создание и поддержка со стороны государственных институтов непосредственно не преследуют такую цель), но оказывают важное значение для улучшения «социального фона» в государстве, который неизбежно воздействует и на социальное благополучие отдельно взятого человека. Прямую корреляцию данных мероприятий с уровнем насильственной преступности, конечно же, установить невозможно, поскольку, как совершенно справедливо указывают криминологи, достижение высоких стандартов жизни населения во многих развитых странах не привело к ожидаемому снижению уровня преступности. В данном случае действует механизм взаимодействия иных социальных противоречий, еще недостаточно изученный до настоящего времени. Вместе с тем, наличие стабильной социально-экономической обстановки в стране даже при стабильно высоком уровне насильственной преступности существенно снижает риск социально-деструктивных последствий для потерпевших, позволяет быстрее пройти процесс психологической реабилитации.

В Республике Казахстан в настоящее время действует значительное количество документов стратегического характера, рассчитанных на среднесрочный период, призванных стабилизировать наиболее индикативные составляющие социально-экономического благополучия в стране: Единая программа поддержки и развития бизнеса «Дорожная карта бизнеса 2020», Дорожная карта занятости 2020, Программа развития регионов до 2020 года, Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015-2019 годы, Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 годы, Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Денсаулық» на 2016-2019 годы и некоторые другие. Комплексным и долгосрочным стратегическим документом по развитию РК в экономическом, индустриальном отношении является Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года, утвержденный Указом Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636, главной целью которого является «добиться качественного и устойчивого подъема экономики, ведущего к повышению благосостояния людей на уровень стран Организации экономического сотрудничества и развития»³⁵⁴.

Данные документы в контексте противодействия такому негативному

³⁵⁴ Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года: **утвержден** Указом Президента Республики Казахстан № 636 от 15 февраля 2018 года.

явлению, как насильственная преступность, направлены на снижение социального антагонизма между слоями населения с существенной разницей в доходах, **создание условий** для реализации гражданами Республики Казахстан возможностей по улучшению собственной социально-экономической ситуации (социальной **микросреды**). Давно установлен и не подвергается сомнению тот факт, что экономические условия существования отдельно взятой семьи во многом определяют конфликтность (бесконфликтность) внутрисемейных отношений, психологический микроклимат, наличие (отсутствие) вспышек агрессии членов семьи по отношению друг к другу, снижают либо, напротив, повышают вероятность употребления алкоголя и наркотических веществ и т.д. Безусловно, как мы указывали ранее, провести абсолютную корреляцию между экономическим благополучием общества и отдельно взятых семей и уровнем насильственной преступности не представляется возможным. Однако в отдельно взятом случае, на микроуровне отдельного человека, данные факторы могут иметь и решающее значение (в особенности, это касается сферы насильственной криминофамилистики, т.е. сферы исследования насильственных посягательств на уровне членов семьи). Так, **в настоящее** время Министерством общественного развития РК разработана Дорожная карта развития и поддержки семьи на 2019-2024 **годы**, в соответствии с которой предусматривается комплекс мер преимущественно социального, но также и психологического сопровождения молодых семей, которые должны в среднесрочной перспективе существенно снизить количество разводов в стране и других негативных факторов, сложившихся к настоящему времени³⁵⁵.

Немаловажным обстоятельством в вопросах преодоления неблагоприятных экономических процессов в государстве следует признать также и меры, направленные на противодействие коррупции и теневой экономике, поскольку данные деструктивные явления существенно дестабилизируют экономическую систему государства, а у граждан формируется негативное представление о деятельности государственных структур, что не только снижает их заинтересованность в сотрудничестве по противодействию преступности (в частности, в реализации принципа «нулевой терпимости» к правонарушениям), но и детерминирует криминальную, в том числе **и насильственную**, мотивацию. Так, **по данным** Комитета по правовой **статистике** и специальным учетам Генпрокуратуры РК, большинство фактов коррупции в 2017-2018 году было выявлено в отношении сотрудников правоохранительных органов государства (полиции)³⁵⁶. Таким образом, вести речь о возможности установления качественной площадки по сотрудничеству общественности и правоохранительных структур в настоящее время преждевременно, первоначально необходимо заметное снижение объема коррупционной составляющей в деятельности казахстанской полиции. На

³⁵⁵ Дорожная карта развития и поддержки семьи на 2019-2024 **годы** // <https://qogam.gov.kz/ru/content/dorozhnaya-karta-razvitiya-i-podde> (дата обращения 1 декабря 2018 года).

³⁵⁶ Сумма ущерба по коррупционным преступлениям составила 3,4 миллиарда тенге в 2018 году // <https://informburo.kz/novosti/summa-ushcherba-po-korruptcionnym-prestupleniyam-sostavila-34-mlrd-tenge-v-2018-godu.html> (дата обращения 10 августа 2018 года).

снижение социальной напряженности по данному общесоциальному фактору направлена анонсированная Президентом РК Н.А. Назарбаевым осенью 2018 года реформа полиции, направленная на оптимизацию штатов, изменение формата деятельности (с исключительно контрольно-репрессивных функций на своего рода «сервисное обслуживание» населения, предоставление качественных правоохранительных услуг, **внедрение** новых методик оценки эффективности деятельности полиции и др.), повышение профессионализма и социальной защищенности сотрудников полиции³⁵⁷. Представители казахстанского юридического сообщества уже высказывают свою озабоченность по поводу данной реформы, которая, по их мнению, необходима, но в ином формате, поскольку планируемые меры не позволят концептуально изменить характер деятельности правоохранительных структур, а «нынешним некомпетентным и коррумпированным сотрудникам повышать зарплату нет смысла»³⁵⁸.

Соответственно, следует отметить высокую значимость реализации положений таких нормативных правовых актов, как Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 **годы**, Закон РК от 18 ноября 2018 года **№ 410-V** «О противодействии коррупции», **постановление** Правительства РК от 31 мая 2018 года **№ 309** «**Об утверждении Плана мероприятий на 2018-2020 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-20125 годы**», Закон РК от 28 августа 2009 года **№ 191-IV** «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и многих других. Социальная деструкция коррупционных проявлений, функционирования теневой экономики для общего социально-экономического «фона» государства весьма значительная, в силу чего они могут не только в ряде случаев продуцировать насильственную преступность, но и снижать эффективность государственной реакции на факты совершения насильственных посягательств (в частности, «уход от ответственности» с помощью коррумпированных представителей правоохранительных органов).

В качестве важных мер предупреждения насильственной преступности, призванных воздействовать на снижение воспроизводства насильственной мотивации в обществе, следует признать также и адресные социальные программы, направленные на поддержку социально уязвимых слоев казахстанского общества (инвалидов, лиц пенсионного возраста, многодетных семей и др.). Мы остановимся только на отдельных из них, которые непосредственно нацелены на компенсацию неблагоприятных жизненных обстоятельств конкретного человека, способных спровоцировать формирование, развитие и реализацию насильственной мотивации (а также в ее сочетании с корыстной мотивацией). К таким документам, в частности, следует

³⁵⁷ Назарбаев: мы должны незамедлительно приступить к реформированию полиции // https://forbes.kz/process/nazarbaev_myi_doljnji_nezamedlitelno_pristupit_k_reformirovaniyu_politsii/ (дата обращения 20 ноября 2018 года)

³⁵⁸ Юристы о реформе казахстанской полиции: за и против // <http://today.kz/news/kazakhstan/2018-10-19/771136-yuristy-o-reforme-kazahstanskoj-politsii---za-i-protiv/> (дата обращения 28 ноября 2018 года).

отнести Закон Республики Казахстан от 29 декабря 2008 года № 114-IV «О специальных социальных услугах», Типовые правила деятельности Центров поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (приложение к приказу Министра образования и науки РК от 18 июня 2013 года № 229), Закон РК от 9 июля 2004 года № 591-III «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности беспризорности», Закон РК от 4 декабря 2009 года № 214-IV «О профилактике бытового насилия» и многие другие. Так, в частности, согласно Закону РК «О специальных социальных услугах», трудная жизненная ситуация расценивается как объективно нарушающая жизнедеятельность человека, которую он не может преодолеть самостоятельно (п. 8) ст. 1)³⁵⁹. К лицам, в отношении которых предусматривается оказание специальных социальных услуг в настоящее время относятся дети; престарелые лица; лица, страдающие социально значимыми заболеваниями, и другие. В контексте нашего исследования особое значение имеет тот факт, что к адресатам специальных социальных услуг отнесены лица, освободившиеся из мест лишения свободы, а также состоящие на учете службы пробации (соответственно п. 10) и п. 11) указанного Закона). Безусловно, в данном случае речь идет о снижении криминальной мотивации в отношении совершения преступлений, в том числе и насильственных, уже в формате предупреждения повторной насильственной преступности. Однако это не уменьшает криминологическую ориентированность данного социально значимого документа. В частности, в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, действует Стандарт оказания специальных социальных услуг в области социальной защиты населения в условиях временного пребывания от 26 марта 2015 года № 165 (приложение к приказу Министра здравоохранения и социального развития РК). Также в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы и состоящих на учете службы пробации, применяется правило относительно квотирования рабочих мест со стороны местных исполнительных органов³⁶⁰. Таким образом, указанные нормативные правовые акты направлены на нейтрализацию существенных криминогенных факторов, продуцирующих насильственную и иные формы преступности, таких как отсутствие места жительства, безработица. Значение данных факторов большинством криминологов признается в качестве одних из наиболее интенсивных в плане маргинализации и криминализации личности.

Важным аспектом при создании системы социальных факторов, сдерживающих потенциальные угрозы формирования, развития и реализации криминальных мотиваций, является также и достаточная степень социальной защищенности сотрудников правоохранительных органов, которая должна

³⁵⁹ О специальных социальных услугах: Закон Республики Казахстан от 29 декабря 2008 года № 114-IV.

³⁶⁰ Об утверждении Правил квотирования рабочих мест для трудоустройства граждан из числа молодежи, потерявших или оставшихся до наступления совершеннолетия без попечения родителей, являющихся выпускниками организаций образования, лиц, освобожденных из мест лишения свободы, лиц, состоящих на учете службы пробации: приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 26 мая 2016 года № 412.

способствовать их более эффективной и самоотверженной работе. Сотрудник правоохранительных органов при реализации функции противодействия преступности не должен быть чрезмерно обеспокоен вопросами собственного жилищно-бытового устройства, материального обеспечения его семьи. Исследователи совершенно справедливо отмечают, что недостаточный учет интенсивности работы современных полицейских в пропорциональном имеющейся нагрузке денежном содержании, социальных гарантиях провоцирует уход профессиональных сотрудников, снижает эффективность реализации соответствующих правоохранительных функций³⁶¹. Казахстанские исследователи нередко предлагают усилить набор требований-индикаторов, по которым следует проверять кандидата на должность сотрудника правоохранительных органов, что, конечно же, обусловлено сохраняющимися негативными процессами в соответствующих структурах. В частности, предлагается оценка следующих добавочных индикаторов профессиональной пригодности сотрудника правоохранительного органа: «материального положения кандидата и его участия в деловой жизни; участие кандидата в любых уголовных, гражданских, трудовых и других процессах в независимости от его положения (истец или ответчик); выписываемые и употребляемые кандидатом лекарственные медицинские препараты, содержащие наркотические и сильнодействующие психотропные вещества; негативные моменты в образе жизни и поведения кандидата (супружеская неверность, гомосексуализм, азартные игры, вульгарный образ жизни, пристрастие к спиртному, наркотикам, личностному обогащению и т.д.)»³⁶². Полагаем, что такая детализация чрезмерна, а в некоторых аспектах и вовсе лишена смысла, в частности, участие в процессуальном качестве в судебных процессах, материальное положение (последний пункт, по крайней мере, в современных условиях, поскольку он вызовет существенный отток кандидатов на службу в полицию). Полагаем, что поставленное в качестве актуальной задачи достижение достаточно высокого социального престижа службы в правоохранительных органах неизбежно приведет к тому, что сама конкуренция между кандидатами создаст условия для попадания на службу наиболее подготовленных и мотивированных сотрудников, в результате чего дополнительные факторы сегрегации кандидатов не понадобятся. Так, в частности, исследователи указывают на тот факт, что во многих развитых странах (Англии, США, Китае, Японии и др.) жесткие системы отбора обусловлены высоким конкурсом на занятие соответствующей должности в полиции, который нередко проводится в несколько этапов. В данном контексте система требований к сотруднику выглядит более обоснованной. В частности, в Великобритании к кандидатам на должность полицейского предъявляются

³⁶¹ Маздогова З.З. Проблемы реализации социальной защиты сотрудников полиции на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. - № 5. - С. 213-214.

³⁶² Бекмагамбетов С.К. Повышение качества обучения студентов - будущих государственных служащих и пути совершенствования законодательных основ деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан в свете Послания «Стратегия «Казахстан - 2050» // Вестник Казахско-русского международного университета. – 2013 // <https://articlekz.com/article/20748> (дата обращения 10 марта 2018 года).

следующие требования: «возраст не менее 18 лет (верхнего предела возраста кандидата нет); гражданство Великобритании, Содружества, страны Европейского Союза или другого государства при наличии разрешения на постоянное проживание в Великобритании; физическое и психическое здоровье; отсутствие криминального прошлого; отсутствие финансовых проблем; отсутствие татуировок, подрывающих авторитет носителя, имеющих оскорбительное содержание, сильно бросающихся в глаза»³⁶³. Из приведенного перечня можно отдельно выделить отсутствие у кандидата материальных затруднений. Включение его в перечень требований является обоснованным, поскольку является своего рода гарантом того, что сотрудник сможет полностью посвятить себя работе, а также не будет стремиться к установлению коррупционных контактов, в том числе посредством попустительства криминальным явлениям. В современных условиях развития Казахстана установить такого рода требования к кандидату на должность полицейского, на наш взгляд, весьма затруднительно. Полагаем, что не лишены были бы смысла до проведения заявленной реформы социологические опросы кандидатов на должность полицейского относительно мотивов поступления на службу, а также действующих сотрудников полиции на предмет удовлетворенности работой в отношении тех или иных критериев. В частности, исследователи указывают, что наибольший процент удовлетворенности сотрудников службой в полиции связывается с уважительным отношением со стороны населения, а также с осознанием своей миссии в обществе, при этом удовлетворенность в плане престижности и материального обеспечения остается на среднем уровне³⁶⁴. Поскольку, по нашему мнению, успешное противодействие насильственной преступности в государстве возможно только при участии общественности на основе качественной платформы взаимодействия гражданского сектора и правоохранительных органов, полагаем, что **один** из первых аспектов, который необходим для данного сотрудничества, - это стабильное повышение уровня доверия граждан к полиции. Как совершенно справедливо указывают исследователи, низкий уровень доверия граждан к деятельности полиции создает ситуацию напряжения, отторжения, которые исключают **любые успешные** формы взаимодействия³⁶⁵. В последние годы в Казахстане регулярно проводятся независимые оценки доверия населения к правоохранительным органам государства, результаты данных исследований в настоящее время остаются недостаточно оптимистичными. В контексте нашего исследования, в частности, виктимологического аспекта профилактики насильственной преступности, особого внимания заслуживают такие тревожные факторы, что значительная часть общества (как указывают отечественные исследователи, в 2017 году – не менее 47 %) испытывает

³⁶³ Асямов С.В. и др. Полиция зарубежных стран: система организации и опыт профессиональной подготовки кадров. - Ташкент, 2010. – С. 185-186, 266-269.

³⁶⁴ Ребрий А.В., Бондаренко Т.А. Престиж полиции и удовлетворенность полицейского службой: методика оценки и пути повышения // Труды Академии управления МВД России. – 2012. - № 3(23). - С. 85-86.

³⁶⁵ Титаренко А.П. Общественное доверие к полиции как фактор, способствующий индивидуальной профилактической работе с гражданами // Вестник Томского государственного университета. – 2015. - № 393. - С. 167-170.

состояние «незащищенности», причем среди данных лиц преимущественно люди с высшим или неоконченным высшим образованием, среднего достатка, жители городской местности. Весьма показателен в негативном аспекте тот факт, что данные лица преимущественно полагают, что полиция не действует в интересах граждан, и в итоге гражданам приходится рассчитывать исключительно на себя и на своих близких³⁶⁶.

Немаловажным фактором общего характера в предупреждении насильственной преступности является и стабильность политических процессов в государстве. Сбалансированная государственная политика в сфере противодействия насильственной преступности может иметь место исключительно в случаях, когда в стране установлен демократический режим, а также функционируют действенные механизмы по локализации конфликтов, действий в условиях чрезвычайных ситуаций, обострения социальной, политической напряженности в обществе. Дестабилизация общественных процессов неизбежно приводит к росту негативных проявлений, к неизбежному возрастанию фактов нарушения режима законности в государстве. В связи с чем совершенно справедливо в **Послании** Президента РК Н.А. Назарбаева от 5 октября 2018 года «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни» в качестве политической доминанты современного Казахстана, дающей возможность для акцентирования внимания на социальных вопросах, **называются** мир и общественное согласие³⁶⁷. Действительно, без стабильности политической системы решение любых текущих вопросов жизнедеятельности общества отодвигается на второй план, а любая дестабилизация политических процессов фактически приводит к тому, что «размываются» важнейшие границы социального баланса в обществе, нивелируются идеи обеспечения прав и свобод человека. Совершенно справедливы указания ученых на тот факт, что «функции политической власти по вектору направленности можно подразделить на конструктивные, направленные на повышение эффективности социальных процессов, и защитные, направленные на сохранение структуры общества и противодействие негативным внешним и внутренним тенденциям»³⁶⁸. Это достаточно сложный, масштабный вопрос, исследовать который в рамках настоящего исследования не представляется возможным, однако, оставить без рассмотрения ряд факторов также нельзя по причине того, что они реально способны оказывать воздействие на состояние преступности в стране, в том числе и насильственного ее сегмента.

В последние годы стали выносятся на повестку политологических исследований факторы доверия населения страны в целом к политической власти и к политическим деятелям в частности. Исследователи склоняются к

³⁶⁶ Уровень доверия простых людей к правоохранительной системе в Казахстане падает с каждым годом // http://www.dailynews.kz/analytics/uroven_doverija_prostyh_ljudej_k_pравоохранительnoj_sisteme_v_kazahstane_padaet_s_kazhdym_godom (дата обращения 10 июля 2018 года).

³⁶⁷ **Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни: Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. 5 октября 2018 года** // <http://www.akorda.kz>

³⁶⁸ Плотников В.В. Типологический анализ факторов дестабилизации социальной структуры // Общество и право. – 2016. – С. 212.

тому, что политическое доверие - это огромный ресурс, который способен достаточно эффективно выполнять роль автоматического стабилизатора отдельных негативных процессов в обществе, купировать многие очаги напряженности³⁶⁹. Причем происходит своего рода декомпозиция элементов доверия населения как к политической системе, власти и отдельным деятелям в целом, так и к отдельным необходимым для любого общества институтам, в частности, к системе МВД³⁷⁰. Именно по этой причине в государстве должно уделяться повышенное внимание непосредственно **процессам** прихода в политическую власть тех или иных лиц, что возможно только при функционировании налаженной избирательной системы, предполагающей легитимацию реального волеизъявления населения. Так, в частности, в **Конституционном** законе РК от 28 сентября 1995 года № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» глава 9 посвящена установлению гарантий свободы выборов³⁷¹. В соответствии с **Конституционным** законом РК от 2 ноября 1995 года № 2592 «О республиканском референдуме» устанавливаются основания для проведения референдума, а также определяется круг вопросов, решение которых с помощью свободного волеизъявления граждан недопустимо, поскольку требует наличия специальных знаний относительно закономерности протекания тех или иных социальных процессов³⁷². Повышенное внимание к моральному облику политических деятелей вполне оправданно, в силу чего реакции общественности на публикации в СМИ данных о грубых нарушениях этических норм со стороны чиновников, коррупционных скандалах и других свидетельствах «коррозийных» процессов системы политической власти вызывают негодование людей, гневные публичные комментарии, формирует у населения ощущение незащищенности, бесправия. Подобные неблагоприятные в эмоциональном плане состояния способны привести к возрастанию внутреннего напряжения у граждан, которое в итоге может вылиться в насильственные акты поведения, вплоть до проявлений политического и социального экстремизма.

Именно по этой причине повышенное внимание законодателя к формированию законодательной базы противодействия коррупции и этических стандартов государственной службы является важной мерой общесоциального характера для профилактики различных форм кумуляции недовольства, агрессии, которые потенциально могут выражаться в актах насильственного поведения. Коррупционные проявления являются системно-деструктивным фактором, который неизбежно затрагивает все сферы социальной жизни, оказывая эффект торможения, девальвируя любую систему. Несмотря на некоторую иллюзорность взаимосвязи между коррупцией и насильственной

³⁶⁹ Морозов Н.А., Черницына Е.Н. Политическое доверие как фактор социальной интеракции // Известия Алтайского государственного университета. -2015. - С. 282.

³⁷⁰ Потапов В.В. Доверие к органам МВД как фактор политического порядка // Социально-политические науки. – 2015. - № 4. – С. 145-146.

³⁷¹ **О выборах в Республике Казахстан**: Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года № 2464.

³⁷² **О республиканском референдуме**: Конституционный закон Республики Казахстан от 2 ноября 1995 года № 2592.

преступностью в стране, следует учитывать, что, как указано в Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2015 годы, «коррупция ведет к снижению эффективности государственного управления, инвестиционной привлекательности страны, сдерживает поступательное социально-экономическое развитие»³⁷³. Таким образом, любая государственная программа, в том числе и профилактические мероприятия по противодействию преступности, при отсутствии эффективных антикоррупционных механизмов может не только не привести к достижению необходимых положительных результатов, но и стать причиной негативных процессов в виде накапливающегося недоверия общества к проводимым государством профилактическим мероприятиям по противодействию преступности. Ранее мы уже указали на проблему коррумпированности правоохранительных органов как фактор, препятствующий установлению сотрудничества между гражданами и полицией, однако, считаем необходимым усилить данный аспект именно в контексте исследования политических факторов. Полагаем, что противодействие коррупции в правоохранительной сфере невозможно без актов политической воли, которые должны воплощаться в нормативно-правовых решениях и эффективных организационных мероприятиях. Отдельные коррупционные акты сотрудников органов внутренних дел, в особенности в противодействии такому опасному социальному явлению, как насильственная преступность, неизбежно формируют крайне негативный социальный фон, нивелирующий все попытки модернизировать систему взаимоотношений «полиция-общество».

Как мы уже указывали ранее, проблема высокой коррупционной составляющей в деятельности правоохранительных структур государства, в непосредственные задачи которых входит противодействие преступности, вызывает отторжение данной системы у населения, снижает чувство защищенности, и, соответственно, непосредственно влияет на криминологическую безопасность личности в государстве. В соответствии с частью 3 ст. 8 Закона РК от 18 ноября 2015 года № 410-V «О противодействии коррупции» деятельность, связанная с реализацией уголовного преследования относится к сферам, в отношении которых не производится внешняя оценка коррупционных рисков³⁷⁴. С одной стороны, это оправданно с той точки зрения, что в данной сфере деятельность сопряжена со значительной спецификой выполняемых функций, что приводит к определенной и оправданной «закрытости» системы. В соответствии с постановлением Правительства РК от 4 декабря 2017 года № 806 «Об утверждении правил проведения внешней оценки коррупционных рисков», внешнее выявление коррупционных рисков производится в следующих направлениях: «1) выявление коррупционных рисков в нормативных правовых актах, затрагивающих деятельность объекта внешнего анализа коррупционных рисков; 2) выявление коррупционных рисков в организационно-управленческой деятельности объекта внешнего анализа

³⁷³ Об утверждении Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2015 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года № 986.

³⁷⁴ О противодействии коррупции: Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V.

коррупционных рисков». В соответствии с п. 8 указанного нормативного правового акта, выявление коррупционных рисков в организационно-управленческой деятельности объекта внешнего анализа включает в себя изучение следующих вопросов: «1) управление персоналом; 2) урегулирование конфликта интересов; 3) оказание государственных услуг; 4) выполнение разрешительных функций; 5) реализация контрольно-надзорных функций; 6) иные вопросы, вытекающие из организационно-управленческой деятельности объекта внешнего анализа коррупционных рисков»³⁷⁵. Что касается внутренней оценки коррупционных рисков в сферах, которые не подвержены внешним оценкам, то в соответствии с Типовыми правилами проведения **внутреннего анализа** коррупционных рисков, утвержденными **приказом** Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 19 октября 2016 года № 12, инициация соответствующей проверки производится первым руководителем органа, структурного подразделения. Частично внутренний и, соответственно, относительно закрытый характер внутренней оценки компенсируется указанием на возможность привлечения специалистов из других органов, а также посредством указания на источники получения информации: «1) нормативные правовые акты, затрагивающие деятельность подразделения; 2) результаты проверок, ранее проведенных государственными органами в отношении подразделения; 3) публикации в средствах массовой информации; 4) обращения физических и юридических лиц, поступившие в подразделение; 5) акты прокурорского надзора; 6) судебные акты; 7) иные сведения, предоставление которых допускается законодательством Республики Казахстан»³⁷⁶.

В последние годы на регулярной основе обновляются ведомственные документы МВД по противодействию коррупции. Так, в настоящее время действует Антикоррупционная программа ОВД РК на 2018-2020 годы, утвержденная **приказом** Министра внутренних дел от 15 февраля 2018 года № 117, в плане реализации которой в пункте 8 предусматривается систематическое проведение внутренней оценки коррупционных рисков с представлением аналитической справки³⁷⁷. Согласно ранее **приведенному приказу** Председателя Агентства по делам государственной службы и противодействию коррупции от 19 декабря 2016 года, «результаты внутреннего анализа коррупционных рисков и информация о принятых (принимаемых) мерах по устранению коррупционных рисков размещаются на интернет-ресурсе субъекта внутреннего анализа коррупционных рисков Допускается публичное обсуждение результатов внутреннего анализа коррупционных рисков, в том числе на заседаниях коллегиальных, консультативно-

³⁷⁵ **Об утверждении правил проведения внешней оценки коррупционных рисков:** постановление Правительства РК от 4 декабря 2017 года № 806.

³⁷⁶ **Об утверждении Типовых правил проведения внутреннего анализа коррупционных рисков:** приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 19 октября 2016 года № 12.

³⁷⁷ **Об утверждении Антикоррупционной программы органов внутренних дел Республики Казахстан на 2018-2020 годы:** приказ Министра внутренних дел от 15 февраля 2018 года № 117.

совещательных органов по противодействию коррупции субъекта внутреннего анализа коррупционных рисков».

Во-первых, обращает на себя внимание факт различия юридической силы документов, определяющих порядок проведения внешней оценки коррупционных рисков (**постановление** Правительства РК) и внутренней оценки (**приказ** Агентства). Во-вторых, неблагоприятная ситуация относительно коррупционных факторов в деятельности ОВД РК свидетельствует о том, что, возможно, следует пересмотреть категоричность законодательного запрета на внешнюю оценку рисков в перечисленных в Законе РК «О противодействии коррупции» сферах, оставив запрет только на деятельность, связанную с необходимостью обеспечивать сохранность государственных секретов. Так, в частности, согласно Дорожной **карте** по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019-2021 годы³⁷⁸, предусматривается комплекс мероприятий по переориентировке деятельности полиции на «сервисную модель», предполагающую как возрастание количества контактов с населением, так и повышение открытости деятельности для населения, оперативного обмена информацией, создание фронт-офисов для приема граждан и т.д. Полагаем, что при сохранении высокой степени коррупционной составляющей в деятельности казахстанской полиции реализация соответствующих мероприятий по модернизации стоит под большим вопросом, в силу чего необходимо пересмотреть процедуры антикоррупционного контроля в отношении системы МВД РК.

Важным фактором политической стабильности, непосредственно примыкающим к профилактике насильственной преступности, является система мер противодействия экстремизму и терроризму. Как указывается в Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы, анализ внешних факторов свидетельствует о том, **что** «действующая общегосударственная система противодействия религиозному экстремизму и терроризму нуждается в дальнейшем совершенствовании в контексте создания механизма надежной защиты личности, общества и государства от экстремистских проявлений насильственного характера и угроз терроризма»³⁷⁹. Учитывая тот факт, что в настоящее время одной из сопутствующих проблем эскалации терроризма и религиозного экстремизма во всем мире стала проблема радикализации лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в указанном документе среди задач указывается «охват осужденных лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы информационно-разъяснительной и контрпропагандистской работой, направленной на формирование иммунитета к радикальной идеологии и на дерадикализацию»³⁸⁰. Как указывают

³⁷⁸ Проект Дорожной карты по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019-2021 годы // <http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/7B16E2634A10F909E053030F110AC335> (дата обращения 13 декабря 2018 года).

³⁷⁹ **Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы**: постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124.

³⁸⁰ Там же.

казахстанские исследователи, в разрезе динамики террористической и экстремистской преступности в настоящее время «отмечается тенденция привлечения к ответственности лиц, ранее не совершавших преступления, связанные с экстремизмом, терроризмом, но ранее совершавших общеуголовные преступления»³⁸¹. По нашему мнению, в данном варианте криминологической профилактики особый акцент должен быть произведен именно на **лиц**, совершивших общеуголовные насильственные преступления, по причине того, что насильственная мотивация является криминологически близкой к экстремистской, поскольку также сопряжена с возможностью внешней реализации физической или психической агрессии. Полагаем, что действующее уголовное законодательство не в достаточной степени учитывает необходимость превенции экстремистской мотивации в общеуголовной насильственной преступности для совершенствования системы противодействия экстремизму и терроризму. Так, целый ряд квалифицированных составов уголовных правонарушений, сопряженных с применением насилия, **отягченных**, по сути, экстремистской мотивацией, не **выделен** в отдельную группу и не **является** предметом отдельного криминологического учета. Речь идет об убийстве, совершенном по мотиву социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (п. 11 ч. 2 ст. 99 УК РК); **умышленном причинении** тяжкого вреда здоровью по тем же мотивам (п. 8 ч. 2 ст. 106 УК РК); **умышленном причинении** средней тяжести вреда здоровью по тем же мотивам (п. 6 ч. 2 ст. 107 УК РК); **истязании** по аналогичному экстремистскому мотиву (п. 6 ч. 2 ст. 110 УК РК)³⁸². Таким образом, сочетание насильственной и экстремистской мотивации является достаточно распространенным криминологическим явлением, учтенным законодателем в соответствующих статьях Особенной части УК РК. Мы полагаем, что данные составы уголовных правонарушений, а также иные составы, в которых в качестве квалифицирующего признака содержится указанный экстремистский мотив, предусмотренный в качестве отягчающего уголовную ответственность и наказание обстоятельства (п. 6 ч. 1 ст. 54 УК РК), следует оформить в отдельную группу преступлений экстремистской направленности и зафиксировать данное положение в ст. 3 УК РК, а также предусмотреть определенные конструкции, связанные с реализацией уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших данные преступления, по аналогии с теми, которые имеют место в отношении террористических и экстремистских преступлений в Общей части УК РК (в частности, при реализации института условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом и др.). Следует отметить, что подобное решение позволит произвести своего рода двойную превенцию в отношении собственно террористических и экстремистских преступлений, которой в настоящее время уделяется большое значение в науке уголовного права. По мнению исследователей, отсутствие предупредительного

³⁸¹ Билялов Б.С. О состоянии террористической и экстремистской преступности в Республике Казахстан // Уголовная юстиция. – 2017. – С. 131.

³⁸² Уголовный кодекс Республики Казахстан: **кодекс Республики Казахстан** от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК.

фактора в отношении отдельных форм преступных посягательств, не получивших эффективной уголовно-правовой реакции, является основой для совершения других, более тяжких преступлений³⁸³.

Важным политическим аспектом в противодействии преступности является также стабильность миграционных процессов, поскольку заметная корреляция между миграцией и преступностью является аксиомой криминологической науки и постоянно воспроизводится в исследованиях, посвященных проблемам незаконной миграции. Не **случайно** среди принципов миграционной политики РК в статье 4 Закона РК от 22 июля 2011 года **№ 477-IV** «О миграции населения» указывается «защита национальных интересов и обеспечение национальной безопасности»³⁸⁴. В данном случае совершенно справедливо подчеркнуть принцип двойной превенции норм и организационных мероприятий, направленных на противодействие незаконной миграции по отношению к различным сегментам преступности на территории страны³⁸⁵. Нелегальное пребывание на территории Республики Казахстан преимущественно связано либо непосредственно с совершением незаконной деятельности, либо является фактором, продуцирующим криминальные формы поведения в силу социальной необустроенности, стремления скрыть факт своего нелегального пребывания. Немаловажное значение в механизме формирования индивидуального криминального поведения незаконного мигранта играет осознание им факта того, что имеется большая вероятность того, **что** его преступление останется нераскрытым.

Важным инструментом в противодействии насильственной преступности следует признать и факторы культурного просвещения населения, формирования нравственности на основе приобщения к памятникам культуры, художественным произведениям, театру, высокохудожественным кинофильмам, народному творчеству и т.д. Как указывается в Концепции культурной политики РК, утвержденной Указом Президента РК от 4 ноября 2014 года **№ 939**, «культурная политика успешного государства направлена на обеспечение устойчивого развития общества на основе формирования созидательных ценностных ориентиров и является качественным измерением развития всех важных аспектов жизнедеятельности общества и государства»³⁸⁶. В контексте нравственного воспитания значительное место отводится также вопросам религиозного характера, поскольку, как указывается в Концепции государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы, религия может вносить вклад в «возрождение, сохранение и развитие морально-нравственных ценностей в обществе, преодоление в нем

³⁸³ Кириков А.В. Проблемы правового обеспечения предупреждения преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 78.

³⁸⁴ **О миграции населения**: Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года **№ 477 – IV**.

³⁸⁵ Дауренбеков Е.К. Проблемы реализации миграционной политики в Республике Казахстан // **Государственно-правовые основы политической системы Республики Казахстан и ее влияние на сферу государственного управления в условиях глобализации**: сборник материалов конференции. 29 октября 2010 года. - Астана, 2010. – С. 96-101.

³⁸⁶ **О Концепции культурной политики Республики Казахстан**: Указ Президента Республики Казахстан от 4 ноября 2014 года **№ 939**.

элементов бездуховности; повышение уровня культуры в обществе; развитие традиционных основ народа и противостояние проникновению в общество ложных ценностей; повышение роли и значения института семьи и брака; развитие ценностей культурного многообразия и межкультурного диалога в стране и на международном уровне»³⁸⁷. Толерантность как основа межличностного и межгруппового взаимодействия в условиях казахстанского общества, отличающегося многонациональностью и многоконфессиональностью, является необходимым фактором для ненасильственных способов сосуществования. Несмотря на то, что религиозно-экстремистская мотивация при совершении насильственных преступлений не является предметом нашего исследования, следует отметить, что насильственные формы поведения при должном идеологическом «оформлении» могут трансформироваться в экстремистские и террористические, которые представляют собой максимальный уровень социальной деструкции. Таким образом, предупредительное воздействие на насильственную преступность в «чистом», общеуголовном виде может способствовать определенному профилактическому воздействию и на преступность экстремистского и террористического характера. В отношении нравственного фактора предупреждения насильственной преступности отметим также, что в соответствии с п. 2 ст. 124 Уголовно-исполнительного кодекса РК, нравственное воспитание осужденных к лишению свободы стоит на первом месте, что следует признать неслучайным. Как указывают исследователи вопросов пенитенциарного исправительного процесса, нравственное воспитание, добровольно воспринятое осужденным, приводит к таким положительным результатам, как соблюдение нравственных норм в повседневной жизни, в том числе и осозанный отказ от насильственных форм удовлетворения потребностей³⁸⁸.

Социальным фактором в профилактическом воздействии на насильственную преступность (в особенности, в семейно-бытовой сфере) следует назвать государственные программы поддержки семьи, а также направленные на решение вопросов гендерного равенства как равных социальных гарантий мужчины и женщины на доступ к образованию, профессиональному росту, пропорциональной и справедливой оплате труда и т.д. Так, в частности, в Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года названо значительное количество факторов, связанных с ухудшением состояния казахстанских семей (значительное количество разводов, слабая поддержка детей со стороны отцов, распространенность случаев насилия в отношении женщин и т.д.), причем нулевая терпимость ко всем видам бытового насилия названа в качестве принципов реализации данной Концепции³⁸⁹. Воспитание подрастающего

³⁸⁷ Об утверждении Концепции государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 20 июня 2017 года № 500.

³⁸⁸ Строева Г.В. Образовательно-развивающий потенциал нравственного воспитания осужденных // Человек и образование. – 2006. - № 8, 9. - С. 80-84.

³⁸⁹ Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года: утверждена Указом

поколения в формате восприятия такого социального маркера, как гендерное равенство, является в настоящее время актуальной потребностью казахстанского общества, поскольку без данного аспекта благополучная ситуация в сфере профилактики семейно-бытового насилия представляется трудновыполнимой. Критика концепции гендерного равенства с точки зрения своеобразного «равенства полов» несостоятельна, поскольку в данном случае речь идет не о равенстве полов, а о равенстве социальных возможностей при учете половых различий и особенностей психофизиологических параметров.

Важным аспектом в контексте общесоциального уровня предупреждения насильственной преступности является повышенное внимание к вопросам образования, культурного и идеологического воспитания подрастающего поколения, формирования первичной правовой грамотности у несовершеннолетних лиц. Так, в частности, следует отметить такие нормативные правовые акты, как Закон РК от 8 августа 2002 года № 345-II «О правах ребенка», Закон РК от 27 июля 2007 года № 319-III «Об образовании», **постановление** Правительства РК от 24 июля 2018 года № 460 «Об утверждении Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2016-2019 годы». Помимо общих вопросов развития образования в РК, значительное внимание уделяется вопросам нравственного, духовного, патриотического воспитания подрастающего поколения, в частности, в рамках реализации Программы нравственно-духовного образования «Самопознание», утвержденной **приказом** Министра образования и науки РК № 522 от 29 сентября 2018 года. Согласно ч. 2 ст. 3 Закона РК от 9 февраля 2015 года № 285-V «О государственной молодежной политике», основными задачами государственной молодежной политики являются: 1) защита прав и законных интересов молодежи; 2) вовлечение молодежи в социально-экономическую и общественно-политическую жизнь страны; 3) воспитание гражданственности и укрепление чувства казахстанского патриотизма³⁹⁰. Идеологическое воспитание подрастающего поколения следует признать значимым фактором общесоциального уровня для предупреждения насильственной преступности. В данном случае следует отметить тот факт, что «идеологический вакуум» либо резкая смена идеологической платформы жизни общества чрезвычайно негативно сказываются на степени и интенсивности криминальной мотивации у населения страны. Как указывает известный криминолог В.В. Лунев, «...мы из виртуальных рабов коммунистической идеологии стали реальными рабами капитализма, рабами денег»³⁹¹. Опасность «рабства», на которое указывает В.В. Лунев, заключается в том, что коммерциализация практически всех сфер жизнедеятельности общества, повышение стандартов жизни человека, несоразмерное с доходами «среднестатистического казахстанца», приводит к значительным социальным деструкциям, в том числе и криминальным проявлениям в форме коррупции,

Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384.

³⁹⁰ О государственной молодежной политике: Закон Республики Казахстан от 9 февраля 2015 года № 285-V.

³⁹¹ Лунев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции.— М.: Издательство НОРМА, 1997. — 480 с.

насильственной и корыстно-насильственной, экономической, организованных форм преступности. Соответственно, необходимо максимально оградить молодежь от культуры массового потребления, культа материальных благ посредством идеологического воспитания, направленного на воспроизводство утраченных и формирование новых ценностных установок.

Исследователи вопросов предупредительного воздействия на насильственную преступность также обращают внимание на необходимость государственного регулирования вопросов досуга граждан, в том числе несовершеннолетних лиц. В частности, указывается на тот факт, что многие формы отдыха, досуга в настоящее время недоступны значительному количеству граждан, в силу чего формируются различные типы поведения, которые могут в итоге спровоцировать криминальное, в том числе и насильственное поведение (азартные игры, употребление алкоголя и наркотиков, бродяжничество и т.д.)³⁹². Таким образом, важным аспектом в профилактике формирования насильственной мотивации у молодежи имеет такое направление, как надлежащая организация досуга, которая исключала бы риски вовлечения несовершеннолетних в антиобщественную и преступную деятельность, употребление алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ, что способно формировать установки на насильственное удовлетворение потребностей. В частности, это может быть реализация дополнительных образовательных программ, факультативов, предусмотренных Министерством образования и науки РК³⁹³, активное привлечение молодежи к спорту и здоровому образу жизни, которому уделено особое внимание в Указе Президента РК от 11 января 2016 года № 167 «Об утверждении Концепции развития физической культуры и спорта Республики Казахстан до 2025 года». Учитывая важность вовлечения молодежи в социально-полезную деятельность как своего рода идеологический фактор противодействия формированию насильственной мотивации, полагаем, весьма большое значение может иметь развитие международного волонтерского движения, основа которого была заложена в Концепции развития сотрудничества государств-участников СНГ в поддержке молодежного добровольческого (волонтерского) движения, принятой Решением Совета министров иностранных дел СНГ 27 сентября 2018 года.

Таким образом, следует признать, что нормативная правовая база РК содержит значительное количество стратегических, **концептуальных** и адресных социально-ориентированных документов, нацеленных на стабилизацию социально-экономических условий функционирования казахстанского общества (макро-уровень) и улучшению материального благосостояния и социальной защищенности отдельно взятых граждан и семей (микро-уровень). Значимость социально-экономических факторов в

³⁹² Крайнева О.Л. Криминологическая характеристика форм криминального насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. - С. 161.

³⁹³ Об утверждении типовых учебных программ по общеобразовательным предметам, курсам по выбору и факультативам для общеобразовательных организаций: приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 3 апреля 2013 года № 115.

предупредительном воздействии на насильственную преступность определяется следующими основными обстоятельствами: 1) снижается общий уровень напряженности, конфликтности, приводящий к возникновению и реализации насильственной мотивации; 2) благополучные социально-экономические факторы способствуют снижению деструкций, связанных с совершением насильственных посягательств (как со стороны общества в целом, так и со стороны жертвы конкретного насильственного посягательства).

При достаточном уровне политической стабильности и экономического благополучия в государстве предупредительное воздействие на насильственную преступность обладает приоритетной значимостью в контексте обеспечения криминологической безопасности личности, которая является слагаемым общесоциальных мер противодействия, субъективного восприятия гражданами государства уровня своей защищенности и **уровня** их самозащиты. Мы также пришли к выводу, что в настоящее время имеются все основания выделять и международный уровень профилактики преступности, учитывая углубление и спецификацию различных форм взаимодействия между государствами по противостоянию криминальным угрозам.

В обязательном порядке следует учитывать, что важнейшим фактором противодействия насильственной преступности является уровень доверия населения к деятельности правоохранительных органов, от которого напрямую зависит субъективная оценка каждым гражданином уровня своей криминологической безопасности. Негативные проявления в деятельности сотрудников правоохранительных органов существенно подрывают данную сферу социально значимой коммуникации. Одним из наиболее деструктивных факторов следует признать рост коррупционной составляющей в деятельности правоохранительных органов. В связи с чем предлагается в качестве одной из мер исключить из действующего антикоррупционного законодательства РК запрет на осуществление внешней оценки коррупционных рисков в деятельности соответствующих структур. Безусловно, значимыми являются мероприятия и по социальной поддержке сотрудников, а также по мониторингу их деятельности, выявлению основных проблем, психологическому сопровождению.

Значимым фактором в предупреждении насильственной преступности должна стать дальнейшая государственная политика на формирование в сознании казахстанских граждан такого социально значимого маркера, как гендерное равенство. Данный фактор имеет особое значение в плане профилактики насильственных проявлений в сфере семейно-бытовых отношений.

Ну и, наконец, в обязательном порядке следует учитывать тот факт, что общеуголовная насильственная преступность нередко выступает предиктором более деструктивных насильственных проявлений - экстремизма и терроризма. Вместе с тем, действующее уголовное законодательство, содержащее перечни экстремистских и террористических преступлений, несколько индифферентно к таким преступным посягательствам, которые совершаются по экстремистским мотивам - по мотивам социальной, национальной, расовой,

религиозной ненависти или вражды (в частности, п. 11 ч. 2 ст. 99; п. 8 ч. 2 ст. 106; п. 6 ч. 2 ст. 110 УК РК и др.). Полагаем, что в отношении соответствующих уголовных правонарушений должна быть сформирована самостоятельная группа «уголовные правонарушения экстремистской направленности» с особыми параметрами уголовной ответственности и наказания.

3.2 Совершенствование современных форм специально-криминологического и индивидуально-профилактического воздействия на насильственную преступность

Вопросы специально-криминологического и индивидуально-профилактического воздействия на насильственную преступность заслуживают особенно тщательного исследования, поскольку именно данные меры находятся «около» самой преступности и лиц, которые потенциально могут стать исполнителями насильственных актов или потерпевшими от них. Иными словами, именно эти меры направлены на непосредственное противодействие насильственной преступности в том случае, когда факторы общепредупредительного воздействия не действуют или действуют в недостаточной степени. По образному замечанию В.В. Лунева, социальный процесс не облагородил человеческую мотивацию³⁹⁴. Исследователи пишут о тотальной распространенности у населения способности к совершению преступлений³⁹⁵. Несмотря на некоторую парадоксальность и обреченность подобных высказываний, общемировая статистика преступности показывает, что прямой зависимости между уровнем жизни населения и преступностью нет, поскольку многие развитые в экономическом отношении страны сохраняют и достаточно внушительные показатели преступности. Возможно, прав известный криминолог Г.Й. Шнайдер, что преступность – это «нормальное, будничное поведение людей, которое они постигают»³⁹⁶. Данные пессимистичные утверждения преимущественно касаются реализации корыстной и насильственной мотивации как превалирующих в общей структуре преступности любого государства. Как мы указывали в предыдущих параграфах исследования, социальный прогресс не только не снижает количество актов внешней агрессии, но с недостаточно изученной причинно-следственной зависимостью порождает ранее нетипичные, алогичные и трудно поддающиеся криминологическому анализу формы насильственного поведения. В данном разрезе закономерно предположить, что даже значительные прорывы в сфере социального благополучия населения могут не

³⁹⁴ Лунев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 43.

³⁹⁵ Кондратюк Л.В. Криминологическое измерение: монография / Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский; под ред. К.К. Горяинова. – М.: Норма, 2008. – С. 92-94.

³⁹⁶ Шнайдер Г.Й. Криминология : учебник / пер. с нем.; под. общ. ред. и с предисл. Л.О. Иванова. – М.: Изд. гр. «Прогресс-Универс», 1994. - С. 317.

привести к заметному благополучию в плане обеспечения криминологической безопасности личности и общества. Таким образом, фактически следует вывод о том, что противодействие насильственной преступности без участия самих граждан, без их осознанной необходимости не только воздерживаться от совершения насильственных посягательств, но и непосредственно участвовать в профилактике насильственных форм поведения, является труднодостижимой целью. Причем участие граждан в указанном контексте предполагает двоякий процесс: с одной стороны, это привычное в криминологическом аспекте воздержание от нарушения уголовно-правового запрета на совершение насильственных актов, а с другой стороны – обеспечение самозащиты, профилактика собственной виктимности. Второе направление до настоящего времени мало исследовано в криминологических исследованиях, поскольку виктимологический аспект профилактики преимущественно также связывается со специально-криминологическими аспектами деятельности органов внутренних дел. По нашему мнению, в настоящее время необходимо максимально усиливать именно данный аспект профилактики насильственной преступности, формирование которого зависит от значительного количества факторов, которые, среди прочих аспектов, будут исследованы нами далее.

Итак, возвращаясь к вопросу об участии общественности в профилактическом воздействии на насильственную преступность следует отметить, что в большинстве развитых зарубежных стран партнерство полиции и населения в последние годы было поставлено в качестве одного из приоритетов в сфере обеспечения общественного порядка, а полицейские тратят значительное время в своей повседневной деятельности на установление контакта с населением³⁹⁷. Основной криминологический постулат в данном случае заключается в том, что знание гражданами элементарных правил самозащиты и реагирования на правонарушения является серьезным гарантом **обеспечения** эффективности деятельности полиции и **снижения** рисков стать жертвой преступления. В настоящее время, в силу существенного изменения формата взаимоотношений в казахстанском обществе, когда на смену коллективистскому сознанию пришли отношения, преимущественно основанные на индивидуализме, уже не возникают утопические мысли о возможном искоренении преступности. Так, в частности, исследователи советского периода, отталкиваясь от сложившейся практики широкого участия общественности в профилактике преступности, позволяли себе достаточно позитивные прогнозы относительно перспектив полного искоренения преступности³⁹⁸. Мы полагаем, необходимо хоть частично возобновить практику участия общественности в противодействии преступности. **Так, с середины** 1950-х до конца 1980-х годов достаточно эффективно действовал целый ряд общественных институтов большего или меньшего масштаба

³⁹⁷ Майоров В.И., Дунаева О.Н. Современные концепции взаимодействия полиции и общества как средства противодействия преступности: опыт зарубежных стран и России // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. - № 1 (39). – С. 146.

³⁹⁸ Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. - М., 1964. - С.144-155.

деятельности (в частности, добровольные народные дружины, товарищеские суды, народные заседатели, общественные обвинители и общественные защитники, общественные уполномоченные и общественные инспектора, комиссии общественного контроля за техническим состоянием автомобилей и многие другие). В настоящее время вопрос о привлечении общественности к профилактическому воздействию на преступность вновь становится на повестку дня, чему, на наш взгляд, должно способствовать и законодательство Республики Казахстан.

В соответствии с п. 2 ст. 13 Закона от 23 апреля 2014 года **РК № 199-V** «Об органах внутренних дел Республики Казахстан», «государственные органы, физические и юридические лица вправе оказывать помощь органам внутренних дел. Отдельные граждане могут с их согласия привлекаться к сотрудничеству с органами внутренних дел на конфиденциальной основе в соответствии с законами Республики Казахстан. Принудительное привлечение к сотрудничеству не допускается»³⁹⁹. Также в настоящее время действуют консультативно-совещательные органы (общественные советы), которые могут участвовать в обсуждении направлений деятельности правоохранительных органов государства, получать необходимую информацию и освещать вопросы в СМИ⁴⁰⁰. Согласно информационным сообщениям медиа-центра МВД РК, добровольное содействие общественности органам в настоящее время преимущественно связано в реализацией принципа «нулевой терпимости» к правонарушениям⁴⁰¹. Нормативная регламентация участия общественности произведена в Законе РК от 9 июля 2004 года **№ 590** «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка».

Как мы указывали в предыдущем параграфе, последние социологические исследования указывают, что граждане по-прежнему не в достаточной степени доверяют казахстанским полицейским, а степень своей криминологической защищенности оценивают как недостаточную. С аналогичными проблемами сталкиваются и соседствующие с Казахстаном государства. Так, в Российской Федерации произведена попытка установления своеобразного социального партнерства полиции и общества посредством закрепления непосредственно в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 года **№ 3-ФЗ** основных форм участия общественности (перечень форм участия аналогичен казахстанскому варианту регламентации вопроса)⁴⁰². Следует отметить, что и российская практика привлечения общественности к делу охраны общественного порядка, исходя из результатов социологических исследований, до настоящего времени не **получила** должного результата, поскольку, по мнению большинства россиян, «полиция работает так же, как и прежде»⁴⁰³.

³⁹⁹ **Об органах внутренних дел Республики Казахстан**: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 года **№ 199-V**.

⁴⁰⁰ **Об общественных советах**: Закон Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года № 383-V.

⁴⁰¹ Активная помощь общественности // <http://mediaovd.kz/ru/?p=8709> (дата обращения 18 сентября 2018 года).

⁴⁰² О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 7. - Ст. 900.

⁴⁰³ Майров В.И., Севрюгин В.Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // <http://base.garant.ru/55881405/> (дата

Соответственно, о стабильном и эффективном партнерстве полиции и общественности, как и в Казахстане, говорит преждевременно. Безусловно, срок для должной оценки действительного потенциала подобных законодательных нововведений прошел явно недостаточный, как справедливо указывают исследователи, «переход от концепции команды и контроля, строгого соблюдения законов к охране порядка с ориентацией на общественность невозможно осуществить моментально»⁴⁰⁴. Хотя, справедливости ради следует отметить, что в казахстанской законодательной практике данный вопрос был решен на 7 лет раньше. Очевидно, для построения эффективной модели партнерства полиции и общественности нужен более продолжительный период, равно как и искоренение негативных факторов, на которые мы уже ранее указывали. Исследования отечественных авторов по данному вопросу подтверждают тот факт, что рассчитывать на быстрые результаты по установлению реально действующих механизмов участия общественности в охране общественного порядка не приходится. Так, в частности, указывается, что у казахстанского населения отсутствует надлежащая платформа в виде сложившейся практики взаимодействия с полицией (существует так называемый стереотип «доносительства»), а также имеет место целый ряд других факторов, снижающий уровень доверия населения к полиции в целом (высокий уровень коррупции в правоохранительных структурах, низкая эффективность работы по выявлению и раскрытию преступлений, на фоне которых мелкие нарушения выглядят незначительно, в целом недостаточный профессионализм правоохранительных структур, а также толерантность населения к незначительным нарушениям общественного порядка)⁴⁰⁵.

Как указывают современные исследователи, «общественное предупреждение, являясь составной частью криминологического предупреждения в целом и базируясь на его общих основополагающих идеях, должно соответствовать специальным принципам, к которым относятся: добровольность участия, уважение личности, самостоятельность в определении форм и методов предупредительной работы, гласность, открытость»⁴⁰⁶. Безусловно, для эффективной деятельности общественности в противодействии насильственной преступности необходимо наличие следующих факторов: 1) нормативно-правовая регламентация вопроса; 2) наличие высокого уровня правосознания и низкой степени толерантности к насилию в любых формах его проявления; 3) выработка эффективной платформы взаимодействия с правоохранительными органами, исключаяющей вмешательство и делегирование полномочий.

Мы полагаем, что отчасти проблему повышения эффективности

обращения 1 апреля 2018 года)

⁴⁰⁴ Майоров В.И. Управление отделом полиции с ориентацией на общественность // Полицейское право. - 2007. № 1. - С. 209 - 211.

⁴⁰⁵ Серик Б. О проблеме формирования культуры «нулевой терпимости» к мелким правонарушениям http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31585593#pos=5;-190& (дата обращения 10 августа 2018 года).

⁴⁰⁶ Раскина Т.В. Криминологические проблемы участия общественности в предупреждении преступности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. - С. 10.

привлечения общественности к профилактическому воздействию на насильственную преступность можно посредством привлечения неправительственного сектора, который в последние годы демонстрирует уже подтвержденные международной практикой заметные положительные результаты в различных сферах функционирования казахстанского общества. Так, в частности, согласно ст. 5 Закона Республики Казахстан от 12 апреля 2005 года № 36-III «О государственном социальном заказе, грантах и премиях для неправительственных организаций в Республике Казахстан» предусматривается широкий спектр участия общественности в реализации социально значимых задач. Однако в указанном документе не предусмотрена возможность социального заказа в отношении деятельности по обеспечению общественного порядка, участию в предупреждении преступности. Вместе с тем, определенная степень участия граждан в коррекционном воздействии на лиц, уже вовлеченных в сферу уголовной юстиции, в **данный нормативный правовой акт** уже включена. Указывается, в частности, на содействие службам пробации в оказании социально-правовой помощи лицам, состоящим на их учете (п. 13-1) ст. 5). Несмотря на то, что перечень сфер реализации государственного социального заказа является открытым (посредством **указания** на «иные социально **значимые сферы**, не **противоречащие** законодательству РК»), полагаем, что соответствующий пункт (в сфере общественного содействия полиции в обеспечении общественного порядка) должен получить специальное указание. В соответствии с упомянутым законом РК, касающимся участия граждан в обеспечении общественного порядка, вопросы организации данного общественного участия возложены на местные исполнительные органы и полицию. Однако приходится признать тот факт, что степень доверия граждан к неправительственному сектору несколько выше, что предполагает возможность благополучных прогнозов в случае его включения в сферу общественного участия в профилактическом воздействии на преступность.

Важным аспектом специально-криминологической профилактики насильственной преступности, который в последующем способен трансформироваться в действенный индивидуальный механизм профилактики, следует признать правовое воспитание и правовую пропаганду. Несмотря на значительную нормативную правовую базу в отношении воспитания, образования, духовного просвещения и идеологического насыщения молодежи в Республике Казахстан, мы обнаруживаем явный недостаток в отношении вопросов правового воспитания и криминологической грамотности подрастающего поколения. Постановлением Президента РК от 21 июня 1995 года № 2347 «О мерах по организации правового всеобуча в Республике Казахстан» была в свое время начата работа по целенаправленному обучению, в первую очередь, молодежи (хотя предусматривался охват значительной адресной аудитории) основам правовых знаний, необходимых для применения в повседневной жизни каждого человека. Данный нормативный правовой акт просуществовал достаточно долго, вплоть до его отмены Указом Президента РК от 18 июня 2009 года № 829. На смену указанному нормативному правовому акту было принято **постановление** Правительства от 29 ноября 2008

года № 1116 «О Программе по праворазъяснительной работе, повышению уровня правовой культуры, правового обучения и воспитания граждан на 2009-2011 годы». В продолжение развития направления повышения правовой грамотности и правовой культуры населения было принято постановление Правительства РК от 2 марта 202 года № 285 «Об утверждении Комплексного плана по повышению уровня правовой культуры граждан Республики Казахстан на 2012-2014 годы». В настоящее время действующего **нормативного** правового документа по указанному направлению нет. Кроме того, при сравнении Программы на 2009-2011 **годы** и Комплексного плана на 2012-2014 **годы** можно отметить, что если в первом из указанных документов предусматривалась работа по правовому обучению и повышению правовой культуры в отношении учащихся школ, других организаций образования (в частности, ставилась цель повышения правовой грамотности и знаний о правовых средствах самозащиты)⁴⁰⁷, то во втором из указанных нормативных правовых документов данная адресная аудитория уже непосредственно не указывалась⁴⁰⁸. Полагаем, что в данном направлении законотворческой деятельности необходима ревизия, поскольку привитие правовых знаний, формирование правовой культуры не должно уступать по значимости таким вопросам, как идеологическое воспитание, духовное просвещение, привлечение к физической культуре и здоровому образу жизни и т.д. По нашему мнению, в настоящее время необходимо существенным образом изменить содержание правового обучения и правового воспитания молодежи с исключительно информативного характера на прикладной. В частности, в рамках соответствующих программ, по нашему мнению, необходимо включить научно обоснованную методику индивидуальной виктимологической профилактики (прикладной виктимологии), содержательное наполнение которой следует варьировать в зависимости от возрастной категории обучающегося. Безусловно, для эффективности данных программ требуется изначально проведение серьезной работы по комплексному статистическому изучению степени и характера виктимизации населения. Как показывает сравнительно-правовой анализ виктимологических практик зарубежных стран, прикладные виктимологические программы нередко становятся одними из приоритетных направлений профилактики насильственных посягательств⁴⁰⁹. Полагаем, ключевым аспектом в данном направлении должна быть именно виктимологическая профилактика в отношении насильственных посягательств, поскольку физическая и психическая безопасность подрастающего поколения должна являться стратегическим приоритетом государственной политики. В частности, нам представляется, что совместная работа криминологов, психологов, педагогов, психиатров, сексологов, специалистов в области

⁴⁰⁷ О Программе по праворазъяснительной работе, повышению уровня правовой культуры, правового обучения и воспитания граждан на 2009-2011 годы: постановление Правительства № 1116 от 29 ноября 2008 года.

⁴⁰⁸ Об утверждении Комплексного плана по повышению уровня правовой культуры граждан Республики Казахстан на 2012-2014 годы: постановление Правительства РК № 285 от 2 марта 202 года.

⁴⁰⁹ Майоров А.В., Хашимов А.А. Общество и преступность: зарубежный опыт виктимологического воздействия // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2017. – №1. – С. 67.

правоохранительной деятельности и др. должна быть направлена на формирование индивидуальной криминологической безопасности несовершеннолетних по следующим направлениям: 1) информирование о маркерах насилия (индикаторы недопустимого воздействия физического или психического характера, доступные восприятию в соответствующей возрастной группе); 2) снижение толерантности к различным формам насилия (то есть распознавание и активное реагирование, по крайней мере, на когнитивном уровне, на любые формы физического, психического или психологического воздействия, имеющие признаки насилия, принуждения); 3) правила поведения в случаях насильственных форм поведения в семье (в отношении самого несовершеннолетнего или его близких); 4) правила поведения в случаях насильственных форм поведения со стороны сверстников или взрослых лиц; 5) навыки по распознаванию различных форм вовлечения в совершение антиобщественных действий или в преступную деятельность; 6) навыки по распознаванию различных форм сексуальных манипуляций и насильственных действий, посягающих на половую неприкосновенность (строго в зависимости от возрастных параметров, которые должны быть определены специалистами); 7) правила поведения при наличии признаков различных форм сексуальных манипуляций и насильственных действий, посягающих на половую неприкосновенность); 8) навыки распознавания различных форм воздействия, направленных на лишение физической свободы, принуждение к труду, эксплуатацию; 9) навыки по распознаванию признаков алкогольного и наркотического опьянения, а также поведенческих особенностей лиц, находящихся в соответствующем состоянии.

Полагаем, что данная работа требует тщательной подготовки, научно-обоснованного инструментария, поскольку здесь недопустимы популизм и поверхностность преподнесения материала. Вместе с тем, данное направление усилий в контексте повышения индивидуальной криминологической безопасности может принести реальные результаты с точки зрения снижения виктимности лиц несовершеннолетнего возраста, что, в конечном итоге, может повлиять и на уровень насильственной преступности. Безусловно, здесь необходимы определенные методологические основы для соблюдения нравственно-этических норм, недопущения чрезмерного вмешательства в дела семьи и воспитание детей родителями, а также возрастания тревожности и мнительности у обучаемых лиц. Следует учитывать, что практика применения методов прикладной виктимологии (которая помимо просветительских аспектов деятельности сопряжена и с оказанием вспомогательных услуг жертвам насильственных преступлений) получила значительное распространение в зарубежных странах в силу объективных положительных результатов⁴¹⁰.

Таким образом, при профилактическом воздействии на насильственную преступность речь идет о профилактике насильственного поведения со стороны потенциального преступника, а также о виктимологической профилактике

⁴¹⁰ Туляков В.А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы. - М., 2000. – С. 92.

насилия, в которой акцент перемещается на поведенческие модели потенциальной жертвы преступления. Кроме того, имеется основание говорить о том, что в настоящее время в качестве приоритетного направления виктимологической профилактики насильственных преступлений должно стать снижение уровня толерантности к насилию, начиная с младшего возраста. Как указывают исследователи, следует отметить, что изменение любого социального института, в том числе семьи, связанное с разрушением традиций и обычаев, которые стабилизировали жизнь прежде, неизбежно отражается в более или менее длительном нарастании в обществе массового преступного поведения⁴¹¹. Считаю очень важными указания исследователей на тот факт, что толерантность (терпимость) к насилию преимущественно генерируется именно к потаканию (извинению) насилия, которое происходит в семье. Так, И.А. Красиков указывает, что обращает на себя внимание «интересная особенность терпимости – ее амбивалентность и избирательность. К одному насилию человек становится толерантен, допускает его, сносит его, принимает и признает в качестве «своего» (от ближнего круга родственников, друзей и любимых) либо «нашего» (воспитание, нормирование общества). Другое (сверх нормы или же «чужое») насилие терпится с вызовом, отторжением, с угрозой сопротивления и попытками ответного устрашения»⁴¹².

Находящиеся в сфере семейных отношений причины преступного поведения могут быть разделены на две группы: «1) присущие семье во все исторические эпохи ее существования, обусловленные наличием у каждого из членов собственных материальных, физиологических, психологических и иных потребностей, которые не могут быть полностью согласованы с интересами близких; 2) вытекающие из ныне переживаемого семьей переходного периода, которому присуще противоречие между исторически сложившимися семейными потребностями и возможностями их удовлетворения (мужчины не получают дома психологического убежища, женщины – материальной опоры, между теми и другими идет борьба за самоутверждение»⁴¹³. Следует отметить, что в психологии уже традиционной является постановка вопроса о том, что криминальное поведение формируется исходя из той или иной деструкции семейных отношений. Вместе с тем, криминология до настоящего времени достаточно слабо заимствует результаты исследований в области психологии, согласно которым и виктимность по отношению к насильственным формам поведения также формируется на основе сложившихся в рамках конкретной семьи установок на отношение друг к другу.

Соответственно, полагаю, что специального анализа требует современная государственная политика по противодействию бытовому насилию. По моему мнению, термин «бытовое насилие» не в полной степени отражает именно те формы насильственного поведения, которые законодатель

⁴¹¹ Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. - М., 2001. – С. 65.

⁴¹² Красиков В.И. Терпимость, насилие и толерантность // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. – 2008. – №5. - С. 11.

⁴¹³ Ракитская О.Н., Морозова Н.О. Отношения в семье как фактор совершения преступлений насильственного характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. - № 3. - С. 52-55. С. 53.

стремился обозначить в специальном Законе РК от 4 декабря 2009 № 214-IV года «О профилактике бытового насилия». Полагаем, что в данном случае акцентируется внимание именно на том аспекте, что соответствующий тип насилия имеет место исключительно в отношении членов семьи виновного лица (преимущественно женщин и детей, а также пожилых лиц). Соответственно, предпочтительным был бы термин «семейное насилие» или «домашнее насилие», поскольку именно в таком контексте чаще всего трактуется насилие в отношении членов семьи в законодательной практике зарубежных стран⁴¹⁴. Следует отметить, что современные казахстанские исследователи, детализируя вопросы бытового насилия в его легальном определении, также употребляют термин «домашнее насилие». В частности, С.А. Балтабаев указывает, что «отличие домашнего насилия от других агрессивных актов заключается в особенностях отношений между объектом и субъектом насильственных действий. В отличие от преступления, совершенного на улице незнакомцем, домашнее насилие происходит в отношениях между близкими людьми - супругами или близкими партнерами, бывшими супругами, родителями, детьми, другими родственниками, людьми, которые были помолвлены или собираются (собирались) пожениться, и т.п.»⁴¹⁵.

Следует отметить, что акцентирование внимания на проблеме насильственных актов поведения в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Казахстан, равно как и во многих других государствах, привело к тому, что трактовка преступлений, совершаемых на бытовой почве, необоснованно сузилась, поскольку семейно-бытовая сфера хоть и превалирует в объеме совершаемых насильственных актов поведения, но не является единственной. Так, в частности, непосредственный анализ понятий, указанных в ст. 1 Закона РК от 4 декабря 2009 года № 114-4 «О профилактике бытового насилия», отдельно выделяет семейно-бытовые отношения, определяя их как «отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей)». При этом все остальные понятия (само понятие «бытовое насилие», понятие потерпевшего от бытового насилия и др.) трактуются именно в контексте семейно-бытовых отношений, формат которых определен законом, что следует признать неточным. Понятие «бытовое насилие» имеет несколько более широкую сферу применения (хотя, как уже указывалось, семейно-бытовая сфера превалирует).

В уголовно-правовой науке и криминологии вопросы насильственных преступлений, совершаемых на бытовой почве, всегда подвергались самостоятельному изучению. Так, обращаясь к исследованиям советского периода развития правовой науки, мы обнаруживаем, что понятие бытовой сферы расценивалось как часть жизнедеятельности человека, которая не связана с производственной (профессиональной) деятельностью, то есть не

⁴¹⁴ Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран. Ответственность и превенция / отв. ред. Н.А. Голованова. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2011. - 384 с.

⁴¹⁵ Балтабаев С.А. К вопросу о бытовом насилии в отношении // Вестник КарГУ. – 2015 // <https://articlekz.com/article/11831> (дата обращения 2 марта 2018 года).

сопровождается производством материальных или нематериальных благ, а направлена на удовлетворение потребностей в общении, отдыхе, иных личных потребностей⁴¹⁶. В Большой советской энциклопедии быт определялся как «сфера внепроизводственной социальной жизни, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ и культуры, человеческое общение, отдых, развлечения»⁴¹⁷. В современных энциклопедических изданиях быт также определяется как «уклад повседневной жизни, включающий удовлетворение материальных и духовных потребностей людей, общение, отдых, развлечения»⁴¹⁸.

В уголовно-правовой науке имеются различные определения понятия «преступление, совершенное на бытовой почве». Так, по мнению отдельных исследователей, к преступлению данного вида следует относить «...преступление, совершенное лицом или в отношении лица по мотивам, возникшим в результате повседневных (непроизводственных) отношений, посягающее на личность, наносящее моральный ущерб личности, либо нарушающее общественный порядок по месту жительства»⁴¹⁹. Другие исследователи также указывают на тот факт, что преступлениями, совершенными на бытовой почве, должны признаваться деяния, совершаемые по различным мотивам (ревность, личная неприязнь, зависть, месть и др.) в отношении людей, связанных с виновным лицом «семейным и иным родственным или соседским общением»⁴²⁰. Таким образом, семейно-бытовые отношения являются только разновидностью взаимодействий, складывающихся на бытовой почве. Если же трактовать бытовое насилие в буквальном значении данного слова (а не в ограничительном, как, в частности, производится в тексте Закона РК «О профилактике бытового насилия»), то следует признать, что бытовая сфера включает, помимо семейно-бытовых отношений, также коммунально-бытовые (возникающие по причине совместного проживания или соседства), лично-бытовые (возникающие на основе приятельских, дружеских отношений), общественно-бытовые (связанные с совместным пребыванием группы, коллектива в определенном месте и, соответственно, с временным совмещением процесса удовлетворения бытовых потребностей, например, пребывание в спортивном лагере, в купе поезда, в санатории, пребывание в местах лишения свободы и т.д.). Так, исследователи насильственных форм поведения между осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, приходят к выводу, что и в данном случае можно говорить о совершении преступлений на бытовой почве, поскольку осужденные совместно проводят значительное количество времени, и фактически именно бытовые вопросы нередко становятся поводом к насильственному поведению⁴²¹. Что же

⁴¹⁶ Харчев А.Г. Быт, семья в социалистическом обществе. – Л., 1968. – С. 13.

⁴¹⁷ Большая Советская Энциклопедия /под ред. А.М. Прохорова. - 3-е изд. - М., 1971. - Т 4. - С. 183.

⁴¹⁸ Новый энциклопедический словарь. – М., 2000. – С. 153.

⁴¹⁹ Романов Г.А. О борьбе с бытовой преступностью // Правоведение. – 1973. – № 4. – С. 56.

⁴²⁰ Максимов С.В., Ревин В.П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы профилактики: учеб. пособие. – М.: Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1993. – С. 15.

⁴²¹ Масленников Е.Е. Групповые неповиновения в местах лишения свободы и содержания под стражей: общая

касается семейно-бытового насилия, то исследователи определяют его как «совершаемые в результате бытовых конфликтов между лицами, состоящими в брачно-семейных, родственных отношениях умышленные общественно-опасные деяния, посягающие на охраняемые уголовным законом семейные отношения (жизнь, здоровье, честь, достоинство и свободу личности)»⁴²². Таким образом, мы полагаем, что терминология Закона РК «О профилактике бытового насилия» должна быть подвергнута **корректировке** и, исходя из содержательной части данного нормативного правового акта, следует применять исключительно понятие «семейно-бытовое насилие».

Внимание к вопросам семейно-бытового насилия в настоящее время оправданно и требует дальнейшего совершенствования механизмов правового и организационного воздействия на данные формы деликтного и (или) криминального поведения. Особенностью семейно-бытовых отношений являются такие обстоятельства, как относительная закрытость для внешней оценки; наименьшая подверженность правовому регулированию; значительная дифференциация моделей функционирования семьи (безусловно, в диапазоне социальной нормы); наличие специфических, глубоких эмоциональных взаимодействий, связанных с реализацией членами семьи духовных потребностей, потребностей в коммуникации, психологической поддержке и т.д. Именно по этой причине в официальном комментарии к Закону РК «О профилактике бытового насилия» указывается, что семейно-бытовое насилие «отличается от насилия, происходящего от кого бы то ни было, тем, что жертва подвергается насилию со стороны лиц, которые на самом деле должны быть опорой и защитой для них, с которыми они связаны узами родства или брака, вместе проживают, имеют общее жилье, имущество, средства к существованию, материально и морально зависящие от лица, проявляющего насилие»⁴²³. Именно по этой причине мы присоединяемся к мнению отечественных исследователей в отношении того, что составы насильственных преступлений должны быть дополнены квалифицирующим признаком - «совершенное в семейно-бытовой сфере», также следует включить данный признак в перечень обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и наказание, предусмотренный ст. 54 УК РК⁴²⁴. Ранее мы обосновали включение данного квалифицирующего признака в отдельные составы уголовных правонарушений (доведение до самоубийства, истязания, угроза).

Для успешного противодействия насильственным преступлениям, как в семейно-бытовой сфере, так и вне ее, необходимо сместить акценты с исключительно внешних форм воздействия на соответствующие

характеристика, детерминанты и профилактика // Актуальные проблемы уголовной политики: история, современность и перспективы: сб. трудов междунар. науч. конф. (МФЮА, 21 ноября 2015 г.). – М., 2016. – С. 34-39.

⁴²² Шикун И.Р. Семейно-бытовое насилие в отношении женщин: проблемные вопросы виктимологической профилактики // Российский следователь. – 2014. – № 6. – С. 52.

⁴²³ Применение судами норм Закона РК «О профилактике бытового насилия» от 14 декабря 2009 года // Бюллетень Верховного Суда. – 2009. - № 214.

⁴²⁴ Бектурганов Н.М., Жумагазиева Р.Ш. Криминологическая характеристика применения насилия в семье в Республике Казахстан и за рубежом // Вестник казахско-русского международного университета. 2014 // <https://articlekz.com/article/20672> (дата обращения 10 мая 2018 года).

криминальные процессы (совершенствование нормативно-правовой базы, деятельность субъектов криминологической профилактики и т.д.), на виктимологическую профилактику. В первую очередь речь должна идти о постепенном снижении толерантности к насилию со стороны тех лиц, которые потенциально могут стать жертвами насильственных воздействий. Термин «толерантность» преимущественно связывается с положительными социальными процессами и в настоящее время расценивается как парадигма современных общественных взаимодействий (межконфессиональная, межнациональная, межкультурная толерантность и т.д.). Вместе с тем, толерантность к деструктивным процессам, к которым, в частности, относится насилие в семье, следует расценивать как негативное явление, которое имеет свойство к кумуляции негативного опыта конкретного человека (например, ребенка, подвергающегося насилию) с его последующей трансляцией в собственную модель семейной жизни. Как совершенно справедливо указывают исследователи, актуализация проблемы семейно-бытового насилия пришла на смену общественной парадигме, в соответствии с которой на вопросах внутрисемейного характера стоял «гриф секретности»⁴²⁵. При этом необходимо очень аккуратно относиться к данной проблеме, поскольку чрезмерное вмешательство не всегда приводит к положительным результатам. Так, согласно **анализу** современной правоприменительной практики административно-правового воздействия на лиц, совершающих акты бытового насилия, преимущественным способом воздействия является защитное предписание. Однако в данном случае речь идет лишь о временном сдерживании правонарушителя, нет никаких гарантий того, что это приведет к снижению насильственной мотивации. Кроме того, следует отметить, что возрастание случаев привлечения к административной ответственности за нарушение защитных предписаний свидетельствует о том, что данная мера недостаточно репрессивна по отношению к лицам, совершающим акты бытового насилия. В рассматриваемом контексте также считаем необходимым отметить серьезные расхождения в статистических данных относительно динамики семейно-бытового насилия в Республике Казахстан, используемых различными источниками, которые мы обнаруживаем в доступных информационно-коммуникационных ресурсах. Так, в частности, неправительственными организациями со ссылкой на официальную статистику Генеральной прокуратуры РК по состоянию на начало 2018 года, озвучиваются данные, что за 2016 год уголовные правонарушения в семье увеличились на 2,8%, в 2017 году рост составил 4,7%. В сравнении с 2015 годом преступность в отношении женщин и детей возросла на 9%⁴²⁶. В других источниках, со ссылкой на официальные заявления Министра внутренних дел РК К. Касымова, указывается, что за период с 2011 по 2016 гг. произошло

⁴²⁵ Андреева А.А. Насилие в семье как проблема современного общества // Актуальные вопросы современной педагогики. - 2015. – Ч. 1. – С. 1.

⁴²⁶ В Казахстане стало больше насилия // <https://rezonans.kz/obshchestvo/4344-v-kazakhstane-stalo-bolshe-nasiliya> (дата обращения 10 июля 2018 года)

снижение семейно-бытового насилия в стране на 35 %⁴²⁷. Полагаем, что данные расхождения являются чрезмерно кардинальными, что недопустимо при использовании статистической информации, на основе которых формируется и общественное мнение относительно происходящих в стране процессов.

Возвращаясь к вопросу о необходимости формирования индивидуальной интолерантности (нетерпимости) к насилию, отметим, что смещение акцента на постепенное формирование личной, внутренней нетерпимости к любой форме насилия способно принести гораздо более стабильные результаты. **Психологами** уже давно установлен тот факт, что «дисфункциональные семьи характеризуются цикличностью. В ней и кроется причина неблагополучности. Все правила и стереотипы поведения переходят из одной семьи в другую через поколения»⁴²⁸. Современные исследователи в области психологии брачных отношений указывают, что деструктивные (или, как сейчас стало принято говорить, - «токсичные») отношения являются следствием общей проблемы кризиса семьи в современном обществе, а также во многом, как показывают специальные социологические исследования молодых семей, основаны на неверных установках молодых людей и ожиданий от брака⁴²⁹. Таким образом, профилактическая работа должна производиться не только в отношении уже сложившихся семей, где имеют место деструктивные (токсичные) факты совершения насилия на семейно-бытовой почве, но и в отношении будущих семей, то есть необходимо проводить просветительскую работу уже в детском (подростковом) возрасте. В противном случае и в дальнейшем будет наблюдаться воспроизводство насильственных деструкций в семейно-бытовой сфере, по причине чего будет иметь место только вторичная (охранительная, стабилизирующая) профилактика, минуя первичную, основанную на максимальном снижении рисков относительно того, что супруга (супруг) будут длительное время пребывать в деструктивном насильственном паттерне по причине того, что в детском возрасте они не получили информацию о явных и скрытых маркерах насилия, не была сформирована нулевая терпимость к насилию по отношению к самому себе и окружающим.

Обращая внимание в рассматриваемом контексте на существующую нормативно-правовую базу относительно профилактики семейно-бытового насилия, можно установить тот факт, что по объему существенно преобладают мероприятия, связанные с устранением последствий фактов семейно-бытового насилия. Исключение составляет **приказ** МВД РК № 1097 от 29 декабря 2015 года «Об утверждении Правил по организации работы подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан по защите женщин от насилия». **Данным**

⁴²⁷ На 35% сократилось число преступлений в сфере бытового насилия за пять лет // <https://vlast.kz/novosti/21754-na-35-sokratilos-cislo-prestuplenij-v-sfere-bytovogo-nasilia-za-pat-let.html> (дата обращения 18 июля 2018 года).

⁴²⁸ Дисфункциональные семьи и их влияние на детей // <http://fb.ru/article/284933/disfunktsionalnyie-semi-i-ih-vliyanie-na-detey> (дата обращения 11 июля 2018 года).

⁴²⁹ Карташова Т.Е. Психологические детерминанты и особенности профилактики деструктивных супружеских конфликтов в условиях кризиса брачно-семейных отношений: дис. ... канд. психологич. наук. – СПб., 2013. - С. 44-48.

приказом **предусматриваются** информационно-пропагандистская работа, выступления в СМИ, совместная работа с неправительственными организациями, аналитическая работа по информации о фактах семейно-бытового насилия и др.⁴³⁰ Оценить эффективность и результативность данных мероприятий, конечно затруднительно. Безусловно, при отсутствии формального отношения и научной обоснованности данных направлений профилактической работы в будущем можно рассчитывать на более или менее стабильные результаты. Анализ содержания предписаний Закона РК «О профилактике бытового насилия» свидетельствует о том, что преимущественный объем профилактических мероприятий (как в отношении потерпевших, так и по отношению к лицам, совершившим насильственные действия в семейно-бытовой сфере) **возлагается** на организации по оказанию помощи, создаваемые местными исполнительными органами. В данном случае также преобладают действия по стабилизации ситуации, нейтрализации уже возникших негативных процессов. В отношении деятельности организаций образования указывается, среди прочего, что они разрабатывают и внедряют в практику «программы и методики, направленные на формирование законопослушного поведения обучающихся и воспитанников организаций образования». Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что меры индивидуальной профилактики предусматриваются только в отношении лиц, совершающих акты семейно-бытового насилия, указание на работу с лицами, которые подверглись актам бытового насилия или могут быть потенциальными жертвами соответствующих посягательств, отсутствует⁴³¹. Что касается разработанных межведомственным приказом Критериев оценки наличия жестокого обращения, приведшего к социальной дезадаптации и социальной депривации⁴³², то в данном случае производится балльная оценка сложившейся трудной ситуации конкретного лица по факту применения к нему насилия, жестокого обращения. Мы полагаем, что все мероприятия реституционного характера, безусловно, имеют большое значение в плане предупреждения дальнейшей виктимизации пострадавших лиц, а также снижения потенциальной угрозы ретрансляции ими насильственных типов поведения. Вместе с тем, в настоящее время необходимо проведение серьезной междисциплинарной работы по разработке дополнительных обучающих программ для несовершеннолетних лиц (с учетом положений возрастной психологии). Также мы солидарны с мнением казахстанских исследователей, которые указывают на необходимость привлечения внимания к деятельности социальных педагогов⁴³³. Так, несмотря на важность своевременного

⁴³⁰ Об утверждении Правил по организации работы подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан по защите женщин от насилия: приказ МВД РК от 29 декабря 2015 года № 1097.

⁴³¹ О профилактике бытового насилия: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 114-IV.

⁴³² Об утверждении критериев оценки наличия жестокого обращения, приведшего к социальной дезадаптации и социальной депривации: совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 22 сентября 2014 года № 630, Министра образования и науки Республики Казахстан от 26 сентября 2014 года № 399 и Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 19 ноября 2014 года № 240.

⁴³³ Байкенжина К.А. Проблема бытового насилия в Казахстане // <http://www.konspekt.biz/index.php?text=55635> (дата обращения 19 августа 2018 года).

информирования и социальной подготовленности несовершеннолетних лиц для восприятия и оценки проблемы насилия (в частности, в контексте ранее предложенного нами варианта прикладной виктимологии), некоторые сферы восприятия насилия могут быть трудно воспринимаемыми несовершеннолетними лицами или, в силу того, что насилие связано с вторжением в интимную сферу несовершеннолетнего, он может сознательно или бессознательно отвергать факт насилия над ним. В этом случае и необходима квалифицированная работа социального педагога, направленная на своевременное выявление симптомов применения сексуального насилия к несовершеннолетнему. Так, в частности, исследователи выделяют как явные симптомы сексуального насилия (не соответствующие возрасту знания в области сексуальных отношений, появление соблазняющей манеры поведения, трудности при ходьбе и сидении и т.д.), так и скрытые, которые могут быть установлены только на основе профессиональных знаний и опыта (внезапные изменения в поведении ребенка, ненависть к своему телу, подавленность по отношению к взрослым, депрессия, нежелание идти домой и т.д.)⁴³⁴.

Одной из проблем насильственных посягательств, рост которых может быть прогнозирован в будущем, является проблема применения насилия к пожилым лицам. Как указывают исследователи, «в современной западной теории социальной патологии разработана концепция «эйджизма», в основе которой лежит достаточно устойчивый негативный стереотип восприятия лиц пожилого возраста, проявляющийся в различных формах... Последнее способствует формированию насилия, то есть системы социальных действий со стороны одного лица (группы лиц, государства), или **угрозы** умышленного физического, психологического или экономического принуждения по отношению к пожилому человеку...»⁴³⁵. В условиях казахстанского общества данная проблема пока не получила заметного распространения, однако многие развитые страны уже столкнулись с необходимостью выработки действенных мер по противостоянию эйджизму, в частности, по причине того, что увеличение продолжительности жизни, снижение рождаемости приводит к тому, что существенно возрастает доля лиц пожилого возраста. Аналогичные тенденции в перспективе, скорее всего, ожидают и Казахстан, и, несмотря на национальную ментальность, отличающуюся уважительным отношением к лицам старшего возраста, считаем необходимым усилить воспитательную работу с подрастающим поколением в плане воспитания уважительного отношения к людям пожилого возраста. Безусловно, необходимо проводить и дальнейшую работу по повышению социального обеспечения пожилых людей в Казахстане.

Еще одной из значимых мер противодействия насильственной преступности, на наш взгляд, является институт необходимой обороны. По нашему мнению, институт необходимой обороны является действенным

⁴³⁴ Краснова О.В. Психология социальной работы. – М., 2013. - С. 87.

⁴³⁵ Шаленко В.Н. Насильственная интолерантность к пожилым людям и пути ее урегулирования в российском обществе // <https://psihologia.biz/razvitiya-akmeologiya-psihologiya/nasilstvennaya-intolerantnost-pojilyim-lyudyam-22791.html> (дата обращения 11 ноября 2018 года)

средством противодействия насильственной преступности как в плане санкционированного государством противостояния преступнику, так и в плане субъективного ощущения защищенности граждан, в отношении которых могут быть применены акты насилия. Первоначальная редакция ст. 32 в Уголовном кодексе РК от 16 июля 1996 года № 167 до принятия Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года № 226-V дважды подвергалась изменениям в сторону расширения параметров правомерности действий обороняющегося. Так, согласно **Закону** РК от 21 декабря 2002 года № 363, ч. 3 ст. 32 УК РК 1997 года была дополнена указанием на то, что «не является превышением пределов необходимой обороны причинение вреда лицу, посягающему на жизнь человека, либо при отражении иного посягательства, соединенного с применением или попыткой применения оружия». В дальнейшем, Законом РК от 11 ноября 2011 года № 490-IV произошло еще большее расширение допустимого вреда со стороны обороняющегося. Так, текстуально был усилен акцент на том, что превышением пределов необходимой обороны признается только явное несоответствие обороны характеру посягательства, когда посягающему причиняется явно чрезмерный вред (текстуальный дубль на оценочном признаке «явно»). Кроме того, **ч. 3** ст. 32 УК РК 1997 года была дополнена дополнительными обстоятельствами, исключающими факт превышения пределов необходимой обороны: если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной угрозой такого насилия; а также если посягательство было сопряжено с противоправным насильственным вторжением в жилище или иное помещение. В действующей редакции ст. 32 УК РК 2014 года произошло дальнейшее расширение прав лиц, подвергшихся посягательству. Так, в частности, законодатель отказался от детализации благ, при защите которых возникает состояние необходимой обороны, а также предусмотрел правило, согласно которому не будет превышением пределов необходимой обороны, если вследствие внезапности нападения обороняющийся не мог объективно оценить обстановку.

Перечисленные данные в рамках нашего исследования имеют значение в том аспекте, что они свидетельствуют о последовательной либерализации нормативно-правовой регламентации необходимой обороны. Вопросы **совершенствования** уголовно-правовых конструкций данного института не являются предметом настоящего исследования, хотя и по ним также **имеется** множество вопросов, которые преимущественно связаны с оценочным характером состояния необходимой обороны. Существуют и явные логические расхождения. Так, в частности указание законодателя на тот факт, что не будет превышением пределов необходимой обороны при внезапности нападения, в силу чего ситуация не могла быть объективно оценена обороняющимся. При этом в Нормативном постановлении Верховного Суда РК от 11 мая 2007 года **№ 2** «О применении законодательства о необходимой обороне» указывается, что «если лицо, совершившее провокацию, реально не причинило вреда, то оснований расценивать ответные действия спровоцированного человека как совершенные в состоянии необходимой обороны не имеется. Такие действия

влекут ответственность на общих основаниях»⁴³⁶. По нашему мнению, данные положения недостаточно совместимы в логическом и содержательном аспекте. **Например**, как расценить провокацию, если она была внезапной? Нападение – это же еще не причинение вреда. Кроме того, в самом цитируемом нормативном постановлении содержится указание на тот факт, что угроза также может быть расценена как основание для возникновения права на необходимую оборону.

Таким образом, вопросов в плане регламентации данного института по-прежнему остается очень много. Однако в контексте нашего исследования большее значение **имеют** не столько правовые конструкции, сколько социальное значение, которое придается (должно придаваться) данному институту. **Так**, исследователи практики регламентации необходимой обороны в законодательстве зарубежных стран указывают, что «для стран Европы и Америки характерно отсутствие ответственности за превышение пределов необходимой обороны»⁴³⁷. Казахстанские авторы сравнительно-правовых исследований также подтверждают отсутствие ответственности за превышение пределов необходимой обороны в Китае, Польше, Республике Корея⁴³⁸. И это при том, что перечень обстоятельств самой необходимой обороны в законодательной практике многих государств демонстрирует даже большую детализацию, нежели в УК РК. При этом зарубежные исследователи, анализируя состояние института необходимой обороны в РК, дают его положительную оценку, усматривая стремление казахстанского законодателя максимально обеспечить «реализацию естественного права человека на защиту»⁴³⁹. В целом мы поддерживаем исследователей в том, что полностью исключить ответственность за превышение пределов необходимой обороны в настоящее время представляется невозможным (в данном случае необходим, конечно, высокий уровень правосознания населения), однако следует отметить, что действующие законодательные, а еще в большей степени правоприменительные аспекты недопустимо перекладывают ответственность за причинение вреда на обороняющегося⁴⁴⁰. В итоге, общественность Казахстана, правозащитные организации, акцентируя внимание на конкретных случаях осуждения за превышение пределов необходимой обороны, приходят к выводу: в судебной практике превалирует карательный уклон в отношении лиц, находящихся в состоянии необходимой обороны. При этом указывается, что количество случаев причинения смерти и тяжкого вреда при действии лица в состоянии необходимой обороны составляет крайне незначительный процент

⁴³⁶ **О применении законодательства о необходимой обороне:** Нормативное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 мая 2007 года № 2.

⁴³⁷ Классен А.Н., Якуньков М.А. Зарубежное законодательство о необходимой обороне // Вестник ЮрГУ. – 2007. - № 4. – С. 76-77.

⁴³⁸ Бахтияров К.Б., Балмагамбетова В.М. Оценивание превышения пределов необходимой обороны по законодательству стран зарубежья // Вестник казахско-русского международного университета. 2018 // <https://articlekz.com/article/20283> (дата обращения 12 ноября 2018 года).

⁴³⁹ Баранова Е.А. Институт необходимой обороны в уголовном законодательстве Республики Казахстан // Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2010. - № 7. – С. 69-72.

⁴⁴⁰ Герасимова Е.В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. - № 2. – С. 11

от общего количества случаев причинения данных последствий (не более 4 %) ⁴⁴¹.

В целом, анализ значительного количества современных публикаций по вопросам необходимой обороны свидетельствует о том, что наряду с детализацией признаков данного уголовно-правового института имеется значительное количество исследований относительно того, что требуется не просто совершенствование уголовно-правых конструкций, а изменение концепции как восприятия данного института со стороны общественности (с акцентом на социальную полезность необходимой обороны, поощрительный характер соответствующих норм). Требуется также и ревизия государственной реакции на случаи причинения вреда в состоянии необходимой обороны, в особенности судебной практики. Однако здесь неизбежно встает вопрос о том, что на фоне значительного количества публикаций, привлечения внимания со стороны правозащитных организаций результат остается прежним: судебная практика свидетельствует о том, что при сложности в оценке соразмерности необходимой обороны приоритет отдается привлечению к уголовной ответственности за превышение ее пределов. Следует признать, что для изменения правоприменительной практики нередко нужен достаточно сильный «толчок», поскольку нередко простых рекомендаций, пожеланий и т.п. оказывается недостаточно. Мы полагаем, что институт необходимой обороны – важнейший социально-правовой ресурс в противодействии насильственной преступности на современном этапе. Так, в частности, в контексте нашего исследования считаем необходимым выделить целый ряд обстоятельств, недооценка которых существенно снижает превентивный потенциал ресурса, заключенного в институте необходимой обороны. К ним можно отнести следующие факторы: 1) лицо, столкнувшееся с **ситуацией**, в которой у него возникает право на необходимую оборону, не имеет волевого стремления к нарушению уголовно-правовых запретов (даже если защита оказалась чрезмерной), в отличие от посягающего лица; 2) необходимая оборона фактически представляет собой вынужденное насилие, своего рода «насилие без насильственной мотивации»; 3) в отношении лица, даже превысившего пределы необходимой обороны, риски относительно его дальнейшей криминализации минимальны, т.к. сложившаяся ситуация вряд ли способна изменить его законопослушные установки; 4) чрезмерная «придирчивость» судов при оценке правомерности необходимой обороны вступает в диссонанс с заявленным принципом «нулевой терпимости», поскольку именно в контексте необходимой обороны данный принцип выступает практически в абсолютном выражении; 5) общественность, как правило, не воспринимает юридическую подоплеку осуждения по факту превышения необходимой обороны, преимущественно имеет место острая, эмоциональная оценка как явного отсутствия социальной справедливости. В итоге, как указывают исследователи, подавляющее большинство лиц, участвовавших в различных социологических

⁴⁴¹ Право на самооборону в «кривом» зеркале закона // <https://informburo.kz/stati/pravo-na-samooboronu-v-krivom-zerkale-zakona-12844.html> (дата обращения 23 июля 2018 года).

исследованиях по вопросу об использовании права на необходимую оборону, указывают на страх относительно последствий реализации данного права⁴⁴². Поэтому исследователи ищут различные варианты преодоления сложившегося опасения со стороны граждан, осознавая опасность возрастания пассивной позиции относительно активного противодействия насильственным посягательствам. Так, в частности, Б.Г. Разгильдиев предлагает даже предусмотреть материальное поощрение для лиц, реализовавших свое право на необходимую оборону⁴⁴³.

Однако исследованные нами в значительном хронологическом диапазоне научные исследования свидетельствуют о том, что проблема поощрения актов необходимой обороны остается нерешенной, а отрицательная рефлексия общественности относительно фактов осуждения за превышение пределов необходимой обороны с каждым годом нарастает. Мы полагаем, что данное обстоятельство в совокупности со многими другими факторами, требующими в настоящее время концептуального решения, свидетельствует о необходимости возобновления практики формирования специальных государственных программ противодействия преступности, на что мы указывали в предыдущих теоретических блоках нашего монографического исследования. Так, в Республике Казахстан постепенно сменялись ряд краткосрочных программ по борьбе (противодействию, профилактике) преступности (правонарушениям): Программа борьбы с преступностью в РК на 2000-2002 **годы**, Программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на 2003-2004 годы, Программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на 2005-2008 **годы**, Отраслевая программа профилактики правонарушений в Республике Казахстан на 2011-2013 годы. В последующем периоде аналогичные документы отсутствуют. Приказом Министра внутренних дел РК № 144 от 4 марта 2014 года было предусмотрено создание межведомственной рабочей группы по разработке новой редакции Отраслевой программы профилактики правонарушений в РК, однако данный документ до настоящего времени отсутствует. Фактически в настоящее время действует только Комплексный план профилактики правонарушений в Республике Казахстан на 2017-2019 годы, одобренный решением Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при Правительстве РК от 27 апреля 2017 года. В целом, плановые мероприятия в данном документе разделены по рубрикам, аналогичным ранее **действовавшим** программным документам (обеспечение правопорядка и безопасности граждан в общественных местах и на улицах, профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, профилактика правонарушений в семейно-бытовой сфере, алкоголизма и др.). Вместе с тем, замена программного документа комплексным планом, по нашему мнению, является неравнозначной, поскольку программный документ включает оценочные аспекты в плане анализа текущей ситуации, а также индикаторы, указывающие

⁴⁴² Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. – СПб., 2004. - С. 15

⁴⁴³ Разгильдиев Б.Г. Общественно полезное деяние, предусмотренное УК // Законность. - 1993. - № 12. – С. 20.

на достижение программных мер. Так, в частности, в Программе профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на 2005-2008 **годы** указывалось, что «необходимо обеспечить правовую и социальную защиту граждан, участвующих в охране общественного порядка, принимать дополнительные меры к повышению их активности, используя новые формы участия общественности в поддержании правопорядка...»⁴⁴⁴. Данное установление практически полностью имманентно обозначенной нами ранее проблеме повышения социальной значимости и поощрения института необходимой обороны. Несмотря на тот факт, что не все мероприятия, предусмотренные ранее действовавшими программными документами по противодействию правонарушениям (преступности) были реализованы, мы полагаем, что это не должно расцениваться как причина отказа от их разработки и реализации.

Итак, в случае возврата к практике формирования программных документов по противодействию преступности (профилактике правонарушений) необходимо четкое указание в качестве одного из современных приоритетов социальной полезности и поощрения реализации гражданами их права на необходимую оборону. Мы полагаем, что программный документ в настоящее время необходим, в частности, еще по той причине, что в последнее время наибольшую действенность демонстрируют именно документы стратегического и концептуального характера. Так, в частности, заявленный Н.А. Назарбаевым в Стратегии «Казахстан 2050» принцип «нулевой терпимости» к правонарушениям был сразу воспринят правоприменительной практикой и, несмотря на сохраняющиеся проблемы в его реализации, привел **к** заметным результатам, выразившимся в снижении толерантности граждан к незначительным проявлениям нарушения правопорядка. Соответственно, если бы социально-правовая ревизия в отношении института необходимой обороны прозвучала бы в контексте реализации данного принципа, то мы уже могли бы наблюдать соответствующие положительные тенденции.

В данном случае речь, конечно же, не только в институте необходимой обороны, несмотря на всю важность поставленного вопроса. В настоящее время появились новые криминальные вызовы обществу, претерпели изменения социально-экономические факторы, были созданы новые организационные структуры, направленные на противодействие преступности и т.д. Безусловно, многие вопросы укрепления законности, противодействия преступности определяются в значительном количестве нормативных правовых документов, в том числе и в документах концептуального характера. Однако все отдельно взятые нормативные правовые акты представляют собой разрозненные фрагменты общей картины системы криминологической безопасности граждан и общества в целом. Так, в частности, универсальная и во многом оправдавшая себя Концепция правовой политики Республики

⁴⁴⁴ О программе профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на 2005-2008 **годы**: постановление Правительства РК от 24 декабря 2004 года № 1355.

Казахстан на 2010-2020 годы преимущественно была направлена на определение тенденций развития национального законодательства, а также правоохранительных органов, судебной системы, правового воспитания и некоторые другие. Вопросы формирования национальной модели профилактики уголовных правонарушений не охватывались форматом указанного документа.

Другим близким по правовому концепту к рассматриваемому нами вопросу является Закон РК от 29 апреля 2010 № 271-IV «О профилактике правонарушений». Тем не менее, данный нормативный правовой документ также не может заменить комплексный программный документ, направленный на противодействие преступности. Закон как разновидность нормативного правового акта, в соответствии с Законом РК от 6 апреля 2016 года № 408-V «О правовых актах» направлен на регулирование общественных отношений (п. 4) ст. 1)⁴⁴⁵. Однако государственная программа противодействия преступности должна представлять собой не совокупность норм, регулирующих общественные отношения, а четко сформулированные предписания, которые должны: 1) констатировать состояние преступности в стране, в том числе в отдельных ее сегментах (насильственной, корыстно-насильственной, в сфере семейно-бытовых отношений и других); 2) оперировать информативными статистическими данными, показывающими динамику криминальных процессов за достаточно репрезентативный период (в диапазоне не менее 5-7 лет); 3) основные направления противодействия в соответствующем сегменте преступности (специально-криминологические и индивидуально-профилактические мероприятия); 4) рекомендации относительно правоприменительной практики; 5) среднесрочные и долгосрочные индикаторы (ожидаемые результаты).

Значение данной программы противодействия преступности, на наш взгляд, будет заключаться преимущественно не в том, чтобы составить своего рода манифест противодействия преступности, а в том, чтобы систематизировать и скорректировать актуальные данные в отношении различных видов преступности (устранить статистические погрешности и разночтения, которые сейчас имеют место), провести корреляцию между сегментами криминологической профилактики, скоординировать усилия всех субъектов профилактического воздействия. Поскольку при разработке соответствующей программы предполагается межведомственное взаимодействие всех субъектов профилактики, то уже на стадии разработки повысится их осведомленность относительно различных аспектов современного состояния преступности, **будут произведены совместные** оценка и прогнозирование возможных тенденций развития криминальных процессов. Иными словами, разработка среднесрочной программы противодействия преступности позволит: 1) объективно оценить текущую ситуацию; 2) выявить наиболее негативные тенденции; 3) оформить комплекс необходимого профилактического инструментария; 4) обозначить ожидаемые социально-

⁴⁴⁵ **О правовых актах:** Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 408-V.

значимые результаты от реализации программы.

Следует отметить, что программные методы противодействия преступности признаны мировой практикой и используются в большинстве развитых стран⁴⁴⁶. Главный положительный эффект от комплексных программных документов, направленных на противодействие преступности, заключается в том, что они, в первую очередь, представляют собой признание на государственном уровне соответствующей проблемы, что и приводит к необходимости поиска оптимальных путей решения проблемы. Этот контекст мы считаем в настоящее время основополагающим, поскольку на фоне обоснованного акцента на многих социальных проблемах современного казахстанского общества такой важный социально-конструктивный фактор, как комплексное планирование противодействия преступности, остается без достаточного внимания. Полагаем, что отчасти именно по этой причине отдельные изменения и дополнения в действующее уголовное законодательство носят фрагментарный, конъюнктурный характер, в силу чего не позволяют достичь желаемого результата.

В связи со всеми указанными обстоятельствами полагаем, что:

- 1) необходимо возобновить практику разработки и реализации программных документов по противодействию преступности в Республике Казахстан;
- 2) программирование противодействия преступности должно носить преемственный характер (последующая программа должна содержать аналитику относительно степени реализации предыдущей и причин недостижения тех или иных заявленных целей и задач;
- 3) следует максимально исключить декларативность в содержании программного документа, формулировки общего характера и т.п.;
- 4) необходимо структурировать программу по основным сегментам преступности. В частности, мы полагаем, что насильственная преступность в силу специфики продуцирующих ее факторов, повышенной степени общественной опасности последствий, а также необходимости применения особых приемов профилактического воздействия требует отдельного внимания. В предшествующих программных документах данный вопрос отдельно выделен не был.

Исследователи указывают, что программные документы могут иметь различный характер и различный характер деятельности: государственные, региональные, локальные, объектовые; оперативные, краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и дальнесрочные; жесткие (конкретные планы по борьбе с преступностью); полужесткие (программы по усилению имеющихся методов противодействия преступности); программы-декларации⁴⁴⁷. Исходя из приведенной классификации, мы полагаем, что в настоящее время должна быть разработана государственная среднесрочная (на период до 5 лет) средне-жесткая (на основе сложившейся практики, но с усилением отдельных аспектов) государственная программа противодействия

⁴⁴⁶ Бойко О.Е. Зарубежный опыт противодействия преступности несовершеннолетних // Современные проблемы борьбы с преступностью: материалы межрегиональной научно-практической конференции от 21 февраля 2011 года. – Томск, 2011. - С. 91.

⁴⁴⁷ Герасимов С.И. Организация криминологической профилактики в городе Москве. - М., 2000. - С. 84.

преступности. По нашему мнению, в последнее время весьма заметен недостаточный учет криминологических основ как уголовно-правовой регламентации, так и выработки организационных аспектов деятельности субъектов профилактики. Мы согласны с мнением ученых в отношении того, что недооценка значения комплексного планирования мер противодействия преступности приводит к дискретности, незавершенности начатых процессов, их бессистемности. Отсутствие программных подходов приводит к непоследовательности кадровой политики, постоянным проблемам с финансированием мероприятий по противодействию преступности, отсутствием репрезентативных результатов, на основе которых можно оценить динамику и эффективность конкретных мероприятий и т.д.⁴⁴⁸ По нашему мнению, самым главным негативным фактором, связанным с отсутствием комплексной программы, следует признать также и отсутствие определенного универсального ориентира, вокруг которого и должны консолидироваться все мероприятия, связанные с противодействием преступности в стране.

В рамках ранее исследованных теоретических вопросов, при анализе имеющихся в криминологии типологий насильственной мотивации мы обратили **внимание** на тот факт, что в теоретических исследованиях практически отсутствует самостоятельное выделение насильственной мотивации сотрудников правоохранительных органов, проявляющих агрессивное поведение в своей служебной деятельности. Нами было **предложена** формулировка данного вида насильственной мотивации как «дискреционного насилия», то есть своего рода «насилия по произволу». Профилактика данных насильственных форм поведения, конечно же, должна обладать выраженной спецификой. Следует отметить, что актуализация проблемы противодействия пыткам и иным видам жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения явилась результатом снижения толерантности государства и общества относительно допустимости применения сотрудниками насильственных методов при раскрытии и расследовании преступлений. На протяжении долгого времени определенный диапазон насильственных форм воздействия на подозреваемых и обвиняемых лиц расценивался практически как норма повседневной деятельности сотрудников, а соответствующие приемы транслировались в совокупности с другими практическими навыками молодым сотрудникам. Анализ значительного объема материала относительно ситуации, связанной с противодействиям пыткам в Республике Казахстан, показывает, что преимущественно имеется два основных вектора: повышение гарантий лиц от применения пыток и иных видов жестокого обращения, а также карательная практика в отношении сотрудников, допускающих насильственные формы воздействия. Что касается повышения гарантий лиц от применения пыток и иных видов жестокого обращения, то в данном вопросе необходимо отметить заметную активность неправительственного сектора⁴⁴⁹. Это весьма важное

⁴⁴⁸ Новичков В.Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2005.

⁴⁴⁹ Пытки в Казахстане: вчера, сегодня, завтра. Отчет Коалиции НПО Казахстана против пыток. – Алматы, 2015.

направление, поскольку в данном случае, как мы уже указывали в предшествующих главах нашего исследования, имеется практически «тотальная» виктимность лиц, которые могут быть подвержены пыткам, в силу чего никакие приемы самозащиты могут попросту не сработать. Именно по этой причине мы и назвали данную разновидность насильственной преступности «дискреционным насилием», то есть применяемым по произволу сотрудника правоохранительного органа. Соответственно, аспект виктимологической профилактики в контексте рассматриваемого преступного посягательства выражен весьма слабо.

Что касается второй стороны противодействия данному деструктивному явлению (**профилактики** насильственного поведения сотрудников правоохранительных органов), то она практически отсутствует и ограничивается исключительно поэтапным возрастанием репрессии по отношению к допустившим факты пыток сотрудникам. Вместе с тем, постулатом криминологической теории является утверждение, что без воздействия на причины и условия преступного поведения невозможно добиться положительных результатов. Исследования в сфере применения пыток сотрудниками правоохранительных органов практически не затрагивают вопросы мотивации сотрудников, совершающих данные деяния. Преимущественно указываются такие факторы, как низкий уровень профессионализма, кадровые проблемы, в том числе «текучесть» кадров, недостатки организационного характера, проблемы в подготовке сотрудников в учебных заведениях и т.д. Относительно внутренне-мотивационной составляющей соответствующего поведения сотрудника правоохранительного органа отечественными исследователями преимущественно указывается на сложившийся формат профессионального менталитета сотрудника, в соответствии с которым преступник, по его мнению, заслуживает такого обращения самим фактом совершения преступного посягательства⁴⁵⁰.

Учитывая тот факт, что, как мы уже ранее указывали, до настоящего времени не констатируется стабильное снижение фактов применения пыток сотрудниками правоохранительных органов (имеет место своего рода статистическая стагнация в отношении данного состава преступления), то следует признать, что принимаемые до сих пор меры заметных результатов не дают, а усиление репрессивности санкций не оказывает достаточного сдерживающего эффекта. Соответственно, в настоящее время необходимо проведение специального социологического исследования мотивации сотрудников, которые были привлечены к ответственности за пытки, а также действующих сотрудников на предмет того, какие факторы в повседневной деятельности могут провоцировать применение пыток. Как совершенно справедливо указывают исследователи, следует учитывать, что смещение вопросов профилактики исключительно на общие факторы социального, организационного характера приводят к недооценке роли личности в

- 11 с.

⁴⁵⁰ Брамонтов Р. Проблемы применения пыток оперативными сотрудниками органов внутренних дел // Вестник КарГУ. 2016 // <https://articlekz.com/article/13061> (дата обращения 10 марта 2018 года).

формировании механизма преступного поведения⁴⁵¹. Кроме того, следует учитывать высокий уровень правонарушающего поведения сотрудников правоохранительных органов, в силу чего ставшие известными случаи применения пыток представляют собой далеко не полную картину данного сегмента насильственной преступности. Как указывают исследователи, уголовная статистика «заражена вирусом лукавства и страдает значительными погрешностями. Она сознательно искажается под воздействием отдельных руководителей правоохранительных органов, как правило, в целях собственной карьеры»⁴⁵². По причине стабильного высокого показателя преступности сотрудников правоохранительных органов (причем подавляющее большинство правонарушений и преступлений совершается в связи или по поводу исполнения служебных обязанностей), исследователи констатируют преступность сотрудников правоохранительных органов в качестве нового сегмента преступности. Иными словами речь уже должна идти не о простой совокупности преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, а о стабильном, устойчивом явлении, которое отличается особыми процессам детерминации⁴⁵³. Соответственно, данный вид преступности должен быть подвержен такому же криминологическому анализу, как и любой другой. Поскольку совершение пыток – это особый, крайне резонансный вид преступного поведения сотрудников правоохранительных органов, связанный с проявлением актов физического и психического насилия, то психолого-криминологическое исследование личности данных лиц, допустивших факты пыток, является необходимым для формирования соответствующего профилактического инструментария.

Иными словами, следует установить, в каком процентном отношении собственно насильственная мотивация являлась преобладающей при совершении пыток, а в каких случаях насильственное воздействие на потерпевших было способом достижения той или иной цели виновным лицом. Как указывают авторы исследований в отношении сотрудников правоохранительных органов, осужденных за различного рода преступления, связанные с исполнением служебных обязанностей, более 25 % сотрудников признались, что использовали насильственные методы в своей повседневной работе⁴⁵⁴. Такой высокий процент лишней раз подтверждает высокий уровень латентности незаконного поведения сотрудников, в том числе и его насильственных форм. Полагаем, что опрос действующих сотрудников дал бы разительно отличающиеся результаты. Необходимо учитывать, что наличие в мотивационной сфере стойкой насильственной мотивации следует расценивать как весьма значительную степень профессиональной деструкции. В данном

⁴⁵¹ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника (криминологическое исследование). М.: Норма: Инфра-М, 2010. - С. 119.

⁴⁵² Омигов В.И. Закономерности развития преступности в Российской Федерации на рубеже веков // Государство и право. - 2000. - № 6. - С. 52.

⁴⁵³ Варагин А.Н. О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. - 2013. - №11. - С.23.

⁴⁵⁴ Аксенов Ю.А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. - С. 41.

случае требуется применение следующих мер: 1) диагностика насильственных акцентуаций характера уже в период отбора на службу; 2) систематическая психологическая работа с сотрудниками, направленная на выявление признаков насильственной акцентуации и на ее снижение посредством психокоррекции. Современные исследователи психодиагностику стали выделять в качестве перспективного направления профилактики насильственных форм поведения со стороны сотрудников правоохранительных органов⁴⁵⁵. Если же преобладают факторы иного характера (например, организационные факторы, особенности микроклимата в служебном коллективе, стиля руководства и т.п. либо обнаруживаются другие мотивы, приводящие к совершению пыток, - боязнь дисциплинарной ответственности, ложно понятые интересы службы, стремление к карьерному росту и т.п.), то необходима разработка комплекса мер, направленных на снижение негативного влияния соответствующих факторов. Возрастание деструктивных проявлений со стороны сотрудников правоохранительных органов все чаще становится поводом для психологических исследований, в том числе связанных с диагностикой (выявлением) психологических проблем (психических отклонений) как при поступлении на службу, так и в процессе деятельности сотрудников⁴⁵⁶.

Исследователи указывают, что деструктивные типы поведения сотрудников правоохранительных органов, в том числе и насильственные формы поведения, развиваются исключительно только во **взаимодействии** с факторами внешней среды⁴⁵⁷. Таким образом, помимо ранее приведенных возможных причин формирования мотивации к совершению пыток, следует учитывать и виктимологический аспект. Как мы уже ранее отметили, виктимологический аспект в контексте данного преступления обладает существенной спецификой и слабо влияет на механизм преступного поведения. Вместе с тем, полностью исключать данный фактор не следует. Мы полагаем, что необходимо исследование в двух направлениях: 1) опрос граждан на предмет уровня их виктимности в отношении насильственных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов; 2) специальное криминологическое исследование жертв применения пыток с целью выявления отдельных специально-криминологических аспектов, в частности: по подозрению в совершении каких деяний чаще всего применяются пытки; какие формы поведения и особенности характера жертвы могли спровоцировать сотрудника на применение пыток; какова была интенсивность физического воздействия и как она менялась и т.д. Обнаружение тех или иных статистических корреляций может получить и определенный виктимологический инструментарий в противодействии пыткам, в частности,

⁴⁵⁵ Потарыкина М.С. К вопросу об агрессии и насильственном поведении сотрудников полиции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. - № 6-2. – С. 175-184.

⁴⁵⁶ Петров В.Е. Психометрическая адаптация диагностического инструментария профессионального психологического инструментария отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел: методическое пособие. – Казань: Издательство КУ МВД России. – 2003. - 63 с.

⁴⁵⁷ Злоказов К.В. Эмпирический анализ типов деструктивности сотрудников правоохранительных органов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. - № 4 (30). - С. 96.

повышение контроля в отношении работы сотрудников с отдельными лицами, по которым можно предположить более высокую степень виктимности в отношении пыток. Здесь еще раз подчеркнем, что, по мнению автора настоящего исследования, вопросы виктимологической профилактики насильственных преступлений должны в настоящее время стать отдельным предметом исследования и статистического анализа.

Важнейшим инструментом в индивидуальной профилактике насильственного поведения является воздействие на механизм преступного поведения⁴⁵⁸. Фактически в данном случае речь идет о формах воздействия на формирование насильственных установок и их реализацию в посягательстве на конкретную жертву насильственного посягательства. С точки зрения профилактического воздействия на насильственную преступность, исходя из механизма индивидуального преступного поведения, необходимо учитывать, что в данном случае очень большое значение имеет отношение граждан к уголовно-правовым запретам. Именно от данного аспекта во многом будет зависеть, «состоится» ли в итоге преступный насильственный акт или нет. С этой точки зрения выделяют следующие основные типы установок: 1) полное отрицание возможности насильственного поведения, независимо от строгости уголовно-правового запрета. В данном случае отсутствует необходимость для превентивного воздействия со стороны правоохранительных органов, а также иные механизмы сдерживания, поскольку соответствующая интолерантность к насилию является свойством личности. Соответственно, чем большее количество людей **придерживается** такой модели отношения к насилию, тем благополучней криминологическая картина общества; 2) отрицание возможности насильственного поведения по причине установления уголовно-правового запрета, т.е. своего рода страх перед ответственностью, нежелание понести издержки от своего незаконного поведения, быть наказанным. В данном контексте очень большое значение имеет эффективность установленного уголовно-правового запрета (в частности, полнота, достаточность, четкость установленных признаков того или иного деяния), а также криминологическая обоснованность пенализации санкций соответствующих норм (т.е. насколько степень уголовно-правовой репрессии, заключенная в санкции конкретной нормы может оказать сдерживающее воздействие на механизм формирования насильственного поведения); 3) отсутствие страха перед наказанием, однако невозможность (затруднительность) совершения преступления по причине наличия специальных механизмов воспрепятствования в лице контроля и надзора правоохранительных органов. В данном случае стремление совершить преступление фактически конкурирует с механизмами его предупреждения, что, в целом, может все-таки привести к совершению насильственного преступления, если лицо посчитает, что ресурсы и усилия, которые он потратит на преодоление препятствия, а также на само совершение преступления, менее

⁴⁵⁸ Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. – М., 1977. - С. 57

значительны, нежели выгоды от преступления; 4) наличие уголовно-правового запрета или механизмов индивидуально-предупредительного воздействия со стороны правоохранительных органов не являются препятствием для совершения преступления, поскольку насильственные мотивация и установка являются более сильными, нежели страх перед наказанием или нежеланием затрачивать ресурсы на совершение преступления.

Основной проблемой современного состояния виктимологической профилактики насильственной преступности, на наш взгляд, является то обстоятельство, что акцент производится на предупредительное воздействие в отношении только отдельных групп населения, которые демонстрируют наибольший индекс виктимизации (в частности, женщин, детей в плане семейно-бытового насилия). Вместе с тем, следует учитывать тот факт, что глубинные основы виктимности нередко находятся в сознании самого потерпевшего, который не может воспринимать соответствующие индикаторы насилия как нарушение собственного права на физическую и психическую безопасность. Именно поэтому мы ранее указали на необходимость разработки и применения элементов прикладной виктимологии, в рамках которой возможно повысить осведомленность и навыки распознавания маркеров физического и психического (психологического) насилия уже с детского возраста. Итак, каким образом государство формирует систему индивидуальной безопасности личности с точки зрения предупреждения насильственных посягательств? В первую очередь, учитывая значительную роль правовых предписаний как регулятора общественных отношений, необходимо указать, что качество уголовно-правовых запретов во многом является сдерживающим фактором для совершения насильственных посягательств. Так, А.М. Яковлев пишет: «Наиболее простым объяснением того, почему люди не совершают преступлений, является то, что это им невыгодно ... общество принимает все меры, чтобы преступления не совершались»⁴⁵⁹. Фактически процитированный тезис можно интерпретировать и в том ключе, что никому не выгодно стать жертвой насильственного посягательства. Соответственно, «невыгодность» касается как преступного, так и виктимного поведения. Один из основателей советской виктимологии Л.В. Франк указывал, что людям невыгодно становится жертвами преступлений, по причине чего они стараются ими не быть, и, соответственно, государство должно делать и делает все, чтобы люди не становились жертвами преступлений⁴⁶⁰. Исследователи ставят вопрос и под другим углом, указывая, что своеобразная криминологическая защита личности имеет место не только в отношении потенциальных потерпевших от насильственных посягательств, но и в отношении тех, кто соответствующие преступления совершает. «Очевидно, - пишет С.Н. Абельцев, - общество должно оберегать и тех и других. Оно обязано ограничивать риск одних быть наказанными за преступления и риск других стать жертвой преступлений. Эта обязанность - основной «элемент»

⁴⁵⁹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. - М., 1985. - С. 150-151.

⁴⁶⁰ Франк Л.В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. - Душанбе, 1977. - С. 10-11.

системы профилактики преступлений и защиты личности от преступных посягательств»⁴⁶¹.

Последнее из приведенных суждений в настоящее время находит реальное воплощение в казахстанской правоприменительной практике. В последние годы в контексте профилактического воздействия на лиц, совершивших уголовные правонарушения, произошли существенные изменения, которые связаны с внедрением в Республике Казахстан института пробации. Пробация представляет собой особую форму коррекционного воздействия, направленную не только на сдерживание криминального потенциала лиц, уже однажды совершивших уголовные правонарушения, но и на улучшение жизненной ситуации данных правонарушителей, нейтрализацию тех социальных факторов, которые могут привести к их повторной криминализации. Особенностью казахстанской модели службы пробации является ее существенно выраженный социально-ориентированный аспект, регламентация значительного перечня мероприятий по социальному сопровождению лица, в отношении которого устанавливается пробация, с целью его коррекции, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации⁴⁶². Фактически данная модель пробационного воздействия предполагает, что казахстанским обществом постепенно должна быть воспринята идея о том, что криминальная безопасность каждого в отдельности члена в обществе наиболее благополучным образом может быть обеспечена не посредством социальной сегрегации правонарушителей (т.е. максимального ограждения их от законопослушных граждан), а путем применения криминологически обоснованных социально-инклюзивных методик.

Известный немецкий социолог Н. Луман писал: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие просто индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра...»⁴⁶³. Следует отметить, что первоначальные исследования по вопросам социальной эксклюзии (исключения из общества) касались как раз преимущественно лиц, болеющих тяжелыми заболеваниями, а также ведущих маргинальный образ жизни, склонных к преступному поведению. В настоящее время проблемы социальной эксклюзии начали вновь выноситься на повестку дня, преимущественно в плане необходимости их преодоления. Если в более ранние периоды развития социальных наук преимущественно речь шла о классовой, сословной стратификации и, соответственно, о социальной эксклюзии по признаку отношения к соответствующему классу, сословию, то в настоящую эпоху глобализации и общемировой тенденции к приоритету прав человека

⁴⁶¹ Абельцев С.Н. Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2000. - С. 214.

⁴⁶² О пробации: Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 38-VI.

⁴⁶³ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. – М., 1998. - С. 94.

социальная эксклюзия перешла из «вертикальной» в «горизонтальную» форму. Как указывают современные исследователи социальных процессов, «в настоящий момент мы переживаем переход от вертикального общества, которое принято называть классовым, к горизонтальному, где наиболее важно понимать не то, внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии...»⁴⁶⁴. По образному выражению авторов научных работ по данной проблематике, мир в настоящее время делится на инсайдеров и аутсайдеров⁴⁶⁵.

Совершение лицом уголовного правонарушения и связанный с этим фактом процесс реализации уголовной ответственности в **отношении** данного лица неизбежно **приводят** к следующему: правонарушитель, совершая уголовно наказуемое деяние, определенным образом противопоставляет себя обществу, и, как следствие, общество противопоставляет себя правонарушителю посредством реализации в отношении него карательного потенциала того или иного вида уголовного наказания. Иными словами, здесь имеется своеобразная социальная эксклюзия лица по факту совершенного им уголовного правонарушения. На преодоление данной разновидности социальной эксклюзии, по нашему мнению, преимущественно и направлено законодательство РК по вопросам реализации института пробации. При этом следует учитывать, что общество – это целостный, глобальный социальный организм, способный к самооздоровлению, самосохранению, стабилизации процессов в силу того, что имеется целый ряд факторов, обуславливающих данные процессы (значительная общность людей, обладающая схожей ментальностью в силу определенных традиций, исторической преемственности ценностных представлений, в том числе и в контексте отношения к преступным посягательствам). Соответственно, эксклюзия правонарушителя фактически демонстрирует своего рода слабость общества, которое вместо того, чтобы **вовлечь лицо** в необходимые для его исправления процессы, **стремится** оградиться от него. Как указывают современные исследователи, уже с середины XIX века, когда стало постулатом утверждение о том, что наказание (изоляция, отчуждение) не может расцениваться как единственное средство борьбы с преступностью, поскольку она является порождением социально-экономических, политических факторов, карательные практики воздействия на преступников стали сменяться различными формами социальной коррекции данных лиц, в частности, посредством социального патроната⁴⁶⁶. Во многих странах система социального патроната над преступниками реализовалась в деятельности служб пробации, которые постепенно стали не только контролировать процесс исполнения осужденным уголовного наказания и выполнения обязанностей, возложенных судом, но и оказывать ему социальное вспоможение, направленное на стабильное улучшение его жизненной ситуации,

⁴⁶⁴ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. - 2001. - № 2. - С. 158-166.

⁴⁶⁵ Мельничук Т.В. Криминогенный потенциал постиндустриального общества: анализ рисков // Криминологический журнал Байкальского национального университета экономики и права. – 2013. - № 4. - С. 159.

⁴⁶⁶ Беляева Л.И. Международные конгрессы патроната о предупреждении преступлений // Труды Академии управления МВД России. – 2012. - № 1(21). – С. 79

что должно привести к снижению криминального потенциала данного лица.

Следует отметить, что вопросы социальной эксклюзии, хоть и не часто, но поднимаются и в криминологической науке. В частности, Я.И. Гишинский указывает, что «исключенные» (страны, группы, люди) служат основной социальной базой девиантности, включая преступность, алкоголизацию, наркотизацию»⁴⁶⁷. Принятие Закона РК «О пробации», таким образом, предполагает несколько форсированный переход казахстанского общества на кардинально новую модель взаимоотношений в системе «общество-правонарушитель». Аналогичную модель восприняли и некоторые другие страны постсоветского пространства, также пошедшие по пути внедрения института пробации. Так, в частности, в ст. 2 Закона Кыргызской Республики от 24 февраля 2017 года № 34 «О пробации» в качестве целей осуществления пробации прямо называется «исключение и преодоление стигмы общества к клиентам пробации»⁴⁶⁸. В казахстанском варианте закона данная цель не указана, но фактически предполагается решение аналогичной задачи: снизить антагонизм между обществом и правонарушителем, максимально использовать потенциал гражданского общества для снижения криминальной активности лица, совершившего уголовное правонарушение.

Как пишут современные исследователи, «советская криминология, как отчасти и сегодняшняя наука, законодательные и подзаконные акты, рассматривают преступность и многообразные ее проявления как некий чужеродный деструктивный для общества элемент, социальную патологию, отклоняющуюся от обыкновенного поведения относительно немногих, как болезнь духа, слабую воспитанность части населения и т. д.»⁴⁶⁹. В настоящее время приходится признать, что преступность генерируется факторами самого общества, в условиях функционирования которых лицо избирает преступную форму поведения как наиболее оптимальную для удовлетворения собственных потребностей. В отношении насильственной мотивации следует отметить, что она является одной из наиболее деструктивных, в силу чего стремление общества «отгородиться» от насильственного преступника, в целом, вполне объяснимо и логично. Потенциальная угроза насильственного воздействия у любого человека вызывает (должна вызывать) страх перед физической болью или психическим дискомфортом, желание отдалиться от источника агрессивного поведения. Соответственно, вопросы социальной инклюзии насильственных преступников должны вызвать специфические проблемы именно по причине того, что объектом их посягательства являются наиболее ценные блага для каждого человека – жизнь, здоровье, физическая и психическая неприкосновенность. При исследовании насильственной мотивации в предыдущих параграфах настоящего исследования мы указывали

⁴⁶⁷ Гишинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций / Я.И. Гишинский // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. - 2004. - № 6. - С. 69–76.

⁴⁶⁸ **О пробации:** Закон Кыргызской Республики от 24 февраля 2017 года № 34 // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111517> (дата обращения 10 октября 2018 года).

⁴⁶⁹ Голина В.В. Криминогенный потенциал общества: понятие, содержание, формы реализации // Проблемы законности. – 2012. – Вып. 119. – С. 192.

на имеющееся в криминологической теории значительное количество классификаций типов насильственной мотивации. Соответственно, каждый тип насильственной мотивации требует собственных, криминологически и психологически обоснованных методов профилактического воздействия. В криминологии принято считать, что меры индивидуального предупреждения преступности направлены на психолого-педагогическую коррекцию указанных категорий лиц с целью формирования у них таких качеств, которые могут обеспечить неуклонное соблюдение социальных норм и правил общественной морали⁴⁷⁰. Соответственно, социальная инклюзия насильственного преступника в обязательном порядке требует применения определенных коррекционных программ, направленных на снижение агрессивной мотивации. В частности, казахстанские специалисты, исследовавшие зарубежный опыт probation, указывают на применение специальных программ по «управлению гневом» в отношении лиц, совершивших насильственные посягательства, а также специальные коррекционные программы в отношении лиц, совершивших преступления на сексуальной почве⁴⁷¹.

Исследование значительного количества источников по вопросам противодействия насильственной преступности показало, что именно вопросы индивидуальной профилактики насильственных преступлений, как правило, связаны с наибольшими методологическими сложностями и неточностями, когда фактически меры индивидуальной профилактики отождествляются с общими организационными мерами противодействия насильственной преступности (выявление лиц, ведущих маргинальный образ жизни, злоупотребляющих алкоголем, наркотическими средствами, незаконно хранящих оружие; контроль за ранее судимыми лицами, освобожденными от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, и т.д.). Безусловно, данные факторы имеют важное профилактическое значение. Так, например, в **Законе РК от 7 апреля 1995 года № 2184 «О принудительном лечении от алкоголизма, наркомании, токсикомании»** указывается, что данные заболевания относятся к социально опасным, **приносящим** вред здоровью граждан, генофонду страны и **способствующим** росту преступности⁴⁷². Статистика в вопросах корреляции между общеуголовной насильственной преступностью и фактами употребления алкоголя, наркотиков практически неизменна и всегда связана со значительным влиянием употребления данных веществ на механизм совершения насильственного преступления. Если разделить индивидуальную профилактику насильственных преступлений на раннюю, непосредственную и постпенальную (после применения наказания), то можно с уверенностью сказать, что преимущественный объем профилактического воздействия в настоящее время приходится на две последние формы профилактического воздействия. При этом ранняя

⁴⁷⁰ Алауханов Е., Зарипов З. Профилактика преступлений. – Алматы, 2008. - С. 123.

⁴⁷¹ Симонова Ю.И., Чиржова О.В. Официальный визит казахстанских специалистов в Великобританию // Развитие службы probation в Республике Казахстан. Ч. 3. – Астана, 2017. - С. 15

⁴⁷² **О принудительном лечении от алкоголизма, наркомании, токсикомании**: Закон Республики Казахстан от 7 апреля 1995 года № 2184.

профилактика насильственной преступности, которая, соответственно, может способствовать нейтрализации факторов, приводящих к формированию насильственной мотивации, в настоящее время имеет слабую методологическую базу, что преимущественно обуславливается, на наш взгляд, отсутствием достаточной криминологически значимой информации, основанной на фактографическом исследовании значительного массива преступлений насильственного характера, совершенных в государстве. Официальная статистика оперирует отдельными стабильными к измерению факторами (например, совершение преступления в составе группы, в несовершеннолетнем возрасте и др.), но этого не достаточно. Учитывая тот факт, что подавляющее большинство насильственных преступлений (до 80 % убийств и до 68 % умышленного причинения вреда здоровью) совершается с внезапно возникшим умыслом⁴⁷³, закономерно предположить, что их пресечение будет сопряжено с объективными сложностями. Соответственно, мы полагаем, что в настоящее время назрела необходимость внедрения специальных методик по вычислению вероятности совершения насильственных преступлений в тех или иных конкретных обстоятельствах. Это, безусловно, потребует значительного объема статистической информации как можно более детального характера, причем как в отношении лиц, совершивших насильственные преступления, так и отношении потерпевших от данных преступлений, с целью установления заметных (стабильных) корреляций. Как уже ранее было нами обосновано в рамках настоящего исследования, соответствующие криминологические измерения целесообразно проводить в рамках «индексных» насильственных преступлений.

Подведем итоги заключительного блока нашего теоретического исследования. Итак, одним из направлений профилактического воздействия на насильственную преступность должна стать деятельность по формированию системы самозащиты граждан. Несмотря на значимость государственных институтов и деятельности субъектов специальной криминологической профилактики, сохраняющиеся угрозы криминологической безопасности граждан не могут быть снижены без осознанного участия самих граждан.

Безусловно, в вопросах создания действенной системы самозащиты граждан важное место должно быть отведено системе правового воспитания и правовой пропаганды. Анализ нормативного правового материала по данному направлению свидетельствует о том, что вопрос правового воспитания подрастающего поколения в настоящее время значительно утратил свою интенсивность, что нам представляется необоснованным. Правовую осведомленность и защищенность подрастающего поколения следует максимально перевести в прикладную плоскость. В частности, предлагается разработка прикладных **виктимологических** методик, основанных на информировании о маркерах физического и психического насилия, соответствующих возрастному уровню обучаемого, и привитии навыков антивиктимного поведения. Следует также повысить профессионализм и

⁴⁷³ Варчук Т.В. Криминология: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М., 2002. – С. 178.

степень участия работы социальных работников для выявления признаков насилия, применяемого к несовершеннолетним.

В обязательном порядке следует учитывать, что успешное противодействие насильственной преступности невозможно без активного участия общественности. Принимая во внимание тот факт, что уровень доверия населения к неправительственному («третьему») сектору достаточно высок, предлагаем расширить потенциал общественного участия за счет внесения в перечень направлений государственного социального заказа деятельности, связанной с поддержанием общественного порядка и профилактикой уголовных правонарушений.

Мы абсолютно уверены, что произведенные казахстанским законодателем мероприятия по совершенствованию уголовно-правовых конструкций в рамках института необходимой обороны являются весомой, но не достаточной мерой. Необходимо повысить социальную значимость данного института, изменить государственную «стратегию разрешения» на «стратегию одобрения, поощрения», преодолеть карательную практику в отношении лиц, причинивших вред в состоянии необходимой обороны. Следует учитывать, что данный институт является действенным средством самозащиты граждан, которые не должны испытывать опасения по поводу реализации своего права на необходимую оборону.

Также мы пришли к выводу, что в настоящее время необходима реновация в контексте программных документов по противодействию преступности, учитывая тот факт, что в последние годы фактически произошел отказ от разработки данных социально значимых документов. Разработка программы противодействия преступности позволит объективно отразить текущую ситуацию, унифицировать статистическую информацию, повысить взаимную осведомленность субъектов криминологической профилактики. Программы должны носить преемственный характер, исключать декларативность, включать комплекс конкретных мероприятий и индикаторов по различным сегментам преступности. Насильственная преступность должна войти отдельным структурным элементом в данную программу (в отличие от предшествующих аналогичных документов).

Одним из важных профилактических решений в разрезе современной уголовной и уголовно-исполнительной политики Казахстана явилась социальная переориентация практики работы с лицами, совершившими уголовные правонарушения, преимущественно связанная с введением института пробации. В целом, данное направление работы можно оценить как переход от социально-эксклюзивных практик (изоляция, **отстранение** правонарушителя от общества) к социально-инклюзивным методикам, предполагающим всестороннюю помощь в коррекции поведения, социальной реабилитации и адаптации правонарушителя. Лица, совершившие насильственные преступления, не должны стать исключением. Однако учитывая обоснованный страх населения к проявлениям насилия, методики снижения агрессивно-насильственных акцентуаций личности **должны** носить научно-обоснованный, профессиональный характер.

Несмотря на то обстоятельство, что мы в рамках настоящего исследования отнесли пытки к насильственным преступлениям (более того, мы рекомендуем их в качестве одного из «индексных» насильственных преступлений), следует отметить, что отсутствуют комплексные социологические исследования относительно преобладания той или иной мотивации в поведении сотрудников, совершающих данное преступление (в частности, возможны ложно понятые интересы службы, страх перед дисциплинарной ответственностью и т.д.). Требуется восполнить данный пробел, поскольку наличие насильственной мотивации у сотрудников является тревожным фактором, требующим выявления на стадии отбора кандидатов на службу, а также периодического мониторинга насильственных акцентуаций у действующих сотрудников с целью их психокоррекции. Несмотря на высокую, практически «тотальную» виктимность жертв пыток, полагаем, что их виктимологическое исследование также представляет большой теоретический и практический интерес.

Мы также пришли к выводу, что требуется корректировка в названии и в тексте Закона РК «О профилактике бытового насилия», поскольку семейно-бытовая сфера не исчерпывает всего спектра насильственных форм поведения, которые следует причислить к бытовому насилию. Так как указанный нормативный правовой акт преимущественно связан с профилактикой семейно-бытового насилия, следует добиться соответствующего терминологического единообразия.

Таким образом, только сочетание общесоциальных мер, создающих благополучный «фон» для профилактического воздействия на преступность в целом и насильственную преступность в частности, и мер специально-криминологической и индивидуальной профилактики способно создать действенный механизм, позволяющий, как минимум, выявлять и контролировать те или иные негативные тенденции. Преодоление либо существенное снижение насильственной мотивации у граждан представляет собой весьма сложную задачу, однако, от наличия качественного криминологического инструментария во многом зависит решение вопроса о повышении криминологической безопасности граждан нашего государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе мы осуществили попытку комплексного исследования насильственных преступлений на основе действующего уголовного законодательства, достижений научной мысли в области уголовно-правовой теории и криминологии, а также с учетом анализа имеющегося арсенала средств предупреждающего воздействия на насильственную преступность.

Затронуто значительное количество вопросов общетеоретического характера, начиная от смыслового и ценностно-ориентационного содержания уголовно-правовых запретов на совершение насильственных действий, обоснования существующих погрешностей в процессе криминализации и декриминализации соответствующих составов уголовных правонарушений, и заканчивая глубокой теоретической проработкой уголовно-правовой дефиниции «насилие» и четким определением его форм. В итоге нами предложены варианты легальных формулировок как самого понятия «насилие», так и его основных форм («физическое насилие», «психическое насилие», «психологическое насилие»), а также отдельных видовых характеристик данного уголовно-правового феномена. Помимо данного теоретического концепта, мы попытались решить и ряд частных задач, связанных с выработкой рекомендаций по устранению отдельных противоречий в текстуальном оформлении некоторых статей казахстанского уголовного закона, отдельных логических и содержательных «просчетов» при формулировании законодательных конструкций, а также по вопросам непропорциональной пенализации ряда составов уголовных правонарушений, не отвечающей степени общественной опасности соответствующих насильственных посягательств. Обоснован и предложен новый подход к определению объекта насильственных преступлений, под которым предложено понимать особый, внеструктурный (консолидированный) объект, выходящий за рамки структуры родовых объектов Особенной части **Уголовного** кодекса. Нами аргументирован «узкий» подход к выделению группы насильственных посягательств, предложен перечень подпадающих под них составов уголовных правонарушений, а также рекомендуемая группа «индексных» насильственных преступлений, на основе которой целесообразно вести обособленный статистический учет, в том числе и его корреспондирующую виктимологическую составляющую. Кроме того, исследован целый ряд смежных вопросов относительно деяний, не подпадающих под признаки насильственных преступлений, но представляющих повышенную общественную опасность по причине тяжести причиняемых жизни и здоровью людей последствий (неосторожные формы причинения вреда), а также того, что они являются предиктором насильственного поведения по отношению к человеку (вопросы ответственности за насилие над животными). Обращено внимание также на то обстоятельство, что в уголовном законодательстве в недостаточной степени учтен предикативный характер насильственных преступлений по отношению к таким общественно опасным формам преступного поведения, как экстремизм и терроризм.

В криминологическом разрезе исследования мы постарались произвести акцент не на видовых криминологических характеристиках тех или иных видов насильственных посягательств (что представлялось бы весьма затруднительным в силу поставленной научной задачи), а пошли по пути расстановки отдельных аспектов, связанных с необходимостью обозначения некоторых принципиально новых подходов. Криминологический блок, безусловно, также не был лишен теоретического анализа, в результате которого нами были предложены авторские классификации (например, объективных и субъективных виктимологических факторов общего порядка), типологии (насильственного преступника и жертвы насильственного преступления). Аргументировано также мнение о назревшей необходимости изменения вектора криминологического воздействия в прикладную плоскость, в том числе с учетом фактора введения в уголовно-исполнительную практику государства института пробации, предполагающего адресное корректирующее воздействие на правонарушителя, применение соответствующих социально-инклюзивных методик, **индивидуальной оценки** риска повторного уголовного правонарушения в отношении конкретного лица.

При оценке системы предупреждения насильственной преступности мы произвели попытку обозначить все основные направления государственной политики, направленные на «оздоровление» политических, экономических факторов, а также укрепление духовно-нравственной сферы жизни граждан. Обозначены отдельные **проблемы**, которые должны быть решены в государственном масштабе (снижение коррумпированности правоохранительных органов, повышение уровня доверия населения к полиции, интенсификация правового воспитания и пропаганды, повышение гендерной чувствительности казахстанского общества и некоторые другие). Что касается специальных мер профилактического воздействия, то нами был установлен акцент на повышение уровня самозащиты граждан (в том числе посредством законодательного стимулирования и поощрения института необходимой обороны), а также на необходимость разработки прикладных исследований в области виктимологической профилактики насильственных преступлений с учетом возрастных и иных потребностей.

Надеемся, что проведенное нами исследование окажется интересным и полезным, даст предмет для теоретических дискуссий и внесет определенный вклад в развитие уголовно-правового и криминологического направления анализа насильственной преступности

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные правовые акты

- 1 Конституция Республики Казахстан: принята 30 августа 1995 года.
- 2 Уголовный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК.
- 3 О принятии Межгосударственной программы совместных мер по борьбе с преступностью: Решение Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 года (г. Душанбе).
- 4 Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года: утвержден Указом Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636.
- 5 О пробации: Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 38-VI.
- 6 О профилактике бытового насилия: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV.
- 7 О государственной молодежной политике: Закон Республики Казахстан от 9 февраля 2015 года № 285-V.
- 8 Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 года № 199-V.
- 9 Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384.
- 10 Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124.
- 11 Об утверждении Критериев оценки наличия жестокого обращения, приведшего к социальной дезадаптации и социальной депривации: Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 22 сентября 2014 года № 630, Министра образования и науки Республики Казахстан от 26 сентября 2014 года № 399 и Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 19 ноября 2014 года № 240.
- 12 Об утверждении Правил по организации работы подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан по защите женщин от насилия: приказ МВД РК № 1097 от 29 декабря 2015 года.
- 13 Об утверждении Правил организации и производства судебных экспертиз и исследований в органах судебной экспертизы: приказ Министра юстиции РК от 27 апреля 2017 года № 484 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 11 июля 2018 года).
- 14 О судебной практике по делам о вымогательстве: Нормативное постановление Верховного Суда РК от 23 июня 2006 года № 6 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 8 мая 2018 года).
- 15 О судебной практике по делам о хищениях: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 года

№ 8 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 31 мая 2018 года).

16 О некоторых вопросах квалификации преступлений, связанных с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера: Нормативное постановление Верховного Суда РК от 11 мая 2007 года № 4 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 22 мая 2018 года).

17 О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 7 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 14 мая 2018 года).

18 О судебной практике по делам о хулиганстве: Нормативное постановление Верховного Суда РК от 12 января 2009 года № 3 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 4 мая 2018 года).

19 О применении норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания: Нормативное постановление Верховного Суда РК от 28 декабря 2009 года № 7 // <http://adilet.zan.kz/> (дата обращения 12 мая 2018 года).

20 Применение судами норм Закона РК «О профилактике бытового насилия» от 14 декабря 2009 года // Бюллетень Верховного Суда. – 2009. - № 214.

21 О применении законодательства о необходимой обороне: Нормативное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 мая 2007 года № 2.

Основная литература

22 Абельцев С.Н. Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. - М.: МЮИ МВД, 2000. - 353 с.

23 Абдрашит А.А. Уголовная ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2004. - 152 с.

24 Алауханов Е.О. Криминология. – СПб.: «Юридический центр-Пресс», 2013. - 830 с.

25 Алауханов Е.О. Криминологическая характеристика преступности среди женщин // Фемида. - 2006. - № 11(131). - С. 11-16.

26 Алауханов Е.О., Зарипов З.С., Тукеев А.Ж. Преступность несовершеннолетних и ее профилактика: монография. - Алматы, 2009. - 297 с.

27 Алиев Р.Х. Общая характеристика насильственной преступности // Общество: политика, экономика, право. – 2007. - № 4. – С. 4-9.

28 Амиров А.М. Реализация принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям в Республике Казахстан // Молодой ученый. - Май, 2017. - № 21 (155). – С. 282-288.

29 Антонян Ю. М. Насилие. Человек. Общество. - М., 2001. - 247 с.

30 Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника (криминологи-

психологическое исследование). - М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 368 с.

31 Апенев С.М. Особенности уголовного проступка по уголовному законодательству **Республики** Казахстан (в сравнении с зарубежной законодательной практикой) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Юриспруденция». – 2017. - № 4 (50). - С. 51-57.

32 Ахмедшина Н.В. Криминологическая виктимология: современное состояние и перспективы развития: **автореф.** дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, – 2010. - 23 с.

33 Ахметов А.С. Правосознание как элемент правовой культуры казахстанского общества // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2014. - Вып. №4. - С. 36-40.

34 Базаров Р.А. Преступность несовершеннолетних: криминальное насилие, меры противодействия. – Екатеринбург, 1995. - 282 с.

35 Балтабаев С.А. К вопросу о бытовом насилии в отношении женщин // Вестник КарГУ. – 2015. - № 2 (78). - С. 110-113.

36 Беркинбаев Н.С. Преступность в Республике Казахстан в постсоветский период: **дис.** ... канд. юрид. наук. – М., 2004. - 193 с.

37 Благонадеждина Л.В., Буровский А.М., Зенько А.А. Индекс приемлемости физического насилия // Историческая психология и социология истории. – 2008. - № 1. – С. 50-78.

38 Бейсеев Б.Х. Криминологические и уголовно-правовые аспекты физического насилия: **дис.** ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2009. – 152 с.

39 Блэкборн Р. Психология криминального поведения. – **СПб.**, 2004. - 496 с.

40 Варыгин А.Н., Ильянова О.И. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в структуре насильственной преступности // Вестник Казанского государственного института МВД России. – 2013. - № 4 (14). – С. 38-41.

41 Волошин П.В. Насильственные хищения чужого имущества: **дис.** ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. - 163 с.

42 Воробьев С.М. Сравнительно-правовой анализ уголовно-правового понятия «психическое насилие» // Юрист-правовед. – 2017. - № 3 (82). – С. 93-97.

43 Галюкова М.И. Ответственность за насилие по уголовному законодательству России // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2009. - № 1 (5). - С. 71-77.

44 Галюкова М.И. Некоторые вопросы определения глубины психических страданий в уголовном праве // <https://www.sworld.com.ua/konfer32/51.pdf> (дата обращения 10 сентября 2018 года).

45 Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. - 119 с.

46 Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. - М., 1974. - 167 с.

47 Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу убийством: **автореф.** дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2006. - 28 с.

48 Джавадов Ф.М. Квалификация насильственных преступлений, совершенных с применением оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1985. - 21 с.

49 Джайнакова А.А. О задачах уголовной политики Республики Казахстан на современном этапе // Вестник Казахско-Русского Международного Университета. – 2016. - № 2(15). - С. 85-90.

50 Джекебаев У.С., Сарсенбаева С.Т. Проблемы предупреждения разбоев в Республике Казахстан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. - № 3. – С. 173-178.

51 Долгова А.И. Криминальное насилие как криминологическая и правовая проблема // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия). – М., 2004. - С. 4-24.

52 Жалинский А.Э. Криминология. Избранные труды. – 2014. - Т. 1. - 714 с.

53 Жилина Н.Ю., Савельева И.В., Терещенко В.И. Декриминализация побоев «за» и «против» // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. - № 5. - С. 128-130.

54 Жуманиязов М.А. Сущность уголовной политики Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. - 28 с.

55 Золотухин С.Н. Уличная насильственная преступность и ее предупреждение (по материалам Уральского региона): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2000. - 204 с.

56 Иванова В.В. Преступное насилие: учебное пособие для вузов. - М., 2002. - 83 с.

57 Иванцова Н.В. Уголовная ответственность за общественно опасное насилие: (вопросы теории и практики). - Чебоксары, 2006. - 216 с.

58 Иващенко А.В., Марченко А.И. Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. - Омск, 1996. - С. 3-12.

59 Каиржанов Е.И. К вопросу о методологии познания объекта преступления // В монографии «Уголовное правопонимание на современном этапе: методологические аспекты правоприменения». - Алматы, 2009. – 60 с.

60 Каиржанов Е.И. Интересы трудящихся и уголовный закон. - Алма-Ата: Казахстан, 1973. - 159 с.

61 Каржаубаева Л.М. Преступность несовершеннолетних в Республике Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. - 29 с.

62 Классен А.Н., Анохин А.Ю. Физическое и психическое насилие в уголовном праве. - Челябинск, 2006. - 85 с.

63 Корзун И.В. Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин (по материалам Республики Казахстан): дис. ... докт. юрид. наук. - Алматы, 2001. - 321 с.

64 Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1970. - 162 с.

65 Костюк М. Насилие в местах лишения свободы (социально-правовой

аспект) // Законность. - 1998. - №12. - С. 43-46.

66 Крайнова О.Л. Криминологическая характеристика форм криминального насилия: **дис.** ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. - 252 с.

67 Крюкова М.В. Современные реалии восприятия насилия: региональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. - № 5. – С. 228-230.

68 Куанышбек Б. Предупреждение тяжких насильственных преступлений против личности: **дис.** ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2010. - 159 с.

69 Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. - 192 с.

70 Кулушев С.М. Уголовная ответственность за похищение человека и нарушение права на свободу личности: **дис.** ... канд. юрид. наук. - Алматы, 2004. - 133 с.

71 Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. - М., 2005. - 912 с.

72 Малахова О.В. Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву: **автореф.** дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. - 25 с.

73 Мальцева С.Н. Насильственные преступления: сравнительно-правовой анализ по УК РФ и УК стран СНГ: **дис.** ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – 276 с.

74 Миненок М.М. Криминальное насилие несовершеннолетних: **дис.** ... канд. юрид. наук. - Калининград, 2005. - 217 с.

75 Мусаев Д.У. Виктимологическая профилактика преступлений против жизни и здоровья: **автореф.** дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2012. - 28 с.

76 Нарикбаев М.С. Уголовно-правовая охрана детства в Республике Казахстан: **дис.** ... докт. юрид. наук. - М., 1997. - 465 с.

77 Нарикбаев М.С. Особенности преступности несовершеннолетних // Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 2008. – С. 24-33.

78 Наумов А.В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / **под** ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. - М., 1997. - 139 с.

79 Нуртаев Р.Т. Неосторожная преступность: социологические и уголовно-правовые проблемы: **автореф.** дис. ... докт. юрид. наук. – Алматы, 1993. - 37 с.

80 Панов Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: **дис.** ... докт. юрид. наук. - Харьков, 1987. - 514 с.

81 Побегайло Э.Ф. Понятие и общая характеристика насильственной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – **2007.** - № 2(13). - С. 58-83.

82 Потетин В.А., Лебедева А.В. Ответственность за нанесение семейных побоев в российском и зарубежном законодательстве: историко-правовой и сравнительный анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2018. - № 2. - С. 30-35.

83 Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. - 165 с.

84 Рарог А. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // Уголовное право. - 2014. - № 5. – С. 85-93.

85 Раскина Т.В. Криминологические проблемы участия общественности в предупреждении преступности: дис. ... канд.юрид. наук. – М., 2007. - 209 с.

86 Ривман Д.В. Криминальная виктимология. — СПб.: Питер, 2002. - 304 с.

87 Роот В.В. Концептуальные основы безопасности личности в уголовном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Астана, 2008. - 42 с.

88 Сапаралиева С.М. Административно-правовые аспекты профилактики бытового насилия в Республике Казахстан // Вестник КазНПУ. – 2010. - № 2 (20). - С. 26-29.

89 Сердюк Л.В. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. - 2000. - №1. – С. 51-52.

90 Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. С.П. Щербы. - М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. - 378 с.

91 Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем: учебное пособие. - Волгоград, 1981. - 62 с.

92 Симонов В.И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1972. - 157 с.

93 Старков О.В. Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание). - Рязань: Изд-во РВШ МВД РФ, 1992. - 162 с.

94 Сулейменова Г.Ж. Уголовно-правовая ответственность за похищение человека: дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 2009. - 178 с.

95 Токубаев З.С. Уголовная ответственность за пытки: международный и отечественный опыт // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2017. - № 4(83). – С. 16-22.

96 Толеубекова Б.Х. Перспективы государственной политики Республики Казахстан по противодействию преступности // Вестник КазНПУ. – 2014 // <https://articlekz.com/article/10199> (дата обращения 14 октября 2018 года).

97 Третьяков А.С. Уголовно-правовая превенция тяжких насильственных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. - 203 с.

98 Тюменев А.В. Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2002. - 216 с.

99 Тыдыкова Н.В. Насильственные половые преступления: обоснованность криминализации и квалификация по объективным признакам: дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2008. - 203 с.

100 Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): дис. ... докт. юрид. наук. - Екатеринбург, 2006. - 408 с.

101 Чехов Г.Н. Личность современного насильственного преступника

как объект криминологического изучения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. - 27 с.

102 Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве (теория и практика уголовного права и уголовного процесса). - СПб., 2001. - 298 с.

103 Шарапов Р.Д., Дидрих М.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети Интернет: электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. - № 6 // <https://cyberleninka.ru/article/v/voprosy-kvalifikatsii-prestupleniy-protiv-zhizni-nesovershennoletnih-sovershennyh-s-ispolzovaniem-seti-internet> (дата обращения 1 сентября 2018 года).

104 Шарапов Р.Д. Парадигма взаимодействия уголовного права и криминологии (на примере криминологической теории насильственной преступности) // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2006. - № 4. – С. 79-80.

105 Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно наказуемого деяния и средство дифференциации ответственности. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 159 с.

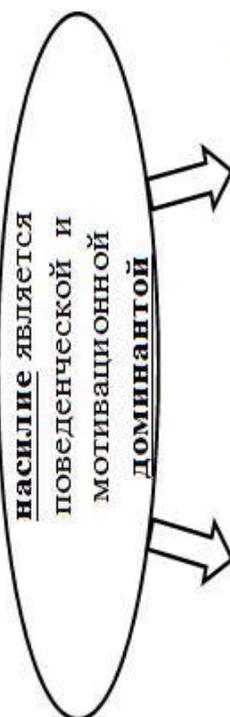
106 Щепалин И.В. Криминогенные детерминанты преступности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 2003. - 220 с.

107 Юзиханова Э.Г., Нифонтов В.А. Виктимологическая обусловленность насильственной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. - Тюмень: Изд-во ТЮИ МВД России. – 2013. - № 4 (26). - С. 43-48.

Приложение 1

Насильственные преступления

Глава 1:
ст.ст. 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 110, 111, 112, 113, 115, 120, 121

Глава 3:
ст. 146

Глава 4:
ст. 173

Глава 5:
ст.ст. 177, 178

Глава 16:
ст.ст. 380, 380-1

Глава 17:
ст.ст. 408, 409, 429

Глава 18:
ст.ст. 439, 440

Рекомендуемые «индексные» насильственные преступления:

ст. 99	ст. 380
ст. 106	ст. 380-1
ст. 107	ст. 408
ст. 110	ст. 409
ст. 115	ст. 429
ст. 120	ст. 439
ст. 121	ст. 440
ст. 146	

15 «индексных» насильственных преступлений

Преступления, сопряженные с насилием

насилие в качестве конститутивного признака (альтернативное действие, способ)

насилие в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака

иные формы воздействия, притягивающие к понятию «насилие» (склонение, понуждение, принуждение, дискриминация и т.д.)

ФОРМЫ НАСИЛИЯ

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ МЕТОД

(определение через вред, причиняемый потерпевшему, а не через действия виновного лица)

ФИЗИЧЕСКОЕ

умышленное
причинение вреда
физической
неприкосновенности
человека

ПСИХИЧЕСКОЕ

умышленное
причинение вреда
психической
неприкосновенности
человека

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ

разновидность *психического*
насилия, связанная с
осведомленностью виновного
о специфике протекания
психических процессов у
потерпевшего

Типология насильственного преступника

<ul style="list-style-type: none"> ▪ случайный; ▪ замыкающийся на конфликте; ▪ отрицательно ориентированный; ▪ злостный. <p>(Н.Ф. Кузнецова)</p>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ неуправляемый; ▪ возбудимый; ▪ упорный; ▪ безвольный; ▪ активный; ▪ демонстративный; ▪ демонстративно-застревающий. 	<p style="text-align: center;">Рекомендуемые к дополнению</p>
<ul style="list-style-type: none"> ▪ агрессивно-насиленный; ▪ отрицательно характеризующийся; ▪ случайный. <p>(Э.Ф. Побегайло)</p>	<p style="text-align: center;">(Ю.М. Антонян)</p>	

- Гиперкомпенсационный (применяющий насилие по отношению к беспомощным и находящимся в зависимом состоянии)
- Дискреционный (применяющий насилие «по призыву», по причине более высокого положения в социальной иерархии)

Специальные вопросы оценки насилственной преступности

Женщины

- дефекты в структуре гендерного «дисплея» (макро – и микро-уровни);
- решающее значение социальных и «семейных» факторов;
- отсутствие склонности к агрессивному насильственному поведению (преимущественно защита или «упреждающие» меры).

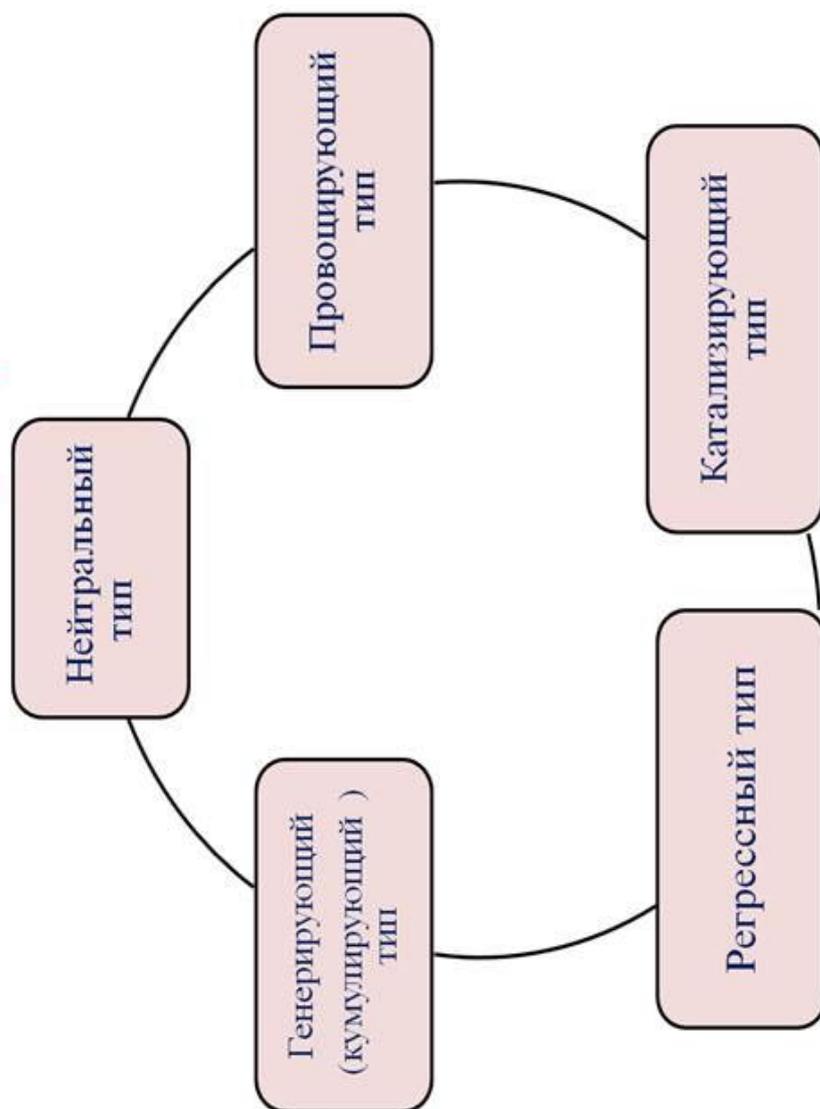
Несовершеннолетние

- протестная форма;
- стратегия самоутверждения;
- склонность к групповым формам поведения;
- механизм психологической компенсации и гиперкомпенсации;
- влияние взрослых;
- насилие чаще направлено против лиц младшего возраста;

Геронтологическая группа

- социальная неустойчивость;
- зависимость от близких;
- стереотипы, тенденции эйджизма (дискриминации пожилых людей).

Авторская типология жертв насильственных преступлений

Научное издание

Ж.Б. Жолжаксынов

**НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ**

МОНОГРАФИЯ

Подписано в печать _____ 2019 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Печать ризография. Объем 15 ус.п.л.

Тираж ___ экз. Заказ № ___

Отпечатано в